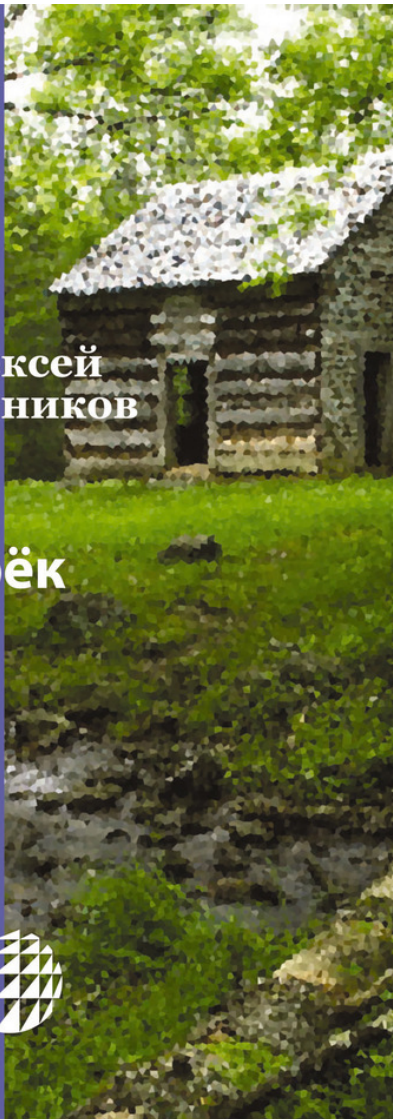

**Алексей
Иванников**

Хорёк

Алексей Алексеевич Иванников

Хорёк

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14650618

Аннотация

Вряд ли вы встречали в реальной жизни таких людей. Хотя здесь каждому везёт по-своему, у кого-то такие люди могли оказаться среди знакомых, у кого-то – даже среди родственников. Но не исключён и другой вариант: может быть, если вы отбросите в сторону весь страх и все условности, все наносные обстоятельства и мелкие детали, взглядевшись в этот образ, вы узнаете себя.

История умного талантливого мошенника-инвалида, ставшего по стечению обстоятельств многократным убийцей.

Хорёк

Роман

I

Здравствуйте. Это вы хотели видеть меня? Впервые меня кто-то навещает здесь, тем более неожиданно – что незнакомый человек. А мы точно незнакомы? Я ведь не знаю: что вам надо, мне всего лишь сказали, что кто-то хочет обстоятельно поговорить и дали целый час. Вы не следователь? Нет?! В-общем, не похожи вы на следователя. И чем же я могу помочь?.. Вы хотите, чтобы я рассказал о себе?.. Зачем это вам?.. Надо? Надо – понятие растяжимое, мне вот тоже кое-что надо, но ведь не дадут же, ещё и похамят и поиздеваются. Так что с чего бы я стал вам что-то рассказывать, я ведь не знаю – зачем. Для личных целей? То есть не для работы? Ну тогда... ладно. Но вы не боитесь? Я имел в виду: потерять кучу времени совершенно напрасно. У меня его тут навалом, даже приятно потрепаться, по причине отсутствия других удовольствий. Вам же: не знаю, не знаю... Может: вам подойдёт кто-нибудь другой, с совсем другим послужным списком? Я ведь не самый известный здесь клиент: есть куда интереснее. Что вы сказали? Именно я вам и нужен? Ну тогда ладно, хорошо, уговорили.

Имя моё вы знаете? А позвольте, как вас называть? Александром? Хорошо, договорились: так и буду. Что же касается имени, у меня есть ещё одно, многие воспринимали бы его за оскорбление, но я ничего обидного в нём не вижу. Меня

ещё зовут Хорьком: можете так и называть, если захочется. Хорёк – маленький, но хищный и злобный зверёк, способный дать отпор многим, кто будет крупнее, или в крайнем случае сделать ноги. Именно так я и поступал всегда, теперь, правда, от этого мало толку.

Многие с жалостью глядят на меня, замечая маленький рост, слишком большой череп и выражение лица: не слишком внушающее доверие. Они даже думают вначале, что я слабоумный: дегенерат, не умеющий связать и несколько нужных слов, чтобы выразить нечто серьёзное и значительное. И как же весело становится, когда они убеждаются в обратном: что скорее они слабоумны на моём фоне, а болтать по разным поводам и без повода вообще я способен часами: если, конечно, возникнет такое желание. Хотя при необходимости у меня всегда имеется запасной вариант: глаза в одну точку, дебильная улыбка на всё лицо, давно выработанная повседневной практикой, и капли слюны в углах рта, готовые сорваться и закапать пол или обувь врага, если только он приблизится на минимальное расстояние.

Когда я вхожу в раж, вдохновляясь от чувства грозящей опасности, то могу обмануть даже патентованного профессионального психиатра, с умным видом изучающего мою ничтожную для него персону. Но использую способности я всегда только по делу, когда есть реальная угроза нападения. Вид обгадившегося младенца просто не позволяет недругу приступить к исполнению жестокого желания, так что в

большинстве случаев подобная стратегия идёт на выручку. И ещё бы не шла: маленький, тощий, сопливый, слабоумный – только у последнего садиста поднимется рука на такого, но садисты, к счастью, в жизни мне встречались нечасто.

Хотя здесь, кстати, их вполне достаточно: здесь же сидят не простые убийцы, а те, кто в этом деле сильно преуспел. Так что для меня тут совсем неподходящая компания: то, что для меня стало стечением обстоятельств, для них было повседневной реальностью. Тут ведь обретается, кажется, и «битцевский маньяк», и ещё несколько известных персонажей, так что хорошо, что у каждого отдельная камера. Вряд ли я поладил бы с ними, но наше общение ограничивается редкими встречами в коридоре, когда кого-то ведут мимо, а остальные из-за дверей пытаются что-то кричать. Бессмысленное дело, ведь когда арестанта сопровождают в медпункт или куда-то ещё, ему ведь заламывают руки и пригибают голову, так что единственное, о чём он может думать в таком положении: как бы не грохнуться на каменный пол. И общением это можно назвать с большой натяжкой. И вообще здесь совсем несладко.

Неужели вы думаете: что у меня тут много удовольствий? В-основном книги, изредка – газеты, главное же моё развлечение – слушать болтовню птиц, голубей и особенно воробьёв, ведущих свою повседневную жизнь в непосредственной близости от камеры. Какие вопли они издают рано утром, когда я ещё должен в соответствии с распорядком

спать, но разве позволят мне это сделать мелкие паразиты, для которых я сам выгляжу гигантом. Завидую ли я им? Безусловно. Они ведь вольные птицы, и никто не будет держать их взаперти, не позволяя даже носа высунуть наружу, и всё якобы ради общего блага. Или ради справедливости, чтобы ни одна жертва не осталась неотомщённой, хотя кто спрашивал у мертвецов, чего они хотят на самом деле?

Жмурику – ему уже всё равно, что происходит на этом свете, с которым ему пришлось раньше времени проститься. В ад же, рай и прочие глупости я не верю: не было ещё никого, кто смог бы подтвердить их существование, тем более что любое обиталище должно где-то находиться, а вы представьте себе: если бы существовали ад и рай, то для размещения всех оказавшихся там за долгие миллионы лет какими размерами они должны обладать?! И где же они могут поместиться, вместе со всем сопутствующим оборудованием и обслуживающим персоналом, если верить в давно сложившиеся сказки?

А австралопитеки? Неужели вы думаете, что господь бог – существуй он на самом деле, упустил бы возможность и не сделал бы ставку и на этих наших дальних предков, в течение миллионов лет заселявших землю? Он ведь был бы не таким формалистом, как представители церкви. А также на прочих живых существ, безусловно обладающих душой не меньшего калибра, чем какой-нибудь тупой и нудный амбал, имеющий пару извилин, да и то не в том месте!

Если же распространить подобные суеверия на целую Галактику: то представьте, какие понадобятся территории, чтобы вместить всех обладающих душами живых существ, уже за сколько там – то ли десять, то ли пятнадцать миллиардов лет – возникавших и уходивших в небытие! Это ж страшные цифры, совершенно не поддающиеся описанию, и неужели кто-то действительно предполагает, что после смерти он должен оказаться где-то в высших мирах, свободно разместившись среди соплеменников?

Ставя такие вопросы приходящему сюда иногда попу, я неоднократно вгонял его в краску. Что мог ответить мне жирный хорошо отъевшийся попик, явно не кончавший ничего кроме обычной семинарии: да и то, если судить по жалким невнятным мычаниям, преимущественно на тройки, за что и оказался он сослан в эти не самые благоприятные края. Собачий холод зимой, осенью и весной – дожди, летом же количество самых разных паразитов – начиная с мошки и комаров и заканчивая неизвестными мне гадами – зашкаливает так, что даже надёжная вроде бы защита в виде сеток не слишком помогает. Хитрые негодяи всегда найдут где просочиться, пусть даже это всего лишь открываемая раз в сутки дверь, надёжно разделяющая разные помещения. Как будто специально ждут они и следят, когда наконец откроется дорога к новой жертве, которую можно будет слегка поглотить, пока она ничего не подозревает. Но я уже хорошо узнал замашки местной живности, так что совсем непросто

обмануть им меня. Забравшись по-тихому в мою камеру, паразиты ждут наступления темноты, прячась где-нибудь под лежанкой или в тени умывальника. Однако я уже знаю, где их искать, так что просто время от времени проверяю места их сбора и ночёвки. Тем более что особо здесь всё равно нечем заниматься: государство взяло на себя заботы и о моём проживании, и об одежде, и о питании, и даже о ежедневном досуге, скудном до безобразия. Разве стал бы я раньше дожидаться старый просроченный номер газеты и потом зачитывать его до дыр? Никогда не любил прессу: зачем, если есть телевизор или в крайнем случае радио, где то же самое можно узнать спокойно и со всеми удобствами, не прикладывая лишних усилий? Развалишься на диване и слушаешь: что ещё случилось интересного на этом свете, кого ещё кокнули в тёмной подворотне или размазали по асфальту, наехав тяжёлым грузовиком. Или где случилось очередное землетрясение и к каким человеческим жертвам оно привело. Что вы сказали? Наслаждаюсь своей безопасностью? Ничего подобного! За себя я всегда готов постоять или хотя бы ловко вывернуться из очередной ловушки. Что же касается случившихся жертв, то к ним у меня совершенно другое отношение. Это их плата за то, что они родились как все, как все выросли и получили всё полагающееся – и даже с явным избытком! В отличие от меня, так и не сумевшего дорасти до нормального размера и получить достойное образование. Так что, слушая про очередную жертву катастрофы, я просто

злорадно смеюсь, вспоминая пословицу «любишь кататься – люби и саночки возить». Его ведь никто не заставлял возвращаться домой после полуночи тёмным переулком, или не сажал насильно за руль легковушки: нет, *он сделал это сам*, ну так пусть теперь расплачивается за случайное легкомыслие! Выставляясь напоказ, любой человек рискует получить удар ножом в спину или кирпичом по балде, и чем больше его претензии на известность и значительность, тем сильнее может оказаться увечье. Особенно если он нажил себе врагов – врагов серьёзных и значительных, не показывающих своего реального отношения. Такой затаившийся враг может стоить десятка открытых недругов! И однажды, когда не ждёшь ничего такого, вдруг оказываешься жертвой, но совсем не невинной, а сознательно выбранной и подготовленной.

Разумеется, я говорю о себе: стал бы я так долго распространяться на абстрактные темы, если бы дело не касалось меня. Своя рубашка – даже драная – всегда ближе к тощему загорелому телу, чем чужой накрахмаленный фрак. Фрак же хочется или спереть, или в крайнем случае измазать в какой-нибудь грязи, чтобы его обладатель не выпендривался перед всеми, демонстрируя свои могущество и богатство. Именно такие причины всегда двигали мною, именно потому я и оказался в конце концов на этих грязных вместительных нарах, и именно поэтому вы и пришли ко мне. Скажете – не так? Конечно, если рассуждать логично, то вы просто интересуетесь криминальным миром – я так, кажется,

понял – и в процессе знакомства вам попала на глаза моя история. История, безусловно, нестандартная – с чего бы вдруг талантливый вор-карманник переквалифицировался в мокрушники, сразу перечёркивая блестящую карьеру? Я ведь не только убил то самое злосчастное существо и нескольких близких ему людей, но и дал поймать себя! Причём попался из-за собственных глупостей и ошибок: явная потеря обычной концентрации стоила мне кучу времени, которого вполне хватило бы на обеспечение алиби – кажется, так любят называть это сыщики и журналисты? Вы не журналист? И кто же? Социолог? Ах, учёный, занимающийся окружающим нас бардаком и желающий выудить из него какие-то закономерности? Ах, вы ещё и собираете материалы для диссертации: для кандидатской? На тему? Вы не удивляйтесь, что я так подробно расспрашиваю: сидя уже пятый год на нарах, я нашёл себе интересную отдушину. То есть я всегда любил читать научно-популярную литературу, просто далеко не всегда были у меня такие возможности. Теперь же у меня куча времени и долгие-долгие ещё годы впереди, когда я могу заняться самообразованием. Аттестат за одиннадцать классов – всё, что есть, где уж было просвещаться и образовываться, так что именно тут я получил такую возможность. Я даже подумываю о поступлении в институт: разумеется, на заочное отделение. Как вы думаете, меня примут? Хотелось бы хоть к сорока годам получить диплом, чтобы не воспринимали посторонние как дебила или слабоумного, кроме тех

случаев, разумеется, когда я сам захочу взять на себя такую роль. Ведь получится?

Мне не так много: тридцать восемь, в декабре будет тридцать девять. Надеюсь ли я выйти отсюда? Надеюсь: несмотря на жестокий приговор и почти полную безнадёгу, опирающуюся на такой срок. Двадцать пять лет – это не шутки, не все столько и живут, мне же предстоит провести их здесь – за колючей проволокой и крепкими засовами, так что, если не будет поблажек, то выйду я только в пятьдесят девять.

Разумеется, я всё делаю для того, чтобы получить амнистию или хоть какую-то скидку, но пять трупов – это пять трупов. О четырёх из них я до сих пор сильно жалею, о чём я не уставал повторять и во время процесса, и после, но чего не вернёшь, того уже не вернёшь... Абсолютное стечение обстоятельств, несчастливая судьба, небольшая ошибка в расчётах: и чтобы выбраться из дома, пришлось убивать ещё четверых. Пистолетом, разумеется пистолетом: разве смог бы я нанести вред взрослому человеку каким-нибудь ножичком? Я бы просто не достал, да и потом: одно дело – когда ты нажимаешь пальцем на курок, и противник просто падает, совсем же другое – когда ты втыкаешь ему нож куда-то в тело. Он же ведь будет защищаться и бить тебя в ответ, стараясь ударить побольнее! А хлещущая кровь? Я совсем не слабак, но даже мне от такого зрелища может стать плохо. Так что в дом я полез с пистолетом и твёрдо поставленной целью: рассчитаться с негодяем за всё, что вытерпел от него. Разу-

меется, я говорю о главе семейства: Блуднике-старшем. Одна только фамилия о многом говорит! Просто так не раздаются такие фамилии, вы-то как социолог должны понимать. Редкая сволочь, поверьте мне на слово, и если бы не я пришел его тогда, это сделал бы кто-то другой. А как страдали от него другие официанты и особенно официантки – он ведь, несмотря на старпёрский уже возраст, проходу никому не давал! Слишком долго ни одна у него не задерживалась, кроме тех, разумеется, кто позволял ему всё что угодно. Мужчин же просто унижал и третировал, как будто они были рабами, обязанными делать всё для властного хозяина. За что и поплатился в конце концов, чего я совершенно не стыжусь и о чём совершенно не жалею, несмотря даже на жестокий приговор и туманные перспективы. Если бы имелся выбор, я бы всё равно достал ублюдка, тем или иным способом заставил пожалеть его обо всём, просто сделал бы это умнее и без лишних жертв. И мы сейчас не трепались бы в узком тесном кабинете, и встретиться имели шанс только в совершенно другом качестве.

Как: вы уже уходите? Но вы ещё придёте? Не хотелось бы потерять такого собеседника. Тут ведь особо и общаться-то не с кем: с конвоирами запрещено, среди же заключённых найти кого-то приличного тоже практически невозможно. Здесь же особая зона! Убийцы, маньяки и садисты: совсем не моя среда, хотя я тоже не лыком шит. Но не до такой же степени! То, что я здесь – стечение обстоятельств, не

больше того, они же всей своей жизнью прокладывали дорогу сюда, честно заслужив пожизненные места в своих камерах-одиночках. Так что вы ещё придёте? И тогда я уже гораздо лучше смогу удовлетворить ваш интерес, и я расскажу о таких вещах, что ваши коллеги изойдут слюною от зависти и злобы и сильно пожалеют, что не хватило у них смелости отправиться в эту глушь, где спрятан такой богатый и обширный материал!

II

Добрый день. Прошла всего неделя, а вы уже здесь. Я забыл спросить в прошлый раз: а вы не из Москвы? Я ведь сам не местный, и всю жизнь провёл в столице. Было бы тогда вдвойне приятно. Нет? Ах, из области. Значит, не совсем ещё загнулась наука за кольцевой, это не может не радовать. Я ведь так понял: что с наукой нынче совсем паршиво. В загоне она и в унынии, и только где-то по углам шуршат э... учёные, перебирая старые бумажки. Как, нет?! Может, это касается вашей области, а так, насколько я понял, в-основном-то разруха и хаос. Ну, бардак, помноженный на нищету. Ах, у вас специальная программа? И где же? В областном университете? Это на что же выделяют у нас нынче деньги, за исключением нанотехнологий? Надеюсь: вы не в рамках подобной программы работаете: что-нибудь типа «Нанопреступность в России»? Шучу-шучу. Ах, понятно: предотвращение и профилактика преступности. Ну-ну. Нет, я понимаю, работа у вас такая и тема диссертации, видимо, тоже.

Угадал? Разумеется, да. И чем же вас заинтересовала моя история? Ах, меня рекомендовало руководство тюрьмы. Ну ещё бы: я же, можно сказать, встал на путь исправления, и, в отличие от большинства местных сидельцев, совсем не потерял человеческий облик. Вы не общались с соседом справа по коридору? Он же просто какой-то зверюга, давно уже разучившийся нормально объясняться с людьми. Каждый раз, когда его выводят из камеры, охранникам приходится приводить его в чувство. Возможно, по нему давно уже дурдом плачет, просто кому это нужно: лечить старого выжившего из ума маньяка.

Я хорошо понимаю местное руководство: пускай уж лучше этот скот тихо подыхает в своей берлоге, а не портит кому-то жизнь. Наверняка и на свободе – в прежней жизни – всем общавшимся с ним приходилось нелегко, а уж сейчас – когда он постарел и обрюзг: это вообще сомнительное удовольствие. Видел я его пару раз: здоровый губастый детина со взглядом упыря и дебила. Вот с таким бы я точно не захотел сидеть в одной камере или просто знакомиться: он ведь убьёт не задумываясь, просто чтобы попробовать на ощупь горло очередной жертвы. Интересно, сколько на нём висит? Наверняка ведь намного больше, чем на мне. Ну и мерзкий характер ничем не скроешь: когда на него находит, он протяжно долго воеет и что-то бормочет. Как будто он из оборотней, затесавшихся среди нормальных людей. Когда же вой доходит до максимума, то даже охрана не выдерживает и вла-

мывается к нему в камеру. Вот тогда бывает представление! Они лупят его, ногами и дубинками, заставляя верещать ещё громче, пока наконец не вырубают. Только тогда можно наконец успокоиться и заснуть всем окружающим этого ублюдка, в противном же случае – если его не успокоить – ещё одна бессонная ночь обеспечена. Я даже просил перевести меня в другое место: но местные бюрократы абсолютно такие же, как на воле, зачем им стараться и шевелить лапами, если этого можно и не делать. Так что приходится терпеть жуткое соседство с надеждой на то, что недолго уже ему осталось топтать землю и как-нибудь он всё-таки заgnётся.

Ну ладно: оставим уродов в покое, вы же хотели, кажется, чтобы я рассказал о себе. Вы ведь этого хотели? Я готов.

Как рассказывала мне мать, я долго не хотел появляться на свет. Долго – месяцев десять или одиннадцать. По всей видимости, я заранее предвидел, какое количество самых разнообразных гадостей ждёт меня здесь, и потому я благо-разумно – до последней возможности – оттягивал момент. Лишь заботы врачей лишили меня тёплого уютного ложа: кесарево сечение грубо нарушило долгий покой, и в середине декабря меня наконец выпихнули в самостоятельную жизнь.

Как рассказывала мать, несмотря на такой долгий срок я оказался достаточно мелким: но поскольку она и сама была не великаншей, меня посчитали нормальным. Моя мать тоже низкого роста: сантиметров на пять повыше, что компенсируется у неё толщиной, особенно в последние годы. Что же

касается отца: его я никогда не видел, даже на фотографиях. Что вы сказали? Откуда моё отчество? По её версии моего отца звали Сергеем, работал же он геологом и постоянно находился в экспедициях. Что касается имени: верю, именно так его и звали, только вот всё остальное настолько отдавало ложью и тухлятиной, что ещё в ранних классах школы я понял горькую истину. Точнее две истины.

Одна касалась непосредственно меня. Подслушанный как-то разговор дальних родственников шёл обо мне: один из них назвал меня инвалидом и жертвой несостоявшегося аборта, так что слегка пренебрежительное отношение к нам обоим преподносилось как совершенно естественное и справедливое. Они жалели меня и снисходительно воспринимали многие шалости, делая скидку на предполагаемую неполноценность и ущербность. Видели бы они меня сейчас: я ответил бы им так, что они сразу заткнулись бы, ощущая уже себя дураками и невеждами!

Вторая же истина касалась отца. Не знаю уж, что у него там случилось с матерью, но я был явно нежеланным ребёнком. Я не исключаю даже, что мать подверглась насилию, и именно поэтому меня и пытались выковырять и выбросить на помойку. Но я, видимо, так вцепился в жизнь – всеми конечностями сразу – что меня просто не смогли извлечь, и, обидевшись, я сидел внутри до последней возможности.

Отец же – который и передал свою живучесть – явно проводил свои командировки во вполне определённых местах:

таких же, как это. Как-то я услышал разговор во дворе: один парень советовал другому не лезть ко мне, причём не потому, что я маленький и слабый. Он брякнул, что мой отец уголовник и связываться со мною просто опасно. «А то придёт и урлет!» Хотел бы я, чтобы именно так всё и случилось. Мелкие размеры далеко не всегда служили мне защитой, так что стоило кое с кем посчитаться. Однако за долгие годы я так и не дождался возвращения отца из затянувшейся экспедиции, к чему он явно и не стремился. Если бы захотел: он мог хоть как-нибудь напомнить о себе, и уж как-нибудь я бы узнал об этом от матери.

Однако явно не до нас ему было: я не исключаю даже, что он мог просто и не знать о моём существовании, если у них с матерью дело свелось к короткой шальной связи. Зачем ему нужна была моя мать! Может я говорю и плохо, но она всегда была непривлекательной женщиной: полтора метра ростом, с толстыми распухшими ногами и грубым лицом. Кого она могла привлечь! Даже на старых фотографиях – в молодости – она сильно смахивала на посудомойку, кем на самом деле и работала большую часть жизни. Так что может для неё это было и достижение: что она смогла хоть на время привлечь моего отца, оставившего следы своего присутствия в моём лице и давшего ей смысл жизни.

Я не хочу углубляться в подробности семейной биографии, но кое-что могу рассказать. У моей матери имелся старший брат – совершенно нормального вида, не то, что мы, и

ещё несколько двоюродных братьев и сестёр. Родители же матери, а мои соответственно бабушка с дедушкой умерли рано: ещё когда я только пошёл в школу. Моя мать сама была поздним ребёнком, я же родился совсем поздно: матери тогда стукнуло почти сорок, и никто явно не ожидал от неё такого подвига. Жили мы в комнате в коммунальной квартире, хотя дом и место были совсем не простые. Это был центр города: один из переулков бульварного кольца, с расположенным совсем близко прудом и другими полезными довесками. Я только сейчас понимаю, насколько ценным оказалось место: на фоне нищеты, с которой теперь приходится иметь дело. Тогда же я совершенно не ценил, например, ту библиотеку, что находилась в соседнем здании, или, например, театр, в доме напротив. Пару раз я всё-таки ходил на спектакли, я любил только комедии и не стал бы сидеть и смотреть какую-то нудятину. Сейчас бы я с удовольствием пошёл на какой угодно спектакль, хотя бы ради одной обстановки, но кто ж предложит мне теперь что-то подобное?

Дом, где мы жили, находился недалеко от различных удовольствий, но там был ещё и хороший двор. И ещё переулочки: которые стали моей настоящей школой жизни и дали мне побольше, чем настоящая школа. Хотя я, наверно, слишком забегаю вперёд: лучше, наверно, двигаться по порядку, примерно так, как я окунался в окружающую меня жизнь. Вас ведь интересует, как человек становится э... криминальной личностью, приобщается к тёмным углам и закоулкам? Это

я пожалуйста, без вопросов. Но тогда давайте: я – вам, а вы – мне. То есть я без утайки расскажу о своей жизни, вы же поможете мне кое в чём. Вы ведь наверняка можете повлиять на тюремное руководство и кое-чего для меня добиться. Договорились?

Вопрос на самом деле несложный и чисто бытовой: это первое. В моей камере сломался умывальник и пол стало иногда заливать. Можете себе представить: как мне приходится на несчастных девяти или десяти метрах! Я же ступить не могу, боясь вляпаться, так что можете представить, какая там возникает обстановка!

И второе: из-за всего этого я начал кашлять. Подозреваю, что неспроста, но попробуй докажи доктору, что мне нужна помощь! Они скорее нас убить готовы, чем оказать помощь: разумеется, здесь же собраны убийцы и маньяки, и отношение у персонала соответствующее. Так что: вы не могли бы попросить, чтобы меня нормально осмотрели и дали таблетки, если надо? Хорошо? Я ведь неопасный, как многие тут, и совершенно не заслуживаю такого отношения. Договорились?

Вот и хорошо. Возвращаясь же к моему появлению на свет, хочу заметить: что никто к нему готов не был. Мать явно переросла тот возраст, когда от неё ожидалось что-то подобное. Она мне как-то хвасталась, что была у неё в молодости любовь, без особых правда деталей и подробностей. Я так и не понял, кто там кого бросил: но судя по всему по-

страдавшей стороной, как и обычно, оказалась моя мать. Но ведь если бы у неё всё срослось тогда, меня бы ведь не было?! Так что судьба распорядилась тогда удачно, не дав появиться моему конкуренту, и так же удачно распорядилась она, когда родился я. У матери тогда пошла в гору карьера, если можно так сказать: незадолго до того она получила наконец ту комнату, где прошло моё детство, и перешла работать в школу. Так что предпосылки для моего рождения были созданы, и мне оставалось только родиться.

Как рассказывала мать, она чуть не умерла, рожая меня. Непокойный активный характер проявился уже тогда: чтобы извлечь меня, потребовалось даже кесарево сечение, и мать потеряла так много крови, что могла умереть. Через пару недель, по всей видимости, нас выписали из роддома, и на несколько месяцев она рассталась с работой.

Разумеется, я ничего не помню из происходившего в первые два года жизни: самые первые воспоминания начинаются с трёхлетнего возраста, да и то всё выглядит очень смутно. Со слов матери я знаю, что на работу ей пришлось вернуться через полгода, приглядывать же за мною ей помогала мать и моя соответственно бабушка. Как-то они там договаривались между собою, распределяя время и возможности: я был с самого начала беспокойным типом, и приходилось им совсем непросто. Первое, что я помню – жуткий скандал, который я закатил из-за того, что мне не дали какую-то игрушку: потрясение от такой несправедливости оказалось настолько

сильным, что я орал и катался по полу, не помню вот только: получил ли я желаемое. Мать ведь была нищей, и если в том, что касается еды, у нас никогда не возникало недостатка, то в остальном дело было по-другому. Мать ведь работала в школьной столовой, причём в не самой плохой школе, так что самые разнообразные продукты у нас имелись даже тогда, когда их не было в магазинах. Нет, нам не было нужды выстаивать огромные очереди и сражаться за кусок колбасы или сыра, так же как и за какие-нибудь апельсины или мандарины. Регулярно приносимые домой авоськи происходили из нескольких огромных холодильников на кухне, куда однажды я как-то сунул нос. Знакомый уже с продовольственными магазинами для всех – куда мы всё-таки заходили покупать хлеб и прочие самые обычные продукты – я поразился обилию того, что попадало в школу. Гирлянды сосисок и сарделек, цыплячи тушки, пакеты с мороженной рыбой, палки колбасы: таков был примерный список запасов, не говоря уж про вульгарные яйца или самые разнообразные овощи и фрукты. Вряд ли контроль могучих богатств был максимально строгим, что и позволяло причастным к процессу – в разумных количествах, конечно – обеспечивать себя дармовой едой. Я скажу больше: несмотря на внешнюю нищету жизни, я был с детства избалован во всём, что касалось еды. Когда мы шли в гости к родственникам, то я совершенно не бросался на гастрономические изыски, которыми развлекался кое-кто из родных. Я мог наоборот забраковать ка-

кой-то деликатес, и родственник ещё удивлённо спрашивал мать: а что со мной такое?

Но разве могла она рассказать сомнительную правду, разве могла она признаться, что несмотря на внешний официальный статус полной голодранки, она имеет в своём распоряжении эти продукты, которыми кичливо хвастаются пригласившие нас родственники, а также некоторые другие, которыми родственники похвастаться не могут. Кулинарные способности позволяли матери делать многое и делать хорошо, так что она сама могла бы удивлять снисходительных родичей, но она этого не делала: а то семья брата перестала бы помогать нам. Во всяком случае, устраивая очередную тайную вечерю, в которой участвовали только мы двое, мать всегда предупреждала, чтобы я держал язык за зубами. Да и вообще самое сильное впечатление детства у меня осталось от одного, можно сказать, наставления, которое сделала мать, когда я уже немного вырос. Я уже начинал понимать, что отношения с другими людьми совсем не обязательно могут быть добрыми и положительными: отобранная у меня как-то в песочнице игрушка – блестящая красная машинка – так и не вернулась ко мне, и несмотря на поднятый по этому случаю рёв никто так и не помог вернуть пропажу. Так вот мать сказала мне тогда: *никогда не отдавай другим своё! Схватил – и не выпускай! А иначе будешь голодранцем.*

Я помню, что внимательно выслушал тогда её – несмотря на характер, я всё-таки тогда слушался её советов и реко-

мендаций – и слегка задумался. А ведь я сам могу схватить чужое: и что будет при таком развитии событий? Но ведь хозяин может об этом и не узнать: и тогда надо будет доставить предмет в свою норку и спрятать его. И он станет моим.

Приносимая матерью из школы еда подчинялась именно данному правилу, давая нам столько радости, так что я с удовольствием воспринял его. Про свои умозаключения – развивавшие и обогащавшие правило – я говорить не стал. Я тогда ещё только слушал и впитывал, не решаясь на самостоятельные действия и шаги, да и кто бы стал слушать мелкого карапета? Примерно тогда – в три года – и обнаружилось впервые моё отставание от сверстников в росте. Как говорила мать, меня принимали за совсем ещё маленького ребёнка, хотя я уже начинал понимать происходящее: только встретившись со мной взглядом, взрослые сознавали свою ошибку. Тогда я ещё не умел прятаться, тогда мой взгляд выражал очень многое, про характер я уже сказал. Только матери удавалось полностью подчинить меня: и больше я никого слушаться не собирался. Я был тот ещё фрукт! А как я умел выражать своё отношение: особенно недоброжелательность, и особенно когда обидчик действительно был виноват передо мною! Сжав плотно губы, я сверлил негодяя тяжёлым сумрачным взглядом, не обещавшим ничего хорошего, хотя, казалось бы, чего подростку или тем более взрослому было бояться такого карапета как я? Однако карапет был уже тогда совсем не прост: что мне стоило как бы случайно описать,

пустив тонкую струйку в направлении ничего не подозревавшего обидчика, или вывалить слюни вперемешку с соплями ему на ногу или на костюм, изображая одновременно оживление и бурную радость! Разве кто-то мог подумать, что в таком ещё совершенно не сознательном возрасте я мог проворачивать уже вполне сознательные комбинации, про одну из которых позже неоднократно рассказывала мать. Сообразительность – инстинктивная и явно природная – позволила мне тогда получить предмет, который мне никак не желали давать, причём не из-за жадности. В том раннем возрасте мне просто нельзя было есть то, что я смог в конце концов выцыганить у судьбы. Речь шла о клубнике, больших спелых ягодах, лежавших в миске на столе, к которым я всё порывался своей крошечной мелкой ручкой, не желая понять и признать, что сидящие вокруг взрослые и не собираются угощать меня манящими яркими плодами. Я попробовал даже плакать: однако никакое нытьё не могло переубедить их. И что же я сделал? Не догадаетесь. Сидя в высоком детском креслице, я неожиданно схватился за скатерть и оттолкнулся всеми силами от стола: немногочисленная посуда не смогла сдержать мой порыв, и я грохнулся вместе со стулом, уронив на себя миску. Когда же взрослые наконец достали нарушителя из-под пёстрого вороха, я уже уписывал одну из ягод, крепко сжимая в ладошках ещё несколько штук: так дорого доставшееся богатство.

Досталось ли мне тогда за это? Вряд ли. Я и так уже по-

страдал от собственной предприимчивости и сам себя, можно сказать, наказал: несколько ощутимых синяков, на которые я сначала не обратил внимание, вызвали интерес у матери и гостей, и тогда уже, с опозданием обнаружив их, я заревел.

Что? Часто ли меня наказывали? Я бы не сказал. Меня ведь требовалось ещё поймать: то есть доказать, что именно я виноват в том, что случилось. Меня ведь не принимали за полноценного, пусть маленького человека, и кто мог подумать, что некоторые непонятные происшествия, так и не получившие внятного объяснения, случились по моей воле, точнее по воле моих шустрых шаловливых ручек?

Запущенная в ванной из крана вода чуть не затопила нижних соседей: кто-то просто успел к тому моменту, когда вода собиралась уже переливаться в коридор с незащищённым полом; выкинутая из окна четвёртого этажа кошка, отделавшаяся лёгкими переломами; и наконец: чуть не спалённая квартира, из-за включённых на кухне газовых горелок. Такими были главные мои подвиги, так и не выявленные в ходе разбирательств: если кошка по дурости ещё и могла сама сигануть из открытого окна, то объяснить включившуюся воду оказалось почти невозможно, тем более открытые одновременно две или три конфорки. Эти случаи вызывали обострение отношений и даже конфликты в и без того не слишком дружной квартире. То есть заявлять, что квартирка была скандальная, я бы не стал: просто очень разные люди с

разными судьбами и интересами оказались впихнутыми в не самое обширное пространство, и каждый, разумеется, тянул в свою сторону.

Соседей у нас имелось трое: разведённая наглая хохлушка с маленькой дочкой, старый еврей с оставшейся далеко за плечами жизнью и молодая семейная пара. Каждая семья имела по комнате: обиталище же находилось на четвёртом этаже пятиэтажного дома, построенного уже давно и рассчитанного, по всей видимости, на других жильцов. Но других жильцов давно уже не стало, и высокие потолки с лепниной в углах служили нам и таким как мы. Не знаю уж как мать добилась этой комнаты: двадцатиметровое просторное помещение было для нас с матерью – таких маленьких рядом с другими людьми – ещё крупнее и вместительнее, так что на недостаток жизненного пространства пожаловаться мы никак не могли. Мы наоборот: несколько даже терялись там, где находились места общего пользования. Здоровая плита, высокие окна и подоконники, звучащий гулко туалет и огромная ванна, в которой я мог даже немного плавать: примерно в такой обстановке протекала наша жизнь в те годы. Габариты предметов явно рассчитывались на других людей – как минимум таких, как старый еврей Евсей Срульевич, занимавший самую дальнюю по коридору комнату и редко выходивший из неё. Навещавшие его родственники вытаскивали высокого тощего старикана из родного гнезда и позволяли увидеть, что он ещё жив и тихо существует на своих пятна-

дцати или двадцати метрах, заставленных старыми ящиками и коробками, а также шкафами, набитыми книгами. Всего несколько раз попадал я в вечно запертое изнутри помещение, хозяин которого не желал иметь дело ни с кем на свете. Как я понял, он только и делал, что читал старые заплеванные книги, забивавшие большую часть его жизненного пространства, отвлекаясь только на еду и самые неотложные дела. Но даже отправляясь в туалет, он обязательно запирает комнату на ключ, так что мне ни разу не удалось оказаться в его берлоге в одиночестве и оглядеться по сторонам. Не думаю, что у него были спрятаны настоящие богатства: назойливые родственники уж как-нибудь нашли бы способ обезопасить своё предполагаемое наследство от опасностей, если бы там имелось что-то действительно ценное, хотя бы запихнув Евсея Срульевича в дурдом. В конце жизни он давал для этого поводы: и так не слишком общительный старик стал регулярно устраивать скандалы из-за малейшего повода, так что доставалось даже его родным. Помню одно такое выяснение отношений: когда я тихо торчал в коридоре, дверь его комнаты резко распахнулась и с грохотом ударила в стену, а выбежавшая родственница – уж не знаю, кем она ему приходилась – с воплями проскочила мимо меня и выбежала из квартиры. Грозный же старикан – неожиданно проснувшись – какое-то время ещё стоял на пороге и кричал грубости, не обращая на людей ни малейшего внимания.

В конце концов он тихо умер в своей комнате, и назой-

ливым родственникам досталось его наследство, только вот комната, на которую они безусловно тоже имели виды, уплыла мимо. Но случилось это намного позже, в те же начальные мои годы я почти не сталкивался с мрачным нелюдимым стариком и общался всё больше во дворе. Разве могла мне быть интересной молодая семейная пара, недавно только распавшаяся, или стервозная глупая хохлушка, носившаяся со своей не менее глупой дочуркой как с писаной торбой, думая в то же время о том, как бы охмурить кого-нибудь? В памяти у меня осталась только её фамилия. Петрусь: именно так звали лезущую во все места и не оставляющую ничего без внимания нахрапистую тётку. Среди дислокаций, где регулярно обнаруживался её нос, были и кастрюли со сковородками на плите, и развешиваемое сушиться на кухне бельё, и, разумеется, комнаты соседей, которым она не давала спокойно жить, быстро тараторя что-то со своим легко узнаваемым акцентом. Любые сплетни и слухи, случившиеся в ближайших окрестностях происшествия, выброшенный в магазинах дефицит: всё это легко переваливалось через порог нашей квартиры и потом затопляло её, надоедая в конце уже ненужными деталями и подробностями, так что соседи старались по возможности быстро отделаться от неё. Платой же за транспортировку информации она считала регулярные чаепития, обеды и ужины. Любившая пожрать соседка работала на почте, не слишком сильно надрываясь и получая не самые большие деньги – какое там, скорее наоборот! – так

что она считала нормальным то, что после очередных новостей её должны усадить за стол.

На этот счёт у моей матери имелось совершенно другое мнение: не тупой наглой нахлебнице было претендовать на доставляемые с работы богатства, так что совсем непростые отношения складывались у них. «Да что это у вас такое!» или «И где это вы такое достали!» давно надоели моей матери, так что, приготовив что-то на общей кухне, она тащила еду в комнату. У нас имелся большой хороший холодильник – один из подарков маминого брата – так что с хранением еды сложностей не возникало. Главное было – проскочить мимо блуждавшей где-то в коридоре вертлявой соседки, готовой под любым предлогом влезть в заранее распланированную трапезу и отхватить себе жирный кусок. Грозная хищница хорошо знала, где можно найти добычу! Когда мать недостаточно быстро пересекала нейтральную территорию, то в самый последний момент из коридорных сумерек могли возникнуть хитрые чёрные глаза, сопровождавшиеся пышной рыжей копной волос, и если мать не успевала прошмыгнуть в комнату и захлопнуть за собой дверь: то приходилось что-то придумывать, чтобы не превращать нашу тихую трапезу в шумное застолье.

Сама же Петрусь – насколько я помню – весьма бездарно обходилась с предоставлявшимися ей возможностями. Если на целую квартиру стояла вонь от сбежавшего молока, то можно было не сомневаться, что это её рук дело, так же как и

большая часть неудачных опытов на кухне исходила от неё. Но особенно меня доставал лук.

Говорил я вам, что от запаха и тем более вкуса жареного и варёного лука меня всегда тошнило? Сколько ни помню я себя: у меня всегда было откровенное отвращение к желтоватым полосатым полоскам, плававшим в супе – и явно из вредности на самой поверхности, распространяя вокруг тошнотворный мерзкий аромат! Так же я относился и к жареным обугленным струпьям, прилипавшим к достававшимся кускам мяса или рыбы: находились сумасшедшие, которые даже рыбу умудрялись обгадить зловонным продуктом! Но если дома моё сопротивление воспринималось как самовольство, дурацкое желание, которому можно дать временную поблажку, то в детском саду любое явное проявление недовольства становилось чуть ли не бунтом, давившимся на корню. Выраженное мною однажды недовольство закончилось насильственным кормлением, после чего меня вырвало прямо на проводившего экзекуцию воспитателя. Толстая тупая тётка никак не желала понять, что рвота является естественной реакцией на такое грубое варварское действие, так что меня даже наказали, лишив сладкого.

В следующий раз, обнаружив в тарелке плавающие вонючие острова и архипелаги, я поступил умнее: выловив кусочки лука, я разложил их на широком белом ободе тарелки, что потребовало некоторого времени, но обезопасило от худшего. Остававшийся суп хоть и отдавал луком, но больше не

имел той силы и духовитости, что заставляли меня срочно бежать к туалету, сдерживая резкий позыв.

А ещё у соседки имелась, как я говорил, любимая дочурка. Олеся, совершенно точно Олеся: это я помню очень хорошо, потому что мы были почти одногодками, точнее она появилась на свет немного раньше – на два года, что и обеспечивало ей покровительственное отношение. Крупная сначала девочка, а потом девушка совсем не поражала умом или красотой: она была этакой крепкой мощной Брунгильдой, способной кому угодно дать сдачи, или даже напасть самой. Немало подзатыльников и выданных волос стоило мне такое близкое соседство, тем более что, как я говорил, моя мать совершенно не ладила с Петрусь-старшей, передававшей своё недовольство дочурке. Подкараулить где-нибудь в темноте коридора, вымазать какой-нибудь гадостью, или даже поймать за шкуру и крепко прижать потом к себе, к набухавшим не по годам формам: только она способна была на такое! Она хорошо знала, что я не выдам её, не проболтаюсь матери или другим родственникам о своих штучках и фокусах, и именно на мне испытывала силу своей пробуждавшейся плоти. Знал ли кто-то ещё об этом? Может быть. Во всяком случае последний сосед – Сергей – пару раз перемигивался со мною в присутствии Олеси: возможно, он застукивал нас в не самых нормальных для нашего возраста позах и положениях. Развивавшаяся нимфомания явно была наследственной чертой: мамаша Олеси совершенно явно

проявляла агрессию и интерес ко всем особям мужского пола, появившимся в ближних окрестностях. Она реагировала даже на находившихся рядом несвободных мужчин, слегка осложняя им жизнь. Возникший как-то план по захомотанию единственного холостяка в квартире – Якова Срульевича – провалился лишь из-за яростного сопротивления родственников жениха, а также его полного безразличия: как я слышал, вышедшая на охоту хищница готовилась идти до самого конца, несмотря на явное несоответствие возраста и прочих параметров. Бедный Яков Срульевич вряд ли выдержал бы надолго совместную жизнь, но ведь у него имелось наследство, которое досталось бы безутешной вдове!

Наверняка такой план, распространявшийся также и на комнату Якова Срульевича, имелся у активной предприимчивой соседки, но вот что заставило её бросить взгляд в направлении Сергея – уступавшего ей минимум лет десять и при этом женатого: я не знаю. Совсем, видно, дошла до ручки в своих матримониальных позовах потерявшая представление о реальности соседка, если она пыталась отбить Сергея у Марины! Не говоря уж о разнице в возрасте – лет пятнадцать – Петрусь проигрывала Марине и во всём остальном. Невысокая стройная блондинка гораздо лучше сочеталась с Сергеем – тоже невысоким, но крепким парнем, работавшим строителем. На хрена ему нужна была наглая жирная корова, помимо глупости и нахрапистости отличавшаяся ещё и воровскими замашками!? В сочетании с нимфоманией по-

лучался такой букет, нюхать который желающих не возникало, так что когда несостоявшаяся вдова принялась откровенно заигрывать с Сергеем: то все выступили против. Случившийся у Марины с Петрусь-старшей конфликт закончился лёгкой потасовкой, победа в которой обязана была достаться старшей по возрасту и более увесистой по массе, но вмешавшийся Сергей прекратил тогда безобразие. Он оттащил Марину, собиравшуюся уже вцепиться в пышные рыжие волосы и разодрать их, и в грубой форме послал разошедшуюся соседку. Долго ещё ближние квартиры вспоминали эту историю: нечасто даже в наших условиях дело доходило до такой остроты и напряжённости, и обнаглевшую до последней крайности Петрусь долго ещё обходили стороной возникшие поблизости мужики.

Это всё случилось несколько позднее, а в первые мои годы я ещё только осваивал жизнь, поворачивавшуюся ко мне совершенно разными сторонами. Хотя неприятных встречалось намного больше: и главным стало прояснившееся окончательно года в три моё явное отставание от сверстников в росте. Если по размеру головы или длине рук я практически не отличался от знакомых сверстников, то во всём остальном разница выглядела разительно и очевидно. Маленькое щуплое тельце явно не хотело превращать съедаемое в больших объёмах в мышцы и кости: хоть, как говорила мать, я и жрал иногда даже за двоих, тело оставалось совсем мелким и откровенно худосочным, так же как и ножки, явно не желав-

шие расти в длину. Нельзя сказать, что я был дистрофиком: то вкусное и обильное питание, которое мать обеспечивала при помощи заветных холодильников на работе, безусловно не дало бы мне пропасть и зачахнуть! Но в чём именно заключалась причина затормозившегося роста, мы так и не узнали. Хождения по врачам, не видевшим в моём случае чего-то необычного, заканчивались одним и тем же: успокаивающим похлопыванием по плечу – реальным или мысленным, советами почаще бывать на свежем воздухе и выписыванием каких-нибудь витаминов. Несколько раз – несмотря на отчаянное сопротивление – мать устраивала мне усиленное кормление белыми или цветными шариками и бусинами, однако никакого действия они не оказали: я всё так же разрастался не в высоту, а вбок, росли у меня только голова и руки, в ущерб всему остальному, явно отстававшему в развитии. Хотя нет, росло кое-что ещё: вопреки логике и здравому смыслу, выпирая и выделяясь на тощем теле огромным могучим довеском.

Ну, вы понимаете, о чём я: в этой области, чуть пониже пояса, генетика или биология – как кому нравится – проявила себя полноценно. Может – даже с перебором, обеспечив мне много страданий и мучений: когда я уже вырос. В первые же мои годы мать с удивлением следила за такими метаморфозами, ничего, правда, так и не рассказывая про таинственного отца, от которого – я не сомневаюсь – и досталось мне такое наследство. Ясная голова, ловкие руки и могучее

хозяйство: это и стало моим наследством, безоговорочным и неотторжимым, обеспечившим мою жизнь и судьбу. И, конечно же, рост...

Вы хотите знать: заботил ли меня маленький рост? Безусловно да. Но не совсем так: как вы могли бы об этом подумать. Когда рост очень маленький: это ведь ещё и преимущество. Случай Наполеона я не обсуждаю. Заметили вы, как ведут себя совсем маленькие дети лет трёх-четырёх, когда идут по улице? Они нагло лезут везде, куда хотят, бесцеремонно расталкивая взрослых, для них просто табу – толкнуть такого наглого карапета, не соблюдающего элементарных приличий. Если же мальчик лет семи или восьми попробует вести себя так же: то быстро почувствует разницу, получив пару толчков, от которых его отбросит далеко в сторону. И маленький рост лет до восьми позволял мне испытывать яркое ощущение вседозволенности, когда я знал, что почти любое моё нахальство будет прощено и списано на мизерный детский возраст.

А особые права маленьких мальчиков крошечного возраста: ходить вместе с мамами в женский туалет? Всячески оберегая, мать лет до семи таскала меня с собой как несмышленного ничего не понимающего мальчика, хотя в семь лет это было уже совсем не так. Мальчишки во дворе уже объяснили к тому возрасту – чем мальчик отличается от девочки – и даже на примере одной егозы продемонстрировали данное различие. Соблазнившись на несколько конфет – от каждого из

зрителей – вертящаяся оторва открыла мне эту страшную тайну, которую обычно узнают в совершенно другом возрасте. И, пробираясь вместе с матерью в заповедные для обычных мальчиков места, я уже как подготовленный зритель с интересом рассматривал скрытые для других богатства ничего не подозревавших маминых соседок.

Хотя в один момент это вдруг закончилось. Мне было тогда уже, возможно, восемь лет, и в тот раз – где-то за городом, куда мы ездили отдыхать – я проявил наверно, просто неслыханное нахальство, откровенную наглость, закончившуюся моим позорным изгнанием. Как обычно я стоял в сторонке и делал вид, что изучаю трещины на полу, рассматривая в то же время округлости расположившейся рядом с матерью жирной тётки. Безусловно ничего выдающегося нельзя было обнаружить в промежности старой потрёпанной калоши, однако мой осмысленный взгляд дал ей понять, что я не такой уж невинный младенец. Вызванный тёткой скандал заставил нас поспешно уйти, и мать перестала брать меня с собой в такие места. Хотя я и так уже насмотрелся всякого, и уже я сам рассказывал мальчишкам во дворе всякие детали и интимные подробности.

В четыре года меня пристроили в детский сад. Это понятно: не могли же мать и бабушка вечно сидеть со мною дома, следя, как бы я чего не натворил. Пару раз я попадался на мелких проделках, за что получал серьёзные наказания. Один случай я помню: меня как-то неразумно оставили од-

ного в компании с ножницами. Поранился? Нет, ну что вы. Ловкие лапки не дали бы нанести себе какой-то вред, ничего подобного. Просто висевшее рядом на стуле мамино платье оказалось удобным материалом для неожиданно всплывших фантазий. Что-то ярко фигуристое вырезал я из зелёной бархатной материи, засыпав весь пол обрезками и лоскутами, так что когда вернулась наконец мать, она была шокирована. Я уничтожил её парадное платье, лучший и самый красивый наряд, так что можете представить: какие были последствия!

Хотя это было всего лишь моим, наверно, первым творческим актом. У других детей имелись совершенно другие возможности, мне же приходилось буквально из ничего создавать себя. Игрушки? Какие у меня были любимые игрушки? Не всё ли вам равно: и не забывайте, что при нашей с матерью нищете я совершенно не мог позволить себе того, что многие современные дети получают достаточно легко и просто. Я скажу лучше, что *могло бы стать* моей любимой игрушкой. Пистолет. Хороший такой чёрный пистолет в натуральную величину, полностью повторяющий по внешнему виду какой-нибудь браунинг, «макарова» или ТТ, с единственной разницей: стреляющий не настоящими пулями, а чем-то таким, что может просто больно шлёпнуть.

А так – в реальности – у меня имелось, конечно же, две или три машинки, откровенно мелкие и паршивые, и ещё какие-то солдатики. Однако одну из машинок – как я рассказывал – у меня нагло отобрали в песочнице, так и не вер-

нув, с солдатами же, из боязни, что их тоже отнимут, я играл только дома. Разве мог я доверить – такой мелкий и слабый – кому-то свои немногочисленные сокровища, и без того заметно редевшие из-за разных происшествий и несурязиц? Они ведь легко ломались, и разве мог я сам починить их потом – в таком мелком ничтожном возрасте – рассчитывать же в этом деле мне было совершенно не на кого.

Детский сад, куда я ходил, обосновался далеко от дома. Матери приходилось каждое утро привозить меня туда, а потом забирать обратно. К счастью, школа, где она работала, находилась в той же стороне: так что ей было достаточно удобно. Мы добирались на двух троллейбусах: сонные, как варёные мухи, мы залезали в неспешно подползавший транспорт и пробивались куда-нибудь в середину, где какая-нибудь добрая душа уступала нам место, и мы тихо погружались в сон, недолгий и прерывистый. Три или четыре остановки – и нам приходилось менять дислокацию, вытряхиваться из уже пригретого места и запихиваться в новый троллейбус. Ещё через три остановки меня ждал сад: место заточения, где приходилось отбывать большую часть дня в надежде на возвращение матери.

Да-да: это была первая тюрьма, куда я угодил почти добровольно, ну или точнее добровольно-принудительно. Строгий распорядок, строгие воспитатели, мерзкие мальчишки и девчонки: примерно так можно описать данное заведение. Они ещё и гордились собою! Ну ещё бы: престижный район,

удобное место, наверняка приличные зарплаты и не самые худшие дети. Как меня приняли в сад – опять-таки не знаю, просто какие-то чудеса иногда сопровождали мою мать и меня по жизни, облегчая нам судьбу. Там ведь собирались не самые простые дети, а, как сказали бы сейчас – элита! Что совершенно не мешало им вести себя как распоследние сволочи, особенно когда дело касалось тех, кто выглядел заметно слабее.

Плунуть в компот, связать вместе шнурки от ботинок во время послеобеденного сна, насыпать земли или налить клея в карман куртки, а потом исподтишка следить, как ты неумело барахтаешься, растянувшись на полу, или грязной ладошкой пытаешься избавиться от обнаружившейся дряни: примерно такими делами пробавлялись дети инженеров и врачей, милиционеров и чиновников, собранные в одном месте и получившие индульгенцию на свои грязные подвиги. Там ведь было ещё и деление на группы, в зависимости от возраста: младшая, средняя, старшая, и вполне уместно будет сравнение происходившего с армией. Что могли противопоставить салаги-младшие пятилеткам – черпакам-средним, не говоря уж про дедов-старших, уже задиравших нос и плевавших на мелкую малышню в прямом и переносном смысле? А представьте: каково было в такой компании в такой компании мне, с моими габаритами и не самым высоким, как сказали бы сейчас, социальным статусом?

До сих пор я помню главного врага: жирный мордovorот

– Стасик – с самого начала выбрал меня в качестве груши, на которой можно безбоязненно тренироваться, по-всякому издеваясь и развлекаясь. Он был старше на год, и мне пришлось целых два года сносить животное. Толкнуть жирным задом, незаметно для воспитателя высыпать полсолонки в суп, или просто двинуть кулаком – без всякой причины или повода: примерно так изгалялся надо мной наглый жир-трест, вымахавший со временем в жирную свинью. Уже в школьные годы я случайно встретил его: мрачный битюг к счастью не узнал свою старую жертву, я же на целую жизнь запомнил синяки, оставлявшиеся у меня на теле. Воспитатели? А что воспитатели: для них любая детская возня была просто возней и не больше того, так что они совершенно не реагировали на откровенные издевательства, которые младшие терпели от старших, провоцируя развитие процесса. Я могу представить себе, что творилось в других садах – не таких элитных, если даже в таком месте можно было проснуться после полуденного сна, к примеру, измазанным зубной пастой или чем-нибудь похуже? Да-да, тамошние детки могли обмазать даже своими какашками, так что всё время приходилось быть начеку. Ложась в кровать после обеда, я на самом деле притворялся, что сплю: я чутко следил за малейшими звуками и передвижениями вокруг, что несколько раз спасало от неприятностей. Я хоть и был слабаком, но если бы я увидел того, кто подкладывает свинью и доложил воспитателю: то засранцу могло не поздоровиться. Его могли и

выпереть из сада, благо что желающих попасть туда хватало с избытком. Там на самом деле было хорошее место: большой оборудованный двор среди больших домов, с хорошими площадками и аттракционами. И кинотеатром в соседнем здании, куда самые шустрые могли сбежать среди дня и смотреть фильмы.

И именно там я впервые опробовал то, что стало главным призванием и делом жизни. То есть опробовал даже не я: это сделала моя правая рука, независимо от воли и желания. Впрочем, когда я стоял как-то рядом с одной девочкой, то случилась такая история. Незаметно для меня самого скользящая в кармашек девочки лапка вынырнула с крепко зажатым кошелёчком, в котором угадывались крупные и мелкие монетки. Лапка тут же спрятала кошелёчек под одежду: и мне ничего не оставалось, как уйти в тихое место, где меня никто не видит. А там уже я выгреб свою первую добычу, а кошелёчек спрятал, чтобы не сразу его смогли найти.

Смело? Ну что вы: смелость тут ни при чём. Это был рефлекс! Точно так же, как у какого-нибудь хищника – независимо от его воли и желания – просыпается рефлекс убийцы, так же у меня проснулся рефлекс карманника. И я же рассказывал про разговор, как-то случившийся у меня с матерью – ещё до того, а также про родившиеся в качестве продолжения разговора мысли! Так что всё легло одно к другому, и, распахивая монетки по карманам и пряча их от общего внимания, я как-то сразу понял и осознал: что это вот и есть

главное, что передал мне отец, так и не захотевший знать меня, и что против всех, кто бьёт и унижает, я имею в арсенале такое оружие, с которым они точно никогда не справятся!

III

Здравствуйте, здравствуйте. Очень признателен вам. Ведь именно вы попросили сделать для меня то, о чём мы говорили? Похоже, вас тут сильно уважают: на следующий же день в моей камере устроили маленький ремонт, так что теперь не надо бояться наводнений. Если только всемирный потоп: но тогда уж смоем всех, кто находится здесь: и внутри, и снаружи. Кто же сможет из живущих здесь рассчитывать на спасение: нет таких, пускай не рассчитывают! Просто находящиеся внутри проявили слишком много настырности и силы – животной силы! – у сидящих же в охране её оказалось намного меньше. Почему и находятся они снаружи.

Если же посмотреть внутрь – кто из себя что представляет и в каком направлении нацелен: то здесь – за исключением явно болезненных случаев – разница несущественная. Да эти вертухаи сами бандиты и подонки! Во всяком случае многие из них. А такая тема вас не интересует: «преступность в правоохранительной системе»? А то ведь тоже могу достаточно много рассказать, и про местных бандитов в погонах, и про столичных. Мне ведь терять особо нечего. Кроме жизни, конечно.

Хотя конкретные имена и фамилии, разумеется, я назы-

вать не стану: мало ли с кем из них вы знакомы. Зачем лишние сложности, мне бы как-нибудь разобраться с тем, что уже есть. В том числе и с тем кашлем, про который я рассказывал. Что вы сказали? Просили и врача прислать? Но пока ещё он не добрался до меня, так что ждём-с.

Вы сегодня надолго? Сколько потребуется? А то в прошлый раз начальство предъявляло претензии: почему так долго мы с вами тут сидели и о чём беседовали. И что я мог ответить: не рассказывать же заново истории из ранней юности, тем более что всё равно они бы их не поняли и не оценили. Тюремное начальство: оно ведь тупое и недалёкое, и фантазия у него распространяется не дальше, чем у какого-нибудь обывателя. Но это между нами, договорились? А то они решили, что, купив машину – подержанный джип или лендровер – сразу становятся элитой. В гробу я видал такую элиту в белых тапках: с ними даже поговорить не о чем, не стану же я с ними тереть о достоинствах их ржавой рухляди, которую они холят и лелеют как самое родное существо!

То есть я понимаю: каждый человек хочет, чтобы его было много. Поэтому он покупает большую машину, большую – насколько возможно! – квартиру, и строит себе дачу, чтобы продлить себя максимально далеко.

Однако у меня никогда не возникало такого желания: я всегда – наоборот – считал свою миниатюрность преимуществом, признаком неуловимости и безопасности. Ведь мелкая рыбёшка всегда проскочит сквозь сетку, в которой

запутываются шуки и лещи! Так же и я всегда – и где только возможно – пользовался своей незаметностью и во всяком случае никогда не лез на рожон. Я уже понимал – в чём мои преимущество и сила. Грубо говоря: стоило моей руке скользнуть куда-нибудь чуть дальше, и сразу же в ней оказывались чужие предметы, непонятным образом извлечённые из сумок, карманов и скрытых тайных мест. Причём мне и учиться не требовалось: после того случая в саду я сразу же осознал: это и есть моё призвание! Добытые монетки я истратил на мороженное и конфеты, которые безумно любил тогда. Я не говорил? Я ведь сладкожка, причём до сих пор, в те же детские начальные годы это проявлялось особенно заметно. Я мог – если позволялось – умять за один присест большую шоколадку, или две порции мороженого, что совершенно не поощрялось матерью. У меня зубы видите какие? Чёрные, и всё благодаря вредному увлечению. Которое она старалась контролировать, в меру своих сил и возможностей, однако куда ей было уследить за мною!

Помимо настырности я проявлял ещё и самостоятельность. Ведь чтоб купить те же конфеты и мороженное: приходилось ведь путешествовать по улице. Мелкий такой шкет – явно потерявшийся – шёл себе не спеша по тротуару, не обращая внимания на других людей, но наибольший шок возникал тогда, когда шкет доставал из кармашка деньги и совал их продавщице. Она, как правило, думала, что мама стоит где-то рядом, и мило сюсюкала, всовывая мне в лапки холод-

ную пачку. Сколько стоит богатство, я тоже уже знал: освоенные в шесть лет самостоятельно чтение и счёт превращали меня чуть ли не в вундеркинда – на фоне внешнего облика – так что когда я совал семь копеек и просил фруктовое, или требовал пломбир за пятнадцать – давая ровно столько, сколько было необходимо, то продавщица умилённо смотрела на меня и говорила какие-нибудь глупости. Откуда ж ей было знать, что моя мать не только не поощряет такое поведение, но и не знает о самом факте: что я объедаюсь время от времени сверх всякой меры запрещёнными сладостями.

Откуда я брал столько денег? Ну я же рассказал в прошлый раз: как однажды почти случайно спёр свою первую добычу. Неужели вы думаете, что я на этом остановился? Обнаруженный спустя время кошелек вызвал некоторые волнения: кого-то из старшей группы даже с пристрастием расспрашивали, однако никто так и не признался в совершении преступления. А я? Разве мог кто-то предположить, что тощий и мелкий доходяга способен на такие ловкие искусные дела? В саду я держался тихо, но независимо: те, кто мог стать друзьями, так ими и не стал, насчёт же врагов я уже рассказывал. То есть насчёт главного врага. Которого однажды – используя обнаружившиеся способности – я жестоко наказал, хоть немного отплатив ему за боль и унижение.

Раз семь или восемь за детсадовские годы применял я по-настоящему свои умения: там были и кошельки, и пара игрушек, и просто отдельные бумажные купюры, которые я

случайно замечал внимательным чутким взглядом. Помимо умения незаметно достать требовалось ведь и умение *выследить* добычу, найти такой предмет, к которому можно будет проложить уверенный маршрут. Я инстинктивно понимал, что цели должны выглядеть реалистично, и никогда не стал бы покушаться на какой-нибудь, к примеру, сейф, или большие громоздкие предметы. Щипачество – я узнал позже это слово – было тонким и искусным ремеслом, предполагавшим самые разнообразные умения.

Быстро увидеть незащищённый предмет; незаметно оказаться рядом; убедиться, что преступные намерения никто не распознал; аккуратно вытащить предмет, и, наконец: быстро унести ноги или скинуть добычу помощнику.

Такой порядок действий – в общем виде – предполагает моя профессия, однако постигал я его на личном опыте. В первый раз мне крупно повезло! Если бы я сразу же попался: тогда моя карьера могла завершиться, только начавшись. Однако постепенное – по шажкам – освоение процесса дало возможность набраться опыта и избежать ошибок. И особенно главной из них: недооценки жертвы.

Ведь пошедший на дело щипач, если он считает всех вокруг лохами, а себя ощущает пупом земли: он ведь почти обречён! Одно неловкое неосторожное движение: и вот уже чужие руки хватают тебя за шкуру, злобный ощеренный рот что-то орёт прямо в лицо и желанная прежде добыча превращается в вещественное доказательство. Попробуй убеги

потом на маленьких кривых ножках от разгневанного терпильи, ощутившего себя вдруг могучим Голиафом! И при этом обиженным мелким таким и жалким Давидиком...

Подобный исход стал бы для меня абсолютно неприемлем, так что исключительно осторожно осваивал я данный процесс. Только стопроцентная гарантия, только верная надёжная цель, только максимально широкий – на случай обнаружения – круг подозреваемых, чтобы затеряться среди кучи возможных кандидатов. В дальнейшей своей жизни, кстати, я никогда больше не крысятничал. И ради безопасности, и просто потому, что воспринималось подобное не слишком хорошо. Хотя говорить, что в саду я был среди своих: слишком жирно! Один жиртрест чего стоил: мерзкий жирный боров, лишившийся любимой игрушки. То есть я даже не украл её: ту самую блестящую чёрную машинку – которой он хвастался перед всеми, задаваясь сверх меры и дразня всех без исключения – я просто сломал. Сломал так, что никакому восстановлению она уже в принципе не подлежала, причём заподозрить он мог любого, что и вылилось в несколько драк и потасовок, после одной из которых – уже под занавес – его выперли наконец из сада.

Благодаря чему я и избавился наконец от главного своего врага и гонителя, хотя и без него хватало в саду мерзких типов. Я был всё-таки слишком мелкий для своего возраста, так что даже перейдя в среднюю группу, не мог почувствовать себя спокойно. Даже вновь появившиеся пятилетки

смотрели на меня сверху вниз, так что, если появлялась возможность, я старался слинять. Когда все гуляли на открытом воздухе, то именно тогда я совершал вылазки на улицу, так сказать за флажки, притворяясь потом На такой большой вместительной площадке было где затеряться! Я помню несколько качелей, пару песочниц, карусели и несколько игрушечных домиков, где якобы я и скрывался, когда воспитатели созывали всех и не могли меня найти.

Помимо улицы я иногда прятался в кинотеатре. Если удавалось подкараулить момент, когда служащие закрывали двери, то в наступившей уже темноте я мог проскочить мимо. Неловкие тётки вряд ли стали бы отлавливать прошмыгнувшую тень, растворившуюся уже в черноте зала, а останавливать сеанс ради какого-то одного мелкого зайца они не стали бы. Я тихо устраивался где-нибудь в верхних рядах в одном из громоздких кресел и смотрел фильм. То есть если кино мне нравилось, я мог пялиться до самого конца в широкий мерцающий экран, если же там разливалась откровенная скука: то мог тихо подремать. Главное было не упустить тот момент, когда всё закончится, и я, путаясь под ногами и прикрываясь взрослыми не выплыву на улицу, где уже, вполне возможно, поднялся из-за моего отсутствия небольшой шухер.

Однако в таких ситуациях я всегда удачно косил под идиота. «Я? Где я был? Да вот тут. А потом в том углу. Почему не отзывался? А я не слышал: потому что играл и был

сильно занят. Во что играл? Ну, куличи лепил, за драконами гонялся. Разве не могу я попроследовать мерзких драконов, которые совсем уже обнаглели и просто проходу не дают?» Детские фантазии в сочетании с приходившим в соответствие после тёмного зала видом заставляли отстать от меня. Всё равно ведь ничего не случилось, так что даже наказывать меня было особо не за что. Так что, обнажив виртуальный меч из виртуальных ножен, я летел уже дальше – за следующим драконом, врезаясь в толпу однолеток и теряясь в ней от пристального внимания.

Среди пострадавших от моих быстрых лапок были и соратники по несчастью, и их родители, и даже кое-кто из воспитателей. Главную же добычу – мятую жёваную десятирублёвку – я стырил из халата заведующей. Как я понимаю теперь, сама эта десятка также имела не вполне честное происхождение: сунутая втайне от всех – в тихом месте, когда никого не было поблизости, она стала, по всей видимости, частью взятки, вручённой заведующей. Чуткость и внимательность уже тогда позволяли мне видеть и замечать то, что проходило мимо общего внимания, так что, когда однажды в тёмном тихом закутке я обнаружил с осторожностью беседовавших взрослых – заведующую и незнакомую женщину – то решил проследить за ними. И не зря! В конце беседы я увидел, как женщина засовывает заведующей в карман красную купюру – я ещё не держал в руках таких! – после чего они мирно расходятся.

Хотя задачку она задала нешуточную, мотаясь по всем помещениям и кабинетам, и помогло мне лишь то, что старая грымза просто забыла про бумажку. Я подкараулил момент, когда она сняла белый халат, и тогда уже, в тишине и одиночестве, достал вождеденный приз, так опрометчиво оставленный без присмотра.

Был ли шмон? Поймали ли меня? Ну что вы: иначе я наверняка не сидел бы сейчас перед вами, и моя судьба текла бы по совсем другому руслу. В реальности же после каждой очередной моей вылазки в саду наступало напряжение и происходили беседы с очередным подозреваемым. Однажды – уже в самом конце – до меня тоже дошла очередь. Однако что мог ответить на непонятные сомнительные вопросы слегка дебиловатый мелкий карапет, оторванный от любимых развлечений и попавший под сильный прессинг? Я помню, как дико расплакался тогда, благо что добыча оказалась уже припрятана в надёжном месте. Меня – как и предыдущих подозреваемых – пришлось оставить в покое, тем более что до школы оставалось уже совсем чуть-чуть, и я решил больше не испытывать судьбу.

К школе же – несмотря на внешнюю дебиловатость – я оказался готов удивительно хорошо. Давно уже выученные азбука и счёт позволяли читать детские книжки, про подсчёт же денег я уже вам рассказывал. Никто не мог – так же как я – быстро складывать, вычитать и умножать числа, так что ничего удивительного – почти! – не было в том, что меня

взяли в школу, где в качестве посудомойки трудилась моя собственная мать.

Нет, если бы она работала в другом заведении, меня бы точно там забраковали: специальная языковая школа была не резиновая и далеко не всех желающих могла принять под своё крыло. Было ещё ведь и испытание: я помню, как мелко потел и дрожа, стоял перед строгой комиссией и отвечал на какие-то вопросы. Однако дело закончилось благополучно: мне сказали «принят», и, в отличие от троих или четверых соратников по детскому саду, я оказался зачислен в строгую элитную школу.

Радовался ли я этому? Даже не знаю: высокий статус означал, что придётся прикладывать все силы для того, чтобы не вылететь и оправдать доверие. С другой же стороны: сложная школа могла многое дать, так что после неё я мог рассчитывать на высшее образование. Если бы захотел получить его.

Хочу заметить: если бы дело происходило сейчас, а не тогда, я бы никогда не смог поступить туда и закончить, не из-за сложностей учёбы, нет, у нас с матерью просто не нашлось бы нужного количества денег, которые дерут сейчас элитные заведения. Я слышал: за дополнительные предметы, на ремонт, и прочее, и прочее. Так что я получил образование фактически бесплатно, больше того: мы с матерью выстраивали отношения со школой так, что она сама приплачивала нам. Ну, я рассказывал про холодильники? После моего поступления мать стала активнее пользоваться служебными

привилегиями: теперь уже я тоже – время от времени – прихватывал с собой какой-нибудь пакетик или свёрточек, источавший приятный аромат. Так и шёл я – вызывая интерес собак и кошек, если в пакетике скрывались сардельки или колбаса – всю дорогу до дома.

До определённого момента я добирался в школу вместе с матерью, однако классе в третьем я попробовал найти пеший маршрут. На самом деле троллейбусы сильно кружили по дороге от дома к школе, поэтому, достав карту, я проложил маршрут, который однажды решил опробовать. Почти час возвращался я тогда домой по незнакомым улицам, ставшим скоро родными и близкими. Всё оказалось не так сложно, места были достаточно оживлённые, и домой из школы я стал возвращаться именно так.

Утро же всегда становилось испытанием: мне и так приходилось вставать часов в семь, так что в обычном после подъёма дохлом пришибленном состоянии утренняя прогулка стала бы пыткой. Но я и так немало сэкономил: два пятачка в день давали целый гривенник, который я добавлял к собиравшимся понемногу запасам. Матери до определённого момента я ничего не говорил: разве не стоили проявленная смекалка и натруженные мозолистые ноги некоторой компенсации? Хотя вру: экономией я занимался и до того, просто она стала регулярной и постоянной. Раньше ведь как всё было устроено? Входил ты в автобус или троллейбус, и в определённом месте опускал в стеклянную будочку свои

пять копеек, после чего сам – своими руками – откручивал себе и отрывал билетик. Однако кто мог проверить – что или сколько ты там бросаешь, и бросаешь ли вообще, а не просто делаешь вид? Немалую экономию давало использование копеечных монет, или просто каких-то железочек, хотя бы отдалённо похожих на монеты. Так что карманные деньги у меня постоянно водились, ссыпанные в карманы брюк или запрятанные в кошелёк, который я всегда носил во внутреннем кармане на груди.

Но главным источником пополнения кассы стало не это мелкое жульничество. Я не рассказывал? Ещё играя во дворе – до поступления в школу – я освоил кое-какие развлечения, точнее – игры, ставшие хорошей тренировкой и школой для будущего. Вы сами никогда на деньги не играли? И не надо: потому что, нарвавшись на профессионала, вы можете много потерять. Так же, как это происходило со всеми, кто вязывался в соревнование с таким карапетом как я.

Какой-нибудь третьеклассник, давно уже освоившийся в школе, при виде мелкого доходяги, протягивающего свои копейки: что должен был сделать? Ничуть не сомневаясь в лёгкой победе, он ставил на кон свои пять, или десять, или даже двадцать копеек: и почти всегда проигрывал!

Играли же мы в расшибалочку и пристенок. Не пробовали? Ах, знаете, ну хотя бы в общем виде... Если говорить о расшибалочке, у нас это практиковалось так. Сначала участники собирали деньги в пирамидку – устанавливаемую где-

нибудь на земле на маленькой дощечке. После чего с расстояния в три-четыре метра все по очереди пытались в неё попасть: как правило жирными медными пятакими. Сбивший монеты с постамента становился королём: он получал право грохать оставшееся, то есть своим пятяком должен был переверачивать монеты на другую сторону. Пока не делал случайную ошибку.

Так что сами понимаете, как важно было завалить блестящую медно-серебрянную, то есть никелевую кучку! Разумеется, у меня не сразу дело пошло в нужном русле: здесь впервые пришлось по-настоящему тренироваться, отработывая силу и точность броска. Во дворе меня не хотели принимать в игру, так что я устроил полигон прямо дома. Как? Ну, я складывал имевшиеся монеты столбиком где-нибудь на полу у окна, и, стоя в противоположном конце комнаты, сотни раз бросал полюбившийся пятак. Грохот? Я подкладывал какие-то тряпки, так что шум терялся. Главное ведь было – просто угодить непослушной битой в самое скопление, которое в реальных условиях просто разбрызгивалось во все стороны мелким дождём.

Сложнее было дело с другой игрой: успех в пристенке зависел не только от ловкости рук, но и от условий игры. То есть: если стена, об которую ударялась бита, состояла из кирпича, то сила удара была одна, а вот если её покрывала драная сгнившая штукатурка: то совсем другая. Тот же самый пятак, служивший битой, мог полететь по одной траектории,

а мог выбрать и совсем другое направление, так что освоить данное игрище в совершенстве мне не удалось, и я предпочитал расшибалочку, где результат всегда был очевиден и не требовал оспаривания.

Сложность состояла ведь ещё и в том, что требовалось не просто выиграть, но и убедить противников в своей победе. Мелкий такой шкет, тянущий деньги у ребят на два-три года старше: не всякий мог стерпеть такое! Тем более когда шкет был на две головы ниже и в физическом смысле ничего из себя не представлял. И во дворе дома, и на задворках школы приходилось тщательно смотреть – с кем я вступаю в сражение, тем более что с какого-то момента слава обо мне распространилась достаточно далеко, и не все решались бросать мне вызов.

Хотя находились и отчаянные ребята: однажды мне пришлось целых два или три часа соревноваться в выносливости с распутившим хвост третьекласником, решившим во что бы то ни стало взять реванш. Происходило дело после уроков, так что у нас двоих и у обступивших свидетелей не было никаких ограничений – разве только случайно заблудившийся учитель или старшеклассник мог прервать процесс! В конце концов именно чьё-то появление и прервало соревнование, что мне было уже безразлично, поскольку большая часть выигрыша – рубля три или четыре – оказалась пересыпана в пакетик и надёжно спрятана в сумке, а в карманах брюк брякало лишь обычное для меня той поры количество

жёлтых и белых монеток.

На что же я тратил периодически сваливавшееся богатство? На то же, на что и раньше: сладости и мороженное, плюс на какие-то игрушки. Мать ведь не выделяла карманных денег, ограничиваясь лишь необходимыми и обязательными тратами. Даже о ручках и тетрадках приходилось заботиться самому: так что я ничуть не стеснялся, раздевая какого-нибудь оболтуса из параллельного класса и лишая его целой серии завтраков и обедов!

Хуже обстояло дело с обувью и одеждой: я не зарабатывал столько, чтобы покупать их самому, мать же вечно брала мне самую дешёвку. На фоне одноклассников я выглядел настоящим голодранцем: самая паршивая школьная форма – брюки и пиджачок, самые дешёвые и примитивные рубашки и носки, и самые простые и легко разваливающиеся ботинки, в которых с какого-то момента приходилось покрывать огромные расстояния. Кое-кто смеялся надо мной – особенно вначале – и огромных усилий стоило мне превозмочь такое пренебрежение.

Я ведь был ещё и старше всех: на год, позволивший хоть как-то сократить разницу в росте. Я не говорил? Да, моё упущение: просто в детский сад меня приняли на год позже, иначе отставание в физическом развитии стало бы просто катастрофическим. Но этот дефект вполне компенсировался превосходством в интеллекте. Может, на фоне моих ровесников я бы смотрелся просто как способный парень, но я

ведь оказался не с ними, я учился вместе с оболтусами из более-менее привилегированных семей, попавших в школу по тому или иному стечению обстоятельств и не слишком обременённых интеллектом.

Конечно, были исключения: увлекавшийся химией и физикой Сергей или писавшая стишки Лена отличались безусловно от обычных в каждом классе отличников и зубрил. Именно с Сергеем у меня сложились отношения, тянувшие на дружеские, тем более что он совершенно не обращал внимание на разницу в росте и комплекции. Он как раз был высокий и худой, точнее – тощий как скелет, так что ему доставалось почти так же как мне. Только он мог постоять за себя: высокая очкастая глиста в скафандре (как называли его враги) обладал такими длинными рычагами, что мало кто решался задевать его по-настоящему. Он хоть и носил очки в тонкой оправе – болтавшиеся часто на самом кончике носа, но при попытках наездов резко ощетинивался и давал сдачи. Даже те, кто были старше на год, не связывались: я помню, какой отпор он дал в первом классе какому-то третьекласснику, не помню по какой причине наехавшему на Сергея! На драку в школьном дворе собралась куча зрителей, имевшая возможность насладиться тем, как умело и ловко он отбрыкивается от жирного здоровяка, так и не сумевшего одолеть Сергея в неравной драке и тихо в конце концов слинявшего. Однако сам он ни на кого не нападал: он увлекался астрономией, собирал марки, а позже – в средних уже классах

– занялся химическими опытами, в которых я тоже принял некоторое участие.

В отличие от меня у него имелась полноценная семья, и жили они в отдельной нормальной квартире не так далеко от школы. Именно к нему ходил я в гости после уроков, если на улице стояла паршивая погода и было особо нечем заняться: я знал, что у него всегда найдётся дома новая игра или книга, а в холодильнике лежат остатки какого-нибудь пирога или торта, которые перепадут в том числе и мне.

Чем мы занимались? Да всем чем захочется: от обычного морского боя и телевизора до мелких пакостей, устраиваемых по телефону. У него ведь имелся цветной телевизор – неслыханная роскошь в те времена! Здоровый яркий телек отечественного производства позволял видеть намного лучше и больше, чем тотдохлый чёрно-белый «Рекорд», что стоял у нас с матерью дома, и иногда я специально только ради этого напрашивался к нему. Но Сергей был добрым ко мне: он безусловно видел и понимал моё положение, и совсем не имел ничего против того, чтобы делиться со мной плодами своего благополучия. Его родители ездили, кажется, и за границу, так что у него имелись и западные шмотки. Тырил ли я у него? Да вы что: никогда не был крысой, воровать же у лучшего и единственного настоящего друга: западло! Тем более что пару раз мне от него обламывались мелкие подарки. Мы же с ним были – друзья, двое против всех, имевших глупость или наглость наезжать на нашу нестан-

дартную парочку. Он ведь выделялся и как самый высокий в классе – моя в этом смысле противоположность – так что иногда нас дразнили Дон Кихотом и Санчо Пансой: другой почти неразлучной парочкой, из других правда времён и народов.

В этом сравнении что-то было: умный и языкастый Санчо-Хорёк хорошо урановешивался устремлённым куда-то ввысь Кихотом-Сергеем, защищавшим меня и часто приходившим на помощь. Хотя блаженным идиотом он никогда не был: так же как и я, он любил, например, поиздеваться над идиотами или дураками, что мы делали регулярно и постоянно. Чаще всего по телефону: мы могли выбрать, допустим, какой-нибудь номер телефона, и несколько раз подряд приставать к беспечным изначально хозяевам с вопросом, не там ли находится сумасшедший дом, каждый раз ужесточая интонацию. Мы по очереди просили главврача названного выше учреждения, когда же взбешённый собеседник после пятого или шестого звонка догадывался наконец о нашей проделке и грозился милицией, мы весело ржали и посылали дурачка подальше. Кто же мог поймать нас в те времена в гигантском уже тогда раздувшемся городе без определителя номера и прочих специальных прибабасов? Такая развлекуха становилась безопасной, и ни нам, ни случайной жертве ничем не грозила, так что мы не стеснялись и весело проводили время.

Среди перепадавших мне иногда от Сергея презентов по-

падалась жвачка: не та примитивная и убогая замазка, что выпускалась у нас и была общедоступна. Нет, он давал настоящую западную жвачку в ярких цветастых обёртках, которые уже сами по себе представляли ценность. Это была целая индустрия! Все мальчишки – даже из самых преуспевающих семей – собирали разноцветные фантики и менялись потом, составляя серии и коллекции. У меня тоже скопилась россыпь случайных обёрток: если уж марки стоили дорого и были недоступны мне, то хотя бы так я тоже принимал участие в этом движении. Хотя одними только фантиками мой интерес к жвачке не ограничивался. Я любил и нагадить: неважно кому, лишь бы было интересно и увлекательно. Нажуёшь этак хороший кусок жвачки до состояния полной уделанности – когда уже она липнет к зубам и забирается в дырки от кариеса – и потом, выходя из вагона метро, налепишь на перекладину рядом с выходом. Или ещё раньше, до школы. Сидя на коленях у матери где-нибудь в ползущем по городу автобусе или троллейбусе, я любил портить всем костюмы и настроение: специально извазанным в густой луже носком ботинка я проводил по штанине сидевшего рядом серьёзного взрослого мужчины, внимательно наблюдая, как коричневые полосы исчерчивают однообразный до того фон. Мужчина тихо отодвигался: он ещё не видел прискорбных последствий такого опасного соседства и потому не проявлял особой нервозности и спешки. Нервы вскипали лишь потом, когда мужчина вставал и замечал наконец случившу-

юся неприятность, на что реагировал чаще всего злобным взглядом в мою сторону. Но что он мог поделать против моей абсолютной защищённости малым ростом и убогим видом, который уже тогда играл мне на руку? Никто не позволил бы взрослому сильному мужчине наказать тихое беззащитное существо, лишь снизу вверх смотревшее спокойными внимательными глазами. Он ведь не мог доказать, что я сделал это специально, чтобы наказать ещё одного наглого здоровяка за то, что он такой большой и сильный, и хоть как-то восстановить баланс. Сама идея – устранение несправедливости, допущенной ко мне злобной слепой природой – давно уже возростала во мне из самых глубин моего естества, и если наглые жлобы не желали восстанавливать статус-кво, то приходилось брать дело в свои цепкие руки.

Совсем уж по-простому: когда я выпускал газы в едущем через город автобусе или троллейбусе, или вагоне метро: меня почти не раздражал собственный запах, чего нельзя было сказать о других. Они морщили лица, крутили носами, стараясь понять, какая же свинья испортила им поездку, однако обилие возможных кандидатов так и не позволяло определить источник.

А моя шутка с лифтом? Я любил, как бы это сказать, сначала дарить надежду, а потом уничтожать её, оставляя человека в растерянности. Заходя в лифт – на первом этаже – я ждал, когда же хлопнет вдалеке дверь, и дико спешащий человек – видя издали открытый зев, радостно припустит, что-

то вскрикивая и хлопоча. Когда же ему оставалось метров пять, вот тут-то я и выходил на авансцену: отпуская сдерживаемые тонкими ручками двери, я быстро жал кнопку – желателью на последний, пятый этаж, и только что радующийся удаче человек – кака-нибудь тётка с большими авоськами или жалкий старикашка – оказывался с носом, испуская недовольство.

Однако просто поездкой на самый верх я не ограничивался: обнаружив достаточно рано несовершенство в конструкции лифта, я научился останавливать его на нужном этаже, заставляя целый подъезд уже грубо возмущаться и стоять на ушах. Для этого стоило всего лишь вставить небольшой прутик или палочку в раздвинутые створки в определённом месте, и на несколько часов я обеспечивал им весёлую радостную жизнь, с невинным видом возя в это время машинки по полу в нашей комнате.

Редко когда обнаруживались мои художества, но даже тогда я в-основном уходил от ответственности, во всяком случае когда пострадавший меня не знал. Прикинуться дурачком, изобразить непонимание или даже дикую радость, свойственную слабоумному дегенерату: вот что помогало справиться мне и выйти почти сухим из воды. Максимум, на который отваживалась жертва – дать слегка по шее и исторгнуть грубое ругательство, на что я незамедлительно реагировал. Маленьких бьют, какое свинство, вы только посмотрите на этого грубого здоровяка, позволяющего себе обижать та-

кого маленького мальчика, пусть не слишком красивого, но всё равно не заслуживающего подобного отношения!

Снизу вверх спокойным взглядом встречал я атаку очередного провинившегося передо мной – уже одним фактом своей нормальности! – здоровяка, уходя почти всегда от ответственности за мелкие шалости и проделки. Хотя один раз – я запомнил это чётко – мне не повезло, и я оказался серьёзно наказан. За что? Можно сказать, за мороженное. Точнее говоря: за то, что в те давние времена мороженное сопровождало и оказывалось рядом. Вы ведь видели, как раньше летом его продавали: пачки и брикеты держали в больших металлических тележках, а чтобы оно не растаяло, туда клали сухой лёд.

Что это такое? Кажется, сжиженный азот или ещё какой-то газ: не помню точно. Так вот однажды летом, когда я с одноклассниками шёл куда-то по улице, по традиции я купил мороженное. И надо же было такому случиться, что к пачке прилип кусочек сухого льда.

Я, разумеется, слышал о жгучести вещества, однако это знали далеко не все. И я просто решил поставить эксперимент над одной одноклассницей, не слишком жаловавшей меня. Можно даже сказать, издевавшейся и третировавшей. Подкараулив момент, я опустил найденный кусочек ей за шиворот: она была не самая высокая девица, и когда она за чем-то наклонилась, моя шустрая лапка оказалась тут как тут и сделала своё дело.

Однако недостаточно быстро смогла она вернуться обратно – на исходную позицию – что и подвело меня: девица резко вскрикнула и забила рукой по спине, где, тая и испаряясь и причиняя, сползал вниз мой неожиданный подарок.

Кажется, она обращалась к врачу, и, хоть никакого особого вреда сухой лёд девице – кажется, Лене – не причинил, но моя явная причастность к ситуации не могла не остаться незамеченной. Хоть я и отбрыкивался из последних сил и признавал за собой лишь мелкое хулиганство – в виде мелкой обычной льдышки, сунутой за шиворот – однако скандал добрался до школы и учителей. Воспитательная беседа должна была поставить меня на место: и после устроенной небольшой выволочки по итогам четверти у меня впервые в графе поведения вместо обычных «хор» и «прим» красовался «уд». Хотя так они всего лишь разозлили меня, заставив отказаться от некоторых взятых на себя обязательств.

Главное же было – не покушаться на школу и всех причастных к ней. Я ведь, разумеется, не собирался прекращать те эксперименты, что нежданно-негаданно начались у меня в детском саду. Свистнуть то, что плохо лежит и при этом не попасться: здесь проявлялась определённая доблесть, основанная на блестящих изначально способностях и растущем постепенно мастерстве. Руки требовали постоянной тренировки, так же как и голова: любое действие необходимо было тщательно готовить, чтобы оно не привело к фатальному исходу, и мне не пришлось бы проститься с надеждами на

дальнейшую карьеру и успешную жизнь.

Я ведь совершенно не собирался отказываться от обычной стандартной карьеры, на которую мог рассчитывать, учитывая успехи в учёбе. Да, я не говорил? Я ведь очень неплохо учился, особенно первые годы. Причём мне было всё равно, чем именно я занимаюсь: в равной степени у меня удачно шли и математика, и русский язык, и география, и нелюбимая многими химия. Кто-то из учителей делил оболтусов на гуманитариев и естественников: у кого-то действительно лучше получалось считать и выписывать формулы, в отличие от других, имевших крепкую память и хорошо подвешенный язык. Им оказывались ближе история и языки: свой собственный и немецкий, преподносимый так глубоко и основательно, что его останки у меня теперь уже ничем не травмишь.

Домой мы шли «нах хаузе», там мы «эссали» и «тринкали», а потом – после всех дел – «шлафали». Вы не поняли? Наверно, и не всякий немец понял бы то, что я сейчас сказал, бурую смесь немецкого с нижегородским, так сказать. Нам же преподавали это три, и в самом конце школы – четыре раза в неделю, так что даже тот, кто не хотел напрягаться, вынужденно вполне прилично осваивал язык. Того словарного запаса, что в нас впихивали, разумеется, оказывалось слишком много для обычных средних людей, и богатство выветрилось и улетучилось со временем, но основа до сих пор. Я, наверно, до сих пор мог бы объясниться с немцем и по-

нял бы его, несмотря на полное отсутствие практики. Кстати, во время учёбы мы практикой занимались: точнее, учителя склоняли нас к поддержанию контактов с нашими сверстниками из берлинской школы, имевшей налаженные давно связи. То есть в Берлине имелась русская спецшкола, которую явно по приказу свыше случили с моей спецшколой, и однажды мне домой пришло пухлое письмо, обклеенное немецкими марками. Далёкий немецкий сверстник – то ли Курт, то ли Вернер, не помню точно – на корявом русском описывал свою жизнь и учёбу и предлагал стать бриффройндом. Что это такое? Друг по переписке: ничего особого не означающий статус, просто мы могли писать друг другу письма, тренируясь в языке и заодно в поддержании международных, так сказать, связей. Мир, дружба, фройндшафт: неужели не слышали? Они ведь тоже играли в пионеров: только у нас это выражалось в красных галстуках, у них же галстуки были синего цвета, так же как и пилотки.

Вот это я особенно запомнил: среди присланных однажды в нашу школу предметов имелись синие галстуки и плотные синие пилотки, одна из которых в конце концов оказалась у меня. Очень уж она мне понравилась и запомнилась, так что я даже хотел спереть её у одноклассника, счастливого владельца. Дело однако удалось решить мирным способом: присланные из ГДР предметы распределялись между всеми, и мне тоже достались какие-то значки, которые я в конце концов и выменял на пилотку. Я помню, как любил щеголять

в ней: вряд ли кто-то понял бы меня, если бы я делал это на людях, и тем более во дворе и его ближайших окрестностях, набитых начинающими и продолжающими гопниками. Я мог со спокойной душой делать это дома и ещё в школе – где надо мной не стали бы издеваться. Школа, надо признать, вообще оказалась гуманным местом. Я хочу сказать: что если бы попал в другую школу, то наверняка пережил бы гораздо больше трудностей. Там же дело ограничивалось минимумом: присвоением пусть обидных, но не смертельных кличек, редкими конфликтами на личной почве и различными сложностями в учёбе. Кличка? Та же самая, что я называл вам: Хорёк. Помню, как-то смотрели мы с Сергеем фильм у него дома, где среди главных героев числился маленький и шустрый зверёк. Он мне так понравился и запомнился, что ещё какое-то время я говорил о нём в школе, пока всем не надоел: и в отместку меня называли Хорьком, чтобы обидеть и унижить.

Однако здесь они просчитались: когда один из главных недругов в классе назвал меня впервые так, я представил себя на месте того реального пушистого зверька, преодолевающего сложности и препятствия. Он не давал никому спуска и в конце концов достигал поставленной цели, к которой стремился целую жизнь. Только мои цели были значительно выше и серьёзнее.

И главной из них – на ближайшие годы – стало освоение в совершенстве тех способностей и возможностей, что откры-

лись у меня ещё до школы. Для этого требовалось место и время, и я, разумеется, не мог посвящать в детали никого вообще – включая мать, одноклассников и даже Сергея. Хотя нашёлся кое-кто, с кем я сошёлся и на этой почве.

Я имею в виду Коляна. Здоровый рыжий парень – года на три или четыре старше меня – давно уже был заметной фигурой в том дворе, где я чаще всего болтался. Играя в какие-нибудь «классики» или следя за бурно протекавшими «вышибалами», я постоянно сталкивался с ним: резко начинавший парень обещал стать главным хулиганом двора и ближайших окрестностей, что в конце концов и случилось. Он так активно вмешивался в различные дела, происходившие в округе, так последовательно раздавал направо и налево подзатыльники и выгребал мелочь у сопливых карапетов, не позаботившихся заранее о её сохранности, что с ним стали считаться все. Пострадавшие жаловались родителям, но что могли сделать обычные люди против подраставшего бандита, уже проявлявшего уйму ума и находчивости? Старая бабка, на чьё попечение он оказался оставлен уехавшими куда-то далеко родителями, абсолютно ничего не могла с ним сделать: он просто посылал её вместе с надоедавшими жалобщиками. Его ведь надо было ещё найти! Я как-то оказался у него в гостях: тугоухая бабка почти не слышала звеневший тихо звонок, сам же Колян не горел желанием общаться с людьми, так жаждавшими его видеть. Он хорошо знал – с кем ему видеться не стоит, удачно проскальзывая

между ними и затаиваясь тогда, когда это было нужно.

В школу же он ходил только тогда, когда хотел. Разумеется, это была местная – простая и бандитская школа – где он умудрился стать известной личностью. К нему особенно и не приставали и давно махнули на него рукой, позволяя делать что угодно. В моей школе его бы выперли в два счёта! Ему просто не нужны были истории и математики, все же нужные науки он осваивал легко и непринуждённо, во дворе своего дома и окружающих окрестностях. Хотя кое-какие знания – к примеру, знание уголовного кодекса – ему бы очень пригодилось!

Однако такие вопросы, разумеется, не затрагивались в курсе школьной программы. А жаль: это знание облегчило бы Колянну приобщение к той жизни, избежать которой он особо и не пытался. Но я не буду забегать вперёд: до этого оставалось ещё далеко, пока же он успешно осваивал окружающий его мир, и, разумеется, не мог не заметить и меня. Ну я же рассказывал про свои финансовые дела: игры на деньги и прочее? Когда он впервые застал меня за таким занятием – в ранге победителя и, можно сказать, чемпиона – то среагировал адекватно: то есть отобрал весь мой выигрыш, наградив сочной увесистой оплеухой.

Особо жаловаться было некому: мать ничего не сумела бы сделать прирождённому хулигану и бандиту, тем более что я сам не слишком легальными средствами добывал те деньги. Если бы дело дошло до школьной директрисы: то кончилось

бы печально, так что никто из близких мне людей так и не узнал о происшествии. Вместо этого я поступил по-другому: я решил сделать Коляна своим другом и покровителем. В конце концов мне это удалось.

Сошлись мы на почве любви к оружию. Ну я же рассказывал: какая игрушка мне понравилась бы больше всего? Пистолет! Колян в этом смысле ничем не отличался: он просто тащился от оружия, начиная с простых ножей и кончая пистолетами и автоматами. Он не отказался бы и от пулемёта! Разумеется, настоящее оружие в раннем школьном возрасте он достать никак не мог: он ограничивался пока простыми ножами и изображениями уже оружия серьёзного, выискивая их где только можно. Спёртая где-то книга – несколько раз мне показанная – содержала цветные и чёрно-белые иллюстрации всевозможных пистолетов, автоматов и пулемётов: это было что-то вроде энциклопедии, где он постоянно выискивал то, что хотел бы получить. Именно там я нашёл пистолет, который позже уже стал моим и из которого я, ну... сами понимаете.

Пока же Колян коллекционировал всевозможные ножи, кинжалы и финки: несколько перочинных ножичков были самой безобидной частью его собрания, и среди обычных предметов каким-то образом у него оказалось припасено настоящее боевое оружие. Кортик немецкого офицера – покрытый ржавчиной, но не потерявший силы и притягательности; нож-штык от автомата Калашникова, спёртый где-то

в армии; и даже непонятно откуда взявшийся кинжал, судя по надписям и вензелям происходивший из Японии. Вполне возможно, что предназначался кинжал для харакири, во всяком случае именно под таким соусом преподнёс мне его Колян, когда показал впервые.

Однако в реальной жизни Колян ходил всегда с надёжным проверенным оружием – складным ножом с почти десяти-сантиметровым лезвием. Вытаскивая из штанов такую вещицу и поигрывая ею, то открывая лезвие, то с лязгом захлопывая его, он заставлял считаться с собой даже подростков – на несколько лет старше, тем более что для своего возраста он был высок и силён.

Но не только оружие стало связавшим нас мостиком: у нас оказалось общим ещё кое-что, гораздо более личное и глубокое. Я говорю о предках: так же как и мой отец, его родители находились в далёкой долгосрочной экспедиции – ну, сами понимаете, какой, только они, в отличие от моего отца, не бросали его и не отказывались от общения. Регулярно – хотя бы раз в месяц – они одаривали его очередным посланием, то есть обычно это делала мать, насколько я понял, сидевшая в зоне и отбывавшая меньший срок, чем отец, вляпавшийся по-крупному. Он был то ли медвежатником, то ли домушником, и уже не в первый раз испытывал превратности судьбы, предопределив, можно сказать, будущее Коляна. Да и кем ещё мог стать задиристый и наглый пацан, из которого так и пёрло: «а пошли вы все на, что хочу, то и делаю!».

или так: «вы все овцы, и я буду вас как волк резать, резать и резать!»

Настоящих друзей с такими замашками у него, разумеется, не было, мои же отношения с ним сложились как у крыши и крышюемого. Ну вы понимаете: постоянные финансовые дела требовали реальной поддержки и подкрепления, и за помощь я отдавал ему определённый процент. Рубль из трёх, если быть точным, компенсируя это возможностью самых серьёзных заработков. То есть я играл уже с самыми взрослыми ребятами из всех, кто соглашался на такую глупость и авантюру, надеясь при обострении на физическую поддержку.

Такие отношения я установил с ним в третьем классе, когда он уже был повидавшим всё и почти выпертым из школы семиклассником. Учиться он так и не собрался, но выгнать до конца восьмого класса его физически не могли, так что у него имелась куча свободного времени. Распоряжался он им на самом деле достаточно разумно: сляпанное в подвале дома подобие качалки он посещал несколько чаще школы, заранее выбрав себе будущее. Культурист? Не смешите меня: он там качал не *мышцы*, он заботился о *силе*, заодно отработывая приёмы и удары.

К счастью, меня он не воспринимал как серьёзного партнёра в подобных делах и отрабатывал свои умения на других. Об этой примитивной качалке знали многие, но мало кто решался вваливаться в тесный узкий закуток, где встре-

ча с неофициальным хозяином не обещала ничего хорошего. Он мог просто послать подальше, но мог и наkostenять наглomu нахрапистому приставаале. Хотя кое-кто в конце концов произвёл на Коляна впечатление и задержался там на долгий срок.

Это я про ближайших дружков и соратников: но не моих – нет, стал бы я связываться с такими болванами! Первым к Коляну прибулдился Штырь, главный его помощник в дальнейших делах. Он тоже был Коляном, но, разумеется, настоящий Колян не потерпел бы рядом человека, претендующего на его кличку, так что прозвище он получил по фамилии – Штырёв – тем более что он хорошо так вымахал вверх. По возрасту он располагался между Коляном и мною, но почти не уступал Коляну в росте. Чего нельзя было сказать о силе и агрессии: здесь никто не мог и близко подойти к Коляну, тем более второй его подручный – Борька.

А что вы смеётесь? Смешное погоняло? Ах, у вас был поросёнок с таким именем? Может быть, может быть. Да Борька был как раз таким свином: жирным, щекастым и наглым до невозможности. То есть когда Колян позволял ему хамить. Но кроме жира у него хватало и мускулов, а когда он впервые припёрся к нам в качалку: он просто хотел скинуть жирок.

Однако так просто от Коляна никто не уходил: отработав тогда на Борьке пару приёмов, он принял его в стаю, тем более что тот сам рвался под сильное крыло. Его ведь чморили

все, кому не лень: жирный тупой увалень становился удобной мишенью для издевательств, и хоть под слоем жира и скрывались серьёзные мускулы, но обиды-то никто не отменял! Вступив же в банду Коляна, он сразу почувствовал разницу: все знавшие Коляна больше не осмеливались хамить, намекая на свинскую сущность Борьки.

Да, именно в таком составе – золотом составе! – наша банда и прославилась в конце концов, оставив о себе память у многих местных. В какие-то моменты к нам приходили ещё пацаны: однако надолго у нас никто не задерживался, теряясь где-то в подворотнях. Да нас вполне устраивал и такой состав, мы и так в-общем справлялись. С чем? Ну, до серьёзных дел мы добрались далеко не сразу, сначала ведь к ним требовалось хорошенько подготовиться. Неужели вы думаете, что серьёзные пацаны – когда идут на дело, проворачивают его с бухты-барухты? Ничего подобного. Вы, надеюсь, видели «Леона»: который в оригинале называется, кстати, «Профессионалом»? Видели?! Так вот любой, кто работает не так: жалкий любитель и дилетант, который легко вяпается и ничего не сделает: из того, что должен. Ну то есть планировал. Да, так вот: мы уже ясно понимали – по какой дороге собираемся пойти – а чтобы путь оказался удобным и цели достижимыми: надо ведь было хорошенько подготовиться!

Небольшое помещение не позволяло особенно развернуться, комната за железной дверью вмещала лежанку со стойками у головы: лёжа на спине человек мог поднимать

штангу или гири; сами гири стояли всегда на месте, штангу же мы приволокли после; у входа свисала перекладина для подтягивания; в углу с потолка свисала груша, которую любил дубасить Колян. Там же – на старых изодранных матах – он обрабатывал приёмчики и удары, используя как противника Штыря или Борьку.

Разумеется, бил он не со всей силы: он ведь не хотел покалечить ближайших помощников и сподвижников, которым тоже дозволялось оттачивать мастерство. Но только друг на друге! По силе они были примерно равны, хотя в ловкости Штырь безусловно превосходил Борьку, и доставалось Борьке в любом случае больше всех.

А я? В потасовках, разумеется, я никакого участия не принимал: я был мозгом и кошельком банды, а что бывает с мозгами, если их хорошенько отдубасить? Гири, самые лёгкие и доступные: именно с ними я занимался в самом тихом углу, когда остальные, как правило, уже отдыхали от трудов праведных. Хорошо потренировавшись, мы прикидывали, куда пойти сегодня: где нас явно не ждут и можно будет обуть подходящего терпилу.

То есть сейчас с этим проще: ночные клубы, рестораны, кафе и прочие заведения так и раскиданы повсюду, приманивая к себе глупых доверчивых клиентов. Совсем не так было всё лет двадцать пять назад: клубы тогда ещё даже не появились, а рестораны и кафе – куда могли стремиться богатенькие прожигатели жизни – были наперечёт. В ближай-

ших окрестностях моего дома имелось три таких точки, и ещё штук пять или шесть значных мест мы могли достичь при большом старании. На дело мы шли обычно вечером, в темноте. Начинали мы, разумеется, с того что попроще: собравшись в узком тёмном месте, мы подкарауливали подростка или молодую девицу, не обращая внимание на окружающее стремящуюся к свету: именно у таких всегда имелось при себе достаточное количество денег.

Вырастая внезапно из темноты, мы притормаживали разгорячившегося клиента: Штырь шёл с одной стороны, Борька – с другой, а предводитель и организатор – с третьей, перекрывая окончательно путь к отступлению. Даже двадцатилетние парни не могли чувствовать себя спокойно: наша сплочённая банда действовала уже вполне профессионально: обступив обалдея со всех сторон, Штырь и Борька хватали его за руки, а Колян доставал надёжный проверенный ножик. Парочки лёгких движений – с доставанием длинного блестящего лезвия и его дальнейшим захлопыванием – обычно хватало. Клиент понимал тяжесть ситуации и готовился уже расстаться с деньгами и вещами. Однако он ведь мог заранее спрятать деньги, по крайней мере большую их часть, и тогда наступал мой черёд.

Моя функция заключалась в том, чтобы добраться до самых последних тайников клиента: мы должны были выудить у него даже то, что он скрыл от посторонних глаз в абсолютно неожиданном месте, и именно тут выходили на авансцену

данные природой способности. Моя ловкость рук, моя изворотливость, мой ум наконец: именно эти качества помогли докапываться до какого-нибудь тайного кармашка, скрытого в глубине куртки или обнаруживаемого в штанах в нижней части ляжки. Мои чувствительные пальцы ощущали каждый всхлип клиента, каждый его порыв и желание вырваться из нашего тесного общества, когда же я совсем близко подбирался к главному заветному тайнику, то именно руки получали ясный чёткий сигнал, и я доводил дело до конца.

Без денег терпила сразу стухал, он был нам больше неинтересен, но ведь он мог устроить шум и позвать милицию, которая, при неудачном для нас раскладе, могла оказаться где-нибудь неподалёку. Так что иногда требовалось и некоторое физическое воздействие: пока Штырь и Борька держали обгадившегося клиента, а я распахивал добычу по карманам, Колян делал несколько контрольных ударов. Бил он в живот и солнечное сплетение, освоенные техники позволяли Коляну не самыми могучими ударами вырубить возвышавшуюся перед ним громадину. После чего его бережно укладывали в тихом месте на травку, и мы радостно возвращались в логово. Ну, то есть в качалку.

Что касается делёжки заработанного, то у нас сразу сложилась такая система: Колян получал сорок процентов, мы же – остальные – по двадцать. Точнее, он выделял нам по двадцать процентов из того, что считал своим в-общем-то заработком. Он как бы организовал и придумал такой про-

мыслей, мы же – остальные – были его наёмными сотрудниками.

Меня лично такое восприятие вполне устраивало: оно снимало с меня лишнюю ответственность. В конце концов я никого не хватал и не бил: что бы могли предъявить мне в случае поимки? То, что я рылся в чужих сумках и карманах? Но ведь не я заставлял отдавать деньги: я выполнял лишь маленькую вспомогательную функцию, просто делал это добросовестно и качественно. И именно это, возможно, и помогло мне и спасло меня, когда дело дошло наконец до расплаты.

Вы же понимаете, что далеко не все пострадавшие просто тихо шли домой и предавались унынию. Были, наоборот, те, кто рвался в бой и горел желанием свести счёты. Но тут нас спасала родная ментовка. То есть: я имею в виду те порядки, которые царят в милиции. И тогда тоже царили.

Ну вы же знаете: когда приходит помятый такой кадр в отделение и начинает качать права, вспоминая о вечернем происшествии: то как к нему относятся? Посылают подальше, отфутболивают изо всех сил, или даже грозятся его самого отправить на освидетельствование. Если не отстанет и будет и дальше отвлекать ментов от их важных дел. Чтобы менты прониклись доверием: тут ведь нужны дополнительные обстоятельства. Например, социальный статус терпилы: какая-нибудь его корочка, из-за которой ментам – хочешь не хочешь – придётся-таки заняться нудным мелким делом.

Поскольку иначе им такое могут устроить, что не приведи господи.

Так вот после долгой серии вполне удачных вылазок, когда нами явно никто не интересовался, мы сделали глупость. Мы взяли в оборот не простого обычного балбеса – нет! – в нашу засаду угодил уже взрослый серьёзный такой мужик, на портфель которого соблазнился Колян. Солидное кожаное изделие, по мысли Коляна, должно было содержать ценные предметы, а в кошельке плешивого уже мужичонки лежало много денег.

Денег там оказалось действительно достаточное количество – рублей сто – но с вещами получился облом: найденные бумаги мы потом выкинули на помойку. Но ещё больший облом ждал нас через несколько дней, когда нагрянувшие менты, можно сказать, прервали на взлёте наши карьеры. То есть мне как раз повезло – дико повезло! – что в том вечернем происшествии с лысым мужиком моё участие ограничилось самым минимумом. Он даже, по-моему, не совсем понял, кто я такой и что мне надо, когда в темноте я обыскивал его карманы, и во всяком случае, я как-то выпал из его поля зрения. Потому что когда я вечером – как обычно – спустился в качалку – то вся компания уже находилась в сборе и тихо скулила, сидя в наручниках в компании нескольких ментов, меня же никто не задержал. Щуплый и заморённый вид сыграл в мою пользу: менты только спросили, что здесь надо такому карапету как я – а в двенадцать лет я тянул

лишь на десятилетнего – после чего я быстро слинял. Парни держались: было видно, что, несмотря на расквашенный нос Колян не собирается так просто сдаваться сам и сдавать своих. Штырь и Борька были подавлены, но и они не предали: в течение нескольких дней я с тоской ждал, что вот сейчас раздастся звонок в дверь, и мент – здоровая орясина – наденет мне на лапки наручники, а потом отправит туда, где ждут уже обречённые Колян, Штырь и Борька. Но такого не случилось: они так и не выдали своего маленького помощника, позволив мне без сложностей закрыть эту часть жизни и начать новую с чистого незапятнанного листа.

IV

Здравствуйтесь, здравствуйтесь. Быстро вы добились нового свидания, не ожидал я увидеть вас всего через две недели. А то мне начальство в прошлый раз даже скандал устроило: долго я вас тогда своими воспоминаниями третировал. Ничего так воспоминания: школа молодого бойца, можно сказать. То есть начинающего гопника, обещавшего так много и со временем оправдавшего обещания. Но это всё уже потом, потом, а тогда я ещё только осваивался в профессии, пробуя себя в разных качествах. Неужели вы думаете, что простое щипачество могло устроить меня, вертевшего в уме уже тогда разные схемы и комбинации? Кое-кто из олигархов – ныне процветающих и хвастающих своими свалившимися на них богатствами – мог бы кое-чему у меня поучиться! Они ведь заявляют, кажется, что получили состояние как награду

за то, что они такие умные и способные, совершенно оставляя в стороне те жульнические пройдошеские схемы, которые использовали в реальности. И на каждом их них трупов-то побольше будет: чем на мне. Просто мне свои сложности пришлось решать самому, не прибегая к помощи посторонних людей: так уж сложилось, и именно поэтому я сижу тут, а они красуются на обложках газет и в списках Форбс. А почему? А потому, что они оказались в самое нужное время в самом нужном месте, меня же туда и на пушечный выстрел не подпустили.

Я понимаю: меня и не должны были подпустить, элитные места там ведь бронировались заранее, так что если кто-то посторонний хотел бы влезть: то пришлось бы кого-то выкидывать, ну, или – копытами вперёд... Хотя... Расхвастался я что-то сегодня, в самом деле ещё подумаете, что я бывший олигарх: просто маленький такой.

К сожалению: не так это. Я мог бы наплести и наврать с три короба – как я лихо обувал и окучивал многочисленных лохов и терпил – чем, собственно, олигархи и заработали себе состояние. Но нет: с лохами я работал поштучно, можно сказать индивидуально, так что где мне... Хотя когда я простился с Коляном, до этого было ещё далеко: игры в расшибалочку на деньги мало что давали – меня ведь уже знала каждая собака, не рискуя больше кошельком и репутацией. Да и я тоже опасался: пару раз расплзавшиеся по школе слухи о моих сомнительных заработках заставляли класс-

ную руководительницу устраивать допросы с пристрастием, и только сознательно придурковатый вид отводил от меня лишние подозрения. Они просто не решились копнуть поглубже, а то могли бы найти много для себя интересного! Именно тогда я попробовал клей и ещё кое-какие вещи, хотя далеко эти увлечения, к счастью, не зашли. Но впервые они случились не в школе: у меня ведь бывали и другие возможности. Например? Ну, летом мать несколько раз отправляла меня в пионерский лагерь, и лагерем был совсем не «Артек». Порядочки там процветали те ещё: надо же было куда-то на лето девать мелких гопников, за кем ещё следили родители, не позволяя им совсем опуститься и пойти по кривой дорожке. Те, кто из порядочных семей: они ведь могли отсидеться на даче, как Сергей – мой одноклассник и единственный друг. Кое у кого ещё имелись бабушки-дедушки где-нибудь в деревне: а я ведь выглядел голодранцем, так что лагерь – это было как раз для меня!

Хотя мать совсем не так воспринимала их: получив путёвку по какой-нибудь там профсоюзной линии, она думала, что я должен ей радоваться. Как же! Щаз! Козлов, норовящих обидеть такого карапета как я, хватало и в городе, а уж в лагере их было выше крыши.

У меня вообще сложилось впечатление, что оболтусы, сплаваемые в лагерь, как бы решали: ну если вы к нам – *так*, то мы тоже насрать на вас хотели! И на всё, и на всех тоже. Короче, когда меня угораздило в первый раз оказаться

там, это стало шоком. Я рассказывал: какие впечатления у меня остались от детского сада? Так вот: *там* – в детском саду – был именно что *детский сад* по сравнению с беспределом, творившимся в лагере пионерском.

Когда я туда приехал, то думал: это я – гопник и начинающий бандит, *меня* все должны остерегаться и обходить стороной, пускай внешне я и выгляжу совсем не грозно. Но первый же день заставил изменить мнение: устроенная вечером в корпусе всеобщая потасовка – да-да, сражалась целая комната, каждый против всех! – закончилась всеобщим задержанием и выпиныванием зачинщиков из лагеря. Среди злобных десятилетних оболтусов – моих сверстников – явно затесались будущие гопники и уголовники, на фоне которых я ощущал себя тихим воспитанным мальчиком. Дать ни с того ни с сего подзатыльник, двинуть локтем в живот, сорвать с головы чужую пилотку и бросить её с высокого обрыва, так что хозяину останется лишь проводить её взглядом: такое встречалось сплошь и рядом. Я оказался в комнате, где каждую ночь сопели и храпели двадцать вонючих наглых оболтусов, причём такое сокращение случилось уже после той драки и выкидывания троих зачинщиков – самых буйных. Они хотели тогда всего лишь устроить бой подушками, но представьте: как должны были отреагировать два десятка незнакомых друг с другом лоботрясов на внезапное нападение? Кто же хотел признавать свою слабость и подчиниться, что и привело к грандиозной потасовке, когда от по-

душек некоторые перешли к более серьёзным предметам. Я же тогда, разумеется, никаких подвигов не совершил: в ходе случившегося разбора полётов я оказался признан как один из пострадавших, что подтверждали царапины на руках и приличный такой фингал на макушке. Я был самым мелким из обитателей палаты, так что рассчитывать на спокойную жизнь мне не стоило. И когда я это понял, то стал мстить: так же, как делал до того и делал после, используя свои личные преимущества и недоступные другим возможности.

Нассать в чужую постель, подсыпать незаметно соли в компот или сахара в суп, измазать самой едкой – мятной до изжоги пастой – лицо и вещи очередного недоброжелателя или врага: в этом мне точно не было равных! Кто как не я мог незаметно прокрасться в комнату – чтобы никто не увидел неожиданного внезапного гостя, в случае же чьего-то появления я мог быстро спрятаться под кроватью. Скрываясь так от хозяев, я узнал немало секретов и представляющих интерес вещей, которые мог использовать для собственных целей. Тайная страсть одного жмота и жадины к особо вкусным шоколадным конфетам заставляла его тайно обжираться днём, когда – по замыслу – никто не мог накрыть его с поличным. Не тут-то было! Обнаруженный мною тайник скоро оказался почти полностью очищен, а впавший в ярость хозяин так до конца смены и не понял: кто же наказал его за жадность и обжорство!

Ну и всякие запретные удовольствия тоже встречались.

Хотя вначале я не понял: что за удовольствие такое – нюхать непонятную химическую дрянь! Предложивший это парень был явным дебилом: слабоумие так и сквозило в каждом его слове и движении, так что я подумал, что именно поэтому его тянет на сомнительные опыты и эксперименты. Но однажды то же самое мне посоветовал сосед по палате, так что я наконец решился попробовать.

Не могу сказать, что получил какое-то удовольствие: это было как, допустим, с прыжками в воду. То есть когда компания балбесов пришла к речке и стала прыгать с высокого обрыва, изображая радость и восторг, но в компании оказался парень, никогда подобного не делавший. Так вот все его подначивают, говорят – как это хорошо и приятно! – а когда он наконец решается, то после сильного удара выныривает в удивлении на поверхность, наглотавшись холодной воды, и так и не может понять: а что же здесь хорошего?

Именно так случилось у меня после первого так сказать сеанса. Полученный вечером тюбик я открыл под одеялом, закрывшись там от всех. Запах оказался яркий и запоминающийся, но никакого кайфа – якобы обязательного – я так и не ощутил. В чём-то он напоминал запах бензина: я знал парня, который тащился от него, но даже ему не приходило в голову наливать его в маленький флакончик и нюхать под одеялом! Так что, вернув тюбик с клеем хозяину, я решил не влезать туда дальше. Хотя, если я сам был равнодушен: то другие явно тащились! Что и можно было использовать.

Когда я уже потом приехал в город, то обнаружил, что клеём увлекается Штырь. До конца скоротечной славной карьеры ему оставалось больше года, и всё это время я снабжал его ценным продуктом. То есть клеём, считавшимся лучшим с точки зрения нюхачей и достать который, соответственно, было совсем непросто. Однако обнаруженный мной однажды хозяйственный магазинчик выкидывал время от времени на прилавок разные интересные вещи, и самое первое, что я регулярно скупал там – был именно клей.

Местонахождение магазинчика было моей коммерческой тайной, от поддержания которой я немало выиграл. Не один только Штырь стал моим клиентом: продававшиеся за рубль тюбики я втюховал по три рубля ещё нескольким одноклассникам и тем, кто был младше. Не могу сказать, что бизнес оказался поставлен на широкую ногу – нет! – просто время от времени тот, кому удавалось скопить нужную сумму, отводил меня в сторону и просил – якобы для опытов – продать ещё один тюбик: алюминиевое вместилище сочной яркой субстанции. Знали ли про это другие? Ну, они знали, что я занимаюсь с Сергеем химическими опытами и могу достать кое-какие недоступные им вещи. Какую-нибудь, к примеру, аммиачную селитру, за что всегда беру себе некоторый процент. Откуда? От верблюда! Я ведь не обязался раскрывать свои источники, тем более что такие просьбы возникали очень редко. Если кто-то хотел устроить хороший фейерверк, или собирался морить крыс, или нуждался в хорошей

такой отраве для насекомых, он знал: надо попросить меня, и я достану. Может, не совсем то, что он предполагал изначально, и не по самой низкой цене, но на меня можно в таком деле положиться. Где доставал? Ну, в том же магазинчике, где я тоже смог наладить взаимовыгодные отношения. С кем? С продавцом, стоявшим обычно за прилавком: я просто познакомился в конце концов с этим мужиком и отстёгивал ему небольшой процент за постоянные мелкие услуги.

Удивляло ли его то, что такой мелкий шкет постоянно тёрся в магазине и спрашивал про вещи, которыми обычно интересуются достаточно взрослые люди? Совсем нет: старый умный еврей безусловно видел, что я шкет только внешне, внутри же я старше сверстников. Им ведь не приходилось так бороться за место под солнцем, им не требовалось заботиться о завтрашнем и послезавтрашнем дне, у них имелись надёжные полноценные отцы или хотя бы матери, которые и выдавали им карманные деньги на текущие расходы. Так что я был совсем не то, что большая часть однолеток-оболтусов, ну вы это уже наверно поняли. Учился же я, несмотря на вольности и отклонения, достаточно легко и просто. В младших классах я даже слегка халтурил, но несмотря на это держался среди лучших. Лучшим в классе, разумеется, я стать никак не мог: я ведь не был лизоблюдом и прилипалой, заглядывавшим в глаза каждому учителю в надежде на дополнительное поощрение – нет! – я оставался человеком своевольным и самостоятельным. Поддерживая внешние прили-

чия, я никому, разумеется, и намёком не давал понять, чем занимаюсь в свободное время: про Коляна с компанией, а также про клей одноклассники и учителя не узнали до самого конца. А также про кое-что ещё, что могло полностью изменить мою судьбу и не довести до жёстких вместительных нар в далёкой глуши.

Я про травку. Расспрашивавшие меня раньше следовательно совершенно не интересовались моими прошлыми делами и подвигами, ну ещё бы: на фоне пяти трупов всё прочее выглядит таким мелким и незначительным! Но поскольку вас интересует не только апофеоз, так сказать, моей карьеры, то хочу ещё кое-что рассказать. Теперь мне за это ведь ничего уже не будет, да и кому интересны мелкие подробности двадцатилетней давности: только вот вам если? Вы знаете: общение с вами ведь помогает мне жить, я как-то даже зауважал себя, ну и тем более тюремное начальство... Они ведь видят: вы приходите именно ко мне, и наше общение вам что-то же даёт – ну даёт же?! Так что теперь у меня нет никаких ограничений в получении книг, и газеты я получаю раньше всех. Я даже взял на себя наглость и попросил выписать пару журналов: по научной тематике. Вряд ли они на такое сподобятся, но в последнее время я читаю случайно завалявшиеся здесь номера «Науки и жизни», десятилетней, правда, давности. Если они боятся, что я ищу способ, как подпилить решётки и выбраться наружу, то напрасно боятся: хрен отсюда кто когда выберется! Так что у меня ещё одна

просьба: вы не можете попросить их? Ну, выписать хотя бы «Науку и жизнь»? Ладно?

Что же касается травки: то в старших классах школы это стал мой главный заработок. После того, как игры на деньги накрылись медным тазом – никто не хотел больше рисковать – а Коляна с корешами отправили в колонию, у меня остались только мелкая фарцовка и щипачество. Но что могли дать мелкие спекуляции – два-три тюбика клея в месяц и пробные – не больше того! – выходы на большую охоту? Хотя иногда мне везло. Классе в седьмом я взял первую настоящую добычу. Что это было? Кошелёк! Причём его не могли не украсть: если бы это не сделала моя быстрая шаловливая лапка, то спустя короткое время он исчез бы в чьём-то другом постороннем кармане, заставив хозяина навсегда проститься с несколькими сотнями рублей, что сильно распирала матерчатую оболочку.

Несколько сотенных – ещё советских дореформенных! – бумажек плотным комком обвивали двадцатипяти- и десятирублёвые купюры, заставляя завидовать хозяину кошелька – уже бывшему, сделавшему такую глупость. Торчавшее из кармана куртки плотное образование просто не могло не привлечь чьего-то – в данном случае моего – внимания, так что я всего лишь выполнил роль санитаря леса: нашего каменного и бетонного леса, в котором никому не позволительно так глупо провоцировать судьбу и играть у неё на нервах.

Однако это была редкость – большая редкость! – что и за-

ставляло меня постоянно думать о новых источниках доходов. Именно тогда я начал задумываться о будущей карьере и о том, чем хотел бы заниматься дальше. Мать всегда говорила мне: ищи работу чистую, не связанную с большими физическими усилиями или копанием в жуткой непролазной грязи, когда в конце дня ты сам уже не помнишь, на каком свете находишься или кто ты на самом деле: человек или, к примеру, вонючая жирная свинья. Свиньёй мне быть, разумеется, не хотелось: хоть я и видел жирных тварей до определённого момента лишь по телевизору, не передававшему всей их несусветной вони, но я заранее не любил их. Мать знала, что говорила: она сама часто уставала на своей работе, ведь она целый день барахталась в огромной раковине, куда все сплавляли грязную обляпанную едой посуду. Вряд ли кто-то мог ей позавидовать: она в компании ещё с одной посудомойкой обеспечивала целую большую школу, получая не самую могучую зарплату, так что совершенно понятно было, что мать хотела мне совсем другое.

Но мою судьбу решили способности: до какого-то момента мать даже не знала о них и потому надеялась, что яркие школьные успехи позволят поступить в институт и закончить его. Вполне возможно, именно так всё и случилось бы: если бы я не попался и не получил первый срок. Но об этом я потом расскажу.

В школе же, как я говорил, я неплохо зарабатывал на травке. В-основном на анаше, насколько я понял, ну это по-

всякому бывало. Как я вышел на такое дело? Да просто! Помните, я говорил про магазинчик хозтоваров, где покупал клей и другие вещи? И установил в конце концов контакт с продавцом, всегда стоявшим за прилавком. Так вот: однажды, когда я тусовался там, рассматривая товары, он попросил меня об услуге. Он всего лишь предложил отвезти посылочку в определённое место и передать её нужному человеку. За услугу же он сунул пятёрку. Нет, вы только представьте себе: я, можно сказать, мелочь по карманам тырил, сшибал по два-три рубля на весьма сомнительных операциях, а тут – всего лишь за доставку посылочки – мне без всяких вопросов сразу отваливали пятёрку!

Разумеется, я согласился. Знал ли я, что в посылке? Нет, конечно, но когда Николай Наумович – да-да, моего первого настоящего крёстного отца звали именно так! – передал мне пакет, я, разумеется, прощупал тугой плотный свёрток. Еда?! Это могло быть похоже на еду, но кто стал бы платить такие деньги за доставку палки колбасы или нескольких консервных банок? Принюхавшись, я уловил незнакомый запах, а дальше уж сработали интуиция и ум, и я примерно догадался: что там такое.

Хотя не совсем так всё было просто: кто бы мне доверил просто так – без всяких проверок – полкило анаши незнакомому по-настоящему парню? Вручая пакет нужному человеку, я только ещё догадывался, что это как раз и была проверка: не сбегу ли я с неожиданно свалившимся на меня богат-

ством, и не попробую ли отщипнуть себе кусочек? За мною следили, это я понял ещё на полпути к цели, бултыхаясь в переполненном вагоне. Но я сразу понял, что процесс идёт как надо, что бояться мне нечего и следует всего лишь быстро и точно выполнить просьбу-приказ.

Так что с какого-то момента я стал подрабатывать курьером. Совсем несложная, скажу честно, была работка, и если бы не некоторые неприятности: я бы с неё может и не слез. В самом деле: получаешь товар в одном месте, везёшь его в другое, отдаёшь нужному человеку – и целый день свободен! Заработав за пару часов столько, сколько на какой-нибудь работе платят за два-три дня. Пятёрка – это ведь тоже было первое испытание, дальше пошли уже совсем другие деньги, меньше чирика за рейс я никогда и не получал! Особенно когда уже немного вошёл в курс и стал принимать деньги. Там уже была двойная, тройная ответственность! Представьте себе: пятнадцатилетний пацан с авоськой, набитой пятёрками и десятками! Это ж опасно! Особенно если учесть, что уже появились настоящие «быки». Шла ведь уже перестройка: невозможное становилось возможным, и очень многие старались урвать. Не только ведь Колян организовал себе качалку, это просто веяло в воздухе: стань сильным – и тебе не будет преград! Хапай, сколько сможешь, оттянись со вкусом, живи на полную катушку! Колян, он был сильный парень, но встречались ещё сильнее: настоящие шкафы, которые даже Коляну могли накостилять так, что тот изошёл бы кро-

вью. Так вот: один из таких «быков» однажды подловил меня в метро. Действовал он явно по наводке, и большой удачей стало для меня то, что товар я уже успел скинуть, сдать ожидавшемуся в метро агенту, а денег я в тот раз не получал. Так что я был чист, и грубый наглый «бычара», затащивший меня в глухое тёмное место на станции, оказался сильно разочарован. Грубо перещупав меня и обрыскав сумку – где не завалилось для него ничего интересного – он дал мне подзатыльник и отпустил.

После подобного случая я вёл себя намного осторожнее. Если груз был мелкий – ну ладно. Отправляясь же на встречу с большим серьёзным клиентом, я всегда предпочитал такси. Да-да, в таком-то возрасте – и уже такси! Полсотни кулков – это вам не шутка! Рассовав их в разные места сумки и одежды, я никогда не чувствовал себя в безопасности: знающие меня в лицо или по наводке «быки» всегда могли подкараулить такое слабое незащищенное существо и лишитъ всего имущества, если же меня загребли бы менты: то считай – всё пропало!

С ментами я бы не отделался парой синяков и отобранным товаром: Николай Наумович закрыл глаза на один случай, когда меня подловили-таки с партией товара – но очень маленькой партией! Устроенная им душеспасительная беседа должна была внушить мне, насколько ответственна и серьёзна моя работа, как сильно зависит процветание дела от таких как я – маленьких скромных бойцов невидимого фронта – и

какие неприятные последствия ждут в частности меня, если я потеряю следующую партию. Словам я, разумеется, внял, и в смысле надёжности и незаменимости действительно стал одним из лучших. По крайней мере если верить словам Николая Наумовича.

Ещё же одним неприятным моментом для меня был сам мой босс – Николай Наумович, НН. Я совсем неплохо отношусь к евреям: есть среди них очень умные и талантливые люди, мой школьный друг Сергей был, кстати, одним из них.

Но есть и совсем другие евреи: жида пархатые! Что такое? Я – националист?! Ну что вы: просто в каждом стаде есть свои паршивые овцы, а у евреев, учитывая их особенности, развилось умение приспособиться, присосаться к чему-то и потом сосать-сосать-сосать... Это их главное и практически единственное умение! Зачем что-то придумывать и делать, если можно найти узкое место, поставить там шлагбаум и лупить деньги со всех, кто хочет пройти. Это не только евреи, но среди них таких жидов выше всякой меры. Вы посмотрите газеты: все свежесозревшие олигархи – это ведь и есть такие жирные наглые клопы, которые нашли в своё время место, где можно вцепиться крепкий шлагбаум, и теперь сосут-сосут-сосут... И мой первый босс оказался как раз из таких.

Как это выглядело? Ну, требовалось, к примеру, НН послать курьера в место на другом конце города, а он брал и, допустим, заставлял меня согласиться ещё на одну поездку:

якобы лёгкое отклонение от основного маршрута не должно принести мне лишних хлопот и оплачиваться отдельно. Пообщавшись как-то случайно с курьером, ходившим под другим боссом, я узнал его расценки: НН платил мне, оказывается, вдвое меньше! Такси – за счёт фирмы – дозволялось мне лишь при действительно серьёзной партии товара, риск же никак не оплачивался. Встретившийся мне курьер – двадцатилетний оболтус – на моём фоне просто как сыр в масле катался, работая меньше меня он гораздо больше зарабатывал и хорошо так откладывал на жизнь. Возможно, он так много получал и из-за возраста: здоровый крепкий парень давно уже закончил школу и нигде официально не работал и не учился, так что имел массу времени и мог в любой момент отправиться на встречу. Не забывайте: я ведь учился в школе и ездил только во второй половине дня после уроков и прочих дел. Не вызывало ли подозрений моё поведение? В-общем, нет: я всегда был человеком самостоятельным, так что мать не слишком удивляли мои постоянные отлучи. Тем более: я ведь стал приносить домой деньги! Большую часть, разумеется, я откладывал или тратил на свои повседневные нужды, но сколько-то – рублей по двадцать в месяц – я стал подкидывать матери.

Что думала она по этому поводу? Ну, я ещё немного и фарцевал. Кассеты там, джинсы, какие-нибудь выпендрёжные футболки, которые я втюхивал одноклассникам. Да это все делали, кто только мог: просто не у всех имелась дело-

вая хватка и не все знали входы-выходы! Тут уж мать ничего и возразить не могла: она тоже в своём роде занималась мелким бизнесом – когда таскала домой продукты – так что за ежемесячные двадцатники я получал от неё только благодарности.

Большую же часть денег я откладывал: объяснить, откуда берутся сотни рублей, я бы матери не смог, и потому я тайно складировал их. Где? Ну, недалеко от подоконника – мраморного подоконника в нашей комнате! – я смог как-то отколупнуть плинтус, за которым обнаружилось небольшое свободное пространство. Именно там я держал собиравшиеся десятки, четвертные и полтинники, обёрнутые в пару сотенных бумажек. Как же удивилась мать потом – когда меня взяли, и оборзевшие менты перерыли всю нашу комнату и нашли-таки спрятанную мной заначку! Там собралось не меньше двух тысяч – большие деньги по тем временам, за которые мать горбатилась года полтора или два. Они так и сгнули, пропали в жадной ментовской утробе, и это была первая моя крупная потеря: хотя, конечно, не такая, как потеря свободы и то, что случилось несколько лет назад.

Но когда я обнаружил, что Николай Наумович обжуливает меня, то страшно рассердился. То есть говорить про обжуливание прямо так уж не стоит: мы работали, можно сказать, на договорной основе, просто я слегка продешевил тогда. И когда представился случай – перед очередной поездкой, когда я как раз забирал товар – я ему высказал своё мнение.

Нет, я не то чтобы собирался бросить НН и перейти к кому-то другому – кто бы мне позволил такое! – просто я заслуживал большего и должен был получить компенсацию. Помню, как кисло и надменно посмотрел он тогда на меня – сверху вниз, как смотрели почти все встречавшиеся со мной. Но я был зол и убедителен: я даже назвал ему примерную сумму, которую он сэкономил на мне за время сотрудничества, чего он явно никак не ожидал. Случившийся дальше в его исполнении спектакль – когда он жаловался и стонал, что я хочу его разорить и пустить по миру – позволил ему снизить мои требования: я согласился на двадцатипроцентную прибавку в обмен на согласие работать иногда утром и без ограничений в выходные, так что конфликт разрешился мирно.

Но на мне повисли дополнительные обязательства: именно тогда мне доверили транспортировку самого ценного – денег – обращение с которыми требовало особой осторожности. Это ведь на самом деле не шутки: таскать с собой увесистые плотные пачки! За них «быки» любого порвать могли, и даже НН не стал бы проявлять снисходительность, если бы меня загребли с таким грузом! Для наглядности он тогда – как бы между делом – рассказал историю одного парнишки, возившего деньги до меня и однажды угодившего в засаду. Его накрыли тогда, если НН говорил правду, кусков на пять, причём деньги принадлежали совершенно другим людям, сильно рассердившимся от такой неприятности. Всю сумму, по словам НН, ему пришлось восстанавливать из

собственного кармана, а несчастный курьер оказался у НН в полном подчинении, отработывая понемногу невероятный по величине долг, пока однажды его не взяли за жопу менты. Попавшись с товаром, он получил года три или четыре, но НН не собирался отказываться от его услуг и ещё думал использовать его, так что вполне удачная карьера парня явно летела под откос.

Чтобы со мною не случилось ничего подобного, я кое-что придумал. Нет, при тотальном шмоне мне бы и это тоже не помогло, но на случай не самой тщательной проверки я смог бы выкрутиться. Короче, я сделал что-то вроде сумки, в которую запихивал деньги, сумку же я привязывал к трусам. Ну и болталась она там же где и... сами понимаете что. А поскольку у меня там и без того уже топорщилось и выпирало, то выпирать оно стало больше. Но кто бы мог подумать, что там набилось что-то совсем другое, и кто стал бы проверять это?!

Не мешало оно мне ходить, не мешало, но три или четыре раза без этого изобретения я бы точно погорел. Просто кому захочется – из бандитов или ментов – копаться в яйцах у такого мелкого карапета, до них ведь ещё требовалось дотянуться, при моём-то росте и комплекции! Кстати, что касается роста: я всё-таки поднимался вверх, пусть и с большим отставанием от других, но последний рывок в данном направлении случился где-то классе в седьмом или восьмом. То есть тогда я вдруг за год вымахал сантиметров на восемь:

но это было последнее достижение, и нынешние сто сорок два сантиметра – это последняя вершина, потолок, достигнутый уже тогда. Мы тогда с матерью думали: вот, может, и закончились мои страдания, может быть – началась компенсация за долгие годы унижений, и теперь я уже смогу постоять за себя? Но до конца школы я больше не прибавил ни единого сантиметра, так же как и в следующие годы, и вся одежда, обновлённая тогда матерью, за редким исключением подходит мне и сейчас. То есть подходила, когда меня взяли за мокруху.

Но до мокрухи у меня ведь случилась ещё одна ходка. Ну вы бумаги мои читали? Статья 158, кража. Срок – полтора года, но это по малолетству, а так бы могли и больше впасть. Хотя доказан-то был один-единственный эпизод, но и его хватило, чтобы обрушить мне всю намечавшуюся карьеру и возможную вполне благополучную жизнь. И всё из-за тех же самых способностей, давших однажды осечку.

Попасть почти в самое гавно и не вляпаться в него – это же большое искусство! Сколько начинающие только присматриваться к чужому имуществу сразу же оказываются пойманными за шкурку и тут же попадают на нары за вещи настолько мелкие, что при других обстоятельствах они сами готовы были бы отдать столько же, лишь бы не попасть под подозрение! Однако дурачки сразу вляпываются, пополняя тюрьмы и зоны, я же – до определённого момента – обходил угрозы стороной.

Мне ведь и так уже один раз крупно подфартило: когда я не отправился вместе с Коляном и его подручными в колонию. Впяляли им тогда, кстати, по полной: вернулись они где-то лет через пять, хотя из всей компании я видел только одного. Борька – жирный заматерелый боров – прошёл как-то по улице мимо, не заметив или не узнав меня, хотя я тоже не горел желанием общаться с ним. Это был уже прошедший огонь и воду рыжий хряк, с которым мало кто захотел бы столкнуться в тёмной подворотне, так что я тоже предпочёл обойти его стороной. А то мало ли? Он ведь мог предъявить мне претензии: он ведь отсидел, а я – нет, так что наверняка он захотел бы какой-нибудь компенсации. Но что касается двоих других: то с ними тогда встретиться не довелось, просто потому, что тогда меня самого посадили.

Вы хотите подробностей? Ну, когда я однажды ошивался на рынке и оттачивал мастерство – вы понимаете? – то по неосторожности запутался в сумке у какой-то тётки. Толстый упитанный кошелёк, который я заметил среди её вещей, оказался таким большим, что не захотел вылезать наружу. Жадность фраера сгубила! Вместо того, чтобы оставить кошелёк, я дёрнул его на себя, ну и тётка, разумеется, впила в меня клешнями. А визгу-то было, визгу, как будто я хотел её убить или изнасиловать, тем более что в кошельке оказались такие мелкие деньги... стыдоба просто!

Я помню, как хотел сначала убежать, но тётка уже визжала на весь рынок, созывая свидетелей и очевидцев – хотя кто

чего там мог видеть? Тогда я попытался закосить под дурачка: сдвинув глаза в точку, я что-то быстро залопотал, изображая лёгкую олигофрению. Но тётка орала, что уже однажды у неё спёрли кошелёк – да-да, именно на этом самом рынке, и теперь она знает – кто это сделал, и пока она не получит свои деньги назад, а меня не отправит в зону: то не успокоится.

Так что попал я как кур в ощип, причём в первый раз обципал её не я: а что хотела визгливая наглая тварь, выставляя напоказ свои любимые причиндалы? Любой уважающий себя вор накажет такую дуру, таскающую открытую всем взглядам сумку, как бы приглашая заглянуть внутрь, хотя что там может найтись интересного? Занимаясь позже этим делом на профессиональной основе, я составил примерную коллекцию. Кошелёк, большой и жирный, с одним-двумя червонцами – это тогда, на заре моей карьеры – пара грязных платков, губная помада, пудреница с давно израсходованным порошком, куча чеков и квитанций, пара завалившихся реклам: труха, труха, труха... Ну и мобильник: как правило китайская дешёвка, за которую получить можно разве что рублей пятьсот или тысячу, если по новым деньгам.

Так что большого навару с такой вот тётки ждать было бесполезно, а неприятностей я получил... Появившийся мент сразу поволок меня в отделение, и что я мог сделать, ведь настырная тётка не собиралась отставать и всё визжала, что именно я спёр у неё кошелёк несколько месяцев на-

зад? Я даже не имел возможность договориться: поговорив с ментом один на один, я мог бы предложить ему отступное, но где там. Мы добрались в отделение, и меня тут же взяли в оборот. То есть попытались навесить всё, что у них там за долгое время накопилось. Тем более что попался я впервые, и наобещать они могли что угодно.

За что бы поубивал я всех ментов: это вот за манеру навешивать чужие грехи на постороннего человека. Им же надо отчитываться, вот они и придумывают вечно, как можно на случайно подвернувшегося человека записать чьи-то подвиги. Абсолютно бездоказательно и надумано, надо только, чтобы запуганный человек, ничего уже не соображая, просто поставил свою закорючку на странице, которую заранее надиктовали подлые лживые языки. И попавшийся на одной мелкой краже превращается вдруг в матёрого вора-рецидивиста, по недоразумению ушедшего пока от бдительного ока надёжных служб, зато теперь он может получить наконец по полной программе!

Примерно такой фокус эти сволочи пытались провернуть со мной. Они не побрезговали даже грязными штучками: посаженный в камеру стукачок целую ночь нашёптывал, что будет со мною в зоне, куда я обязательно попаду, если не приму на себя чужое. Интересно, на какого идиота они рассчитывали, пытаясь внушить мне, что гораздо большие грехи приведут к меньшим последствиям? Выслушав шепелявую гниду я, разумеется, не поверил ему: хоть он и испортил

мне ночь, но на следующий день, когда меня наконец поволокли на допрос, я был уже вполне подготовлен. Применяемые к другим методики в этот раз не дали результата: очень уж нагло и нахраписто пытался молодой борзый следак навесить мне чужие подвиги.

Вначале, разумеется, его интересовало, не я ли спёр кошелёк у вчерашней тётки несколько месяцев назад. Алиби? Какое алиби?! Вы сначала докажите, что вчера я вообще что-то пытался украсть, вы разве не видите: какой я дохлый и больной? А то, что моя рука оказалась в тёткиной сумке и была поймана с зажатым кошельком – это чистая случайность, стечение обстоятельств, рука у меня взяла и сама дёрнулась!

Примерно так я строил свою защиту, возводя один за другим барьеры на пути его неумеренной фантазии, выплёвывавшей одно обвинение за другим. Это я регулярно работаю на двух троллейбусных линиях, доставляя столько головной боли отделению? Или: а не я ли выгащил у такого-то терпилы такого-то числа в продуктивном магазине кошелёк из заднего кармана? Ну и прочее в том же духе, с разными датами и попавшими на деньги неудачниками.

Разумеется, я от всего открещивался: среди обвинений попало на самом деле одно, к которому я действительно имел отношение, прочее же являлось наглым поклёпом. «А как я мог это всё сделать, я ведь учусь в школе!» Я как раз заканчивал последний одиннадцатый класс, и свободного времени, между прочим, у меня оставалось совсем немного. Но

гнида хорошо подготовился: из зачитанной им характеристики на меня, которую он успел уже получить в школе, вытекало, что я чуть ли не матёрый урка! Каким-то образом там оказалась информация и про игры на деньги, и мои барыжные дела, и даже кое-какие намёки на дела поважнее. Каким-то образом – и явно не случайно! – он узнал про мои отношения с Николаем Наумовичем, вот только непонятно как самая значительная часть этих отношений – курьерская подработка – осталась скрытой под водою, а видной всем верхушкой айсберга стали спекуляции клеем и прочей мелочёвкой.

Так что он решил, что я вполне подхожу, чтобы навесить на меня кучу всякого говна. Чего проще: поставил закорючку там, где указывает его лапка – и получи свою пятёрку!

Однако совсем не того идиота, что он представлял себе, получил он в собеседники. На все – без исключения! – вопросы я давал отрицательный ответ: я совсем не собирался переть у тётки её драный кошелёк, и тем более не имел никакого отношения к её предыдущей пропаже; кражи в троллейбусах: да вы что, я вообще катаюсь на троллейбусах раз в сутки – утром, нагруженный тяжёлой сумкой, и как же я могу в таких условиях лазить по карманам? Что же касается всех остальных обвинений: то они яйца выеденного не стоят!

Однако гнида не собирался отступать: новый листок, подсунутый им, содержал постановление на обыск и арест: в случае необходимости. Кажется, так это называется? И через па-

ру часов – не откладывая дела в долгий ящик – меня уже вытаскивали из ментовской тачки у подъезда собственного дома, а потом – под перекрёстными взглядами соседей и знакомых – сопровождали в квартиру, где побелевшая от испуга мать уже ждала непрошенных гостей. Разумеется, она знала с самого начала, что меня замели, но где ей было догадываться, что злобные твари зверски настроены и не собираются ограничиваться простым задержанием? И тем более где ей было знать про богатый тайник, который в конце концов и подвёл меня, превратив мелкое примитивное преступление в настоящее полноценное дело?

Не, если б не тайник, ничего бы эти гниды не добились. Я ушёл бы в несознанку, и впаяли бы мне месяца три – не больше. Но когда один из ментов дёрнул за плинтус, и оттуда выкатилась увесистая жирная пачка: всё потекло совсем по другой колее. «Это не моё, я понятия об этом не имел!» Что бы я ни говорил, меня просто не слушали: они хотели меня замести, и они замели, тем более что там имелись отпечатки, которые уже на следующий день были сопоставлены с моими, и хоть ни одна из бумажек не оказалась нигде засвечена, этого им хватило.

Ну, один доказанный эпизод плюс куча денег непонятного происхождения: не слишком шикарная база, но ведь всё зависело: как это представят. Про характеристику из школы я упоминал. Школа, кстати, на этом для меня закончилась: я и не сомневался, что им хватит малейшего повода, чтобы

избавиться от нарушителя. Так я и получил: аттестат о девяти классах плюс справку за полтора года, всего-то полгода не хватило, чтобы доучиться.

Суд? А что суд? Меня ведь пытались за обнаруженную пачку копать, пристраивать ко мне разные случаи. И, чтобы не дай бог не всплыли мои курьерские подвиги – а там намного больше светило, это я уж понимал – пришлось мне ещё кое-что на себя взять, чтобы не выиграла у них фантазия и не возникло желания превратить мелкого начинающего гопника в матёрого упёртого вора-рецидивиста!

V

Добрый день. Как я рад вас видеть! Я ещё не надоел вам, вы ведь диссертацию пишете, а не повестуху какую-нибудь. Но такими повестухами, я боюсь, сейчас все прилавки завалены, так что ваши усилия могут оказаться и напрасными. Проще уж оттуда подробности надёргать, тем более что никто не будет приставать к вам с лишними просьбами. Какие у меня ещё пожелания? Я думаю, что своим поведением заслужил какую-то скидку: я ведь не хамлю, не возникаю, честно выполняю пожелания начальства. И на фоне других местных обитателей выгляжу совсем как пай-мальчик. Хотя характер у меня, как вы наверно поняли, совсем не мягкий.

Замечали вы это или нет: но все люди со вздёрнутыми носами имеют не то чтобы вредный характер, на заметно себе на уме? По вредности они явно превосходят всех остальных:

и те, кто не приглядывался ко мне сбоку, часто потом жалели о таком пренебрежении. Давайте я повернусь к вам: видите? Мало видный загиб кверху не создаёт особого впечатления, но на самом деле очень многие обламывались там, где хотели получить лёгкую добычу. То есть пытаюсь нагреть, обмануть и использовать меня.

Тот же следак, что выписал мне путёвку на зону: он явно рассчитывал на гораздо большее, то есть: что удастся свалить на меня десяток нераскрытых дел, но я поддался только по одному случаю. Не считая того, на чём меня уже взяли и отмазываться от чего было глупо и бессмысленно. Ну, якобы ещё у одного типа кошелёк свистнул: только тогда следак немного подобрел и перестал так нагло наседать, как до того. На суде я тоже подтвердил два эпизода – свой и навязанный, так что отделаться условным или штрафом возможности у меня никак не было. По возрасту же попасть в колонию для малолеток не получилось: мне ведь тогда уже восемнадцать стукнуло, и я ведь рассказывал, что поступил в школу на год позже, из-за дохлости и мелкого роста. Так что особой жалости и снисхождения ожидать не стоило: это уже по следуку было ясно, и когда мне выписали полтора года колонии, никто не удивился. Не удивилась мать, вспомнившая вдруг про так и не виденного мной ни разу родителя, не удивилась школа – крыса-директрисса, не любившая меня, наплела на суде ещё какие-то гадости, стараясь ещё больше утопить. Не удивились даже соседи по коммунальной квар-

тире: хоть я и не давал особых оснований к ненависти, но они почему-то сразу решили, что именно я виноват в их бедах и несчастьях. Мне сразу припомнили и едва не случившийся пожар – откуда они могли знать, что его устроил я, никто этого не знал! – и несчастную кошку, и пропавшие однажды деньги молодой семейной пары – да-да, гниды решили, что я украл их – наравне с другими исчезнувшими вещами! Кофточка Петрусь-старшей, стеклянное ожерелье её жирной дочурки, несколько книг Якова Срульевича: всё это в неформальной обстановке – через мать – было предъявлено мне, и матери пришлось так же неформально полюбовно договариваться, отдавая свои деньги. Оборзевшие гниды просто не дали бы ей нормально жить, так что это был, наверно, единственный выход.

Что же касается места отбывания: оно оказалось совсем неподалёку. Тверская область, маленький городок среди болот и сосновых лесов, простая «рабочая» зона: в-общем, ничего выдающегося. Когда я туда ехал, то страшно боялся: я же ведь новенький, и ничего там не знал. С настоящими блатными я до зоны-то и не общался! И даже фени практически не знал, хоть и готовился к воровской жизни: то есть не сидеть, конечно, а зарабатывать тёмными делами. Хотя впервые я ещё в предварительном заключении немного ознакомился, не без этого: но там ведь куча случайных людей затесалась, непонятно как туда попавших, и все сидели друг у друга на головах, так что мне крупно повезло ещё, что я

провёл в камере всего несколько недель.

Ну, в зоне всё оказалось как в пионерском лагере, только для взрослых мужиков. За этими мужиками, правда, глаз да глаз был нужен: сами понимаете, какой контингент там ошивался! Разумеется, до сегодняшних моих соседей далеко им – там же не мокрушники сидели какие-нибудь – но всё равно вначале мне пришлось очень непросто. Пока не прошёл я обряд прописки и получил хоть какой-то статус: об меня все ноги вытирали. То есть можно было и не стараться тогда, не отвечать на каверзные вопросы с подъёбами и подковырками: но тогда бы как я получил известность и признание в будущем: я бы так и остался простым «мужиком», ни на что не претендующим и тихо сопящим себе в две дырки.

Главным там оказался Макар: не вор в законе, но чел всё равно авторитетный. Свояк, по-моему. Я слышал: несколько лет назад грохнули его, не знаю уж кто – менты или конкуренты, но в любом случае жаль. По специальности он вроде домушником был, главное же то, что мужик он был хороший. Смейтесь-смейтесь, что такого смешного я сказал: даже не понимаю. Думаете: если человек – вор, то он обязательно должен быть гнидой? Ничего подобного! Общаясь в той же зоне с разными людьми, и знакомясь уже после с отсидевшими или ни разу даже не поправшимися коллегами по цеху, я могу точно сказать: если исключить убийц, маньяков и некоторых других откровенно преступных типов: уголовники мало отличаются от обычных людей. То есть почти ни-

чем.

Неужели вы в самом деле думаете, что человек, официально получивший срок, должен в чём-то отличаться от остальных?! Вы ведь диссертацию пишете, так что должны бы всё-таки понимать, что официальное наказание – условность, которую применяют к одним людям, сделавшим что-то, и не применяют к другим, хотя эти другие могут быть намного виновнее. Укрывший тысячу сядет, а укравший миллиард: станет богатым человеком. Я не скажу, что уважаемым, нет, если только в своей среде, в компании таких же жуков-навозников, тайно похваляющихся масштабами наворованного. Хотя называться добыча будет не украденным – это же статья! – правильнее всего называть её подаренным высшими силами. За что? За неоспоримые достоинства, проявляемые имяреком в течение всей жизни, за ум, находчивость и прогрессивность. Что смеётесь: именно так это сейчас и преподносится, если же говорить серьёзно, то не вижу я границы между обычными людьми и преступниками. Героин – наркотик? Наркотик! И всех причастных к его продаже сажают? Сажают! Но ведь чай и кофе – тоже наркотики, так почему же они валяются в каждом киоске, а продающие и потребляющие их считаются порядочными людьми?!

Так что просто гигантская куча условностей окружает криминальный мир, делая его очертания такими зыбкими и неопределёнными, что обычный человек, встретив урку на улице, почти никогда не поймёт, кто перед ним. У вас вот

есть, к примеру, машина? Есть? Замечательно. Так вот, выезжаете вы, например, однажды из дома – по делам, не просто так – и отказывают у вас, к примеру, тормоза, причём в людном оживлённом месте, и давите вы парочку беспечных неудачливых обалдуев. А в результате что? В результате вы становитесь уголовником, кормите годика три мошкарку в холодных северных лесах, и, вернувшись домой, обнаруживаете: что всё, что имелось до того, исчезло, и надо начинать жизнь заново. Хорошенький сценарий я вам представил?

Так что не зарекайтесь, любой может оказаться в таком положении, и вы тоже, и уже вас тогда будут опрашивать – а чем урка отличается от обычного человека? Чем-чем: тем, что провёл некоторое время в условиях, мало приспособленных для нормальной жизни, как это случилось со мною тогда. Жизнь, скажу честно, была там собачья, за исключением жизни некоторых, внедрившихся уже в криминальную среду и ставших профессионалами. Но на меня, разумеется, их привилегии не распространились: начинающий только свою карьеру мелкий карманник не мог рассчитывать там на что-то особое. А вначале я вообще был «чёртом»: ну, замызганным таким побирушкой, поди-подай-принеси. Работа в зоне имелаась, часть лагерников валила лес, а другие этот лес уже в зоне обрабатывали, делали из него всё что можно. Сами понимаете: какой из меня лесоруб, я был пристроен в одном из столярных цехов, убирал мусор и занимался прочей ерундой. Не самая пыльная работа, но и не самая хлебная – мягко

говоря – так что разжиреть там было невозможно. Мать же за полтора года лишь два раза слала мне посылки: куда ей с её тощей зарплатой было снабжать меня разносолами! Да и то: большую часть тут же отбирали, сначала менты, а после блатные, так что жизнь у меня была совсем не сахар.

Ну, распорядок дня вы, наверно, знаете: ранний подъём, ранний отбой, ходьба строем, чуть что не так – штрафы и наказания. Я ещё удачно прописался: а устроившие мне опрос гопники долго ещё смеялись над моим прозвищем, которое я выбрал сам себе и с которым сжился и сроднился. Тоже мне нашлись звероводы – «Хорёк» им не понравился! Но потом я показал себя в деле: незаметно вытащенный у одного из сидельцев платок убедил их в высокой воровской квалификации: платок я тут же, разумеется, вернул, а в качестве поощрения мне тут же один из умельцев нарисовал на плече мадонну с младенцем: знак причастности к общему делу и судьбе.

Ну, разумеется я рассказал о своих способностях, проявившихся так рано и независимо от воли и желания. Наследственность ведь никуда не спрячешь и не денешь, что было вложено – то и получится! История про исчезнувшего родителя, от которого до меня дошло только имя – Сергей – вызвала сочувствие, так что больше ко мне никто не приставал, и место в бараке мне досталось пусть и не самое удобное, но и не там, куда сплавляют самых последних отщепенцев и неудачников.

А с Макаром – смотрящим по зоне – я даже наладил отношения. Он был намного старше и как раз мне в отцы годился, так что моя история произвела на него впечатление. Ну, про растворившегося на просторах родителя. Потом он однажды проболтался, что сам был таким же: семьи же, как у правильного вора, у него никогда и не было, во всяком случае он явно хотел стать вором в законе и делал всё нужное для этого. Так что вторая половина срока прошла легко: меня уже никто не трогал, и на работу тоже особо не гоняли, так, если хотел, то шёл сам, и я по-тихому продолжал оттачивать своё уже немаленькое мастерство.

Ну вы ж понимаете: любая ручная профессия требует повторения и тренировки, особенно такая тонкая и деликатная. Вытащить незаметно кошелек из кармана, распотрошить закрытую наглухо сумку, срезать затейливо болтающиеся украшения и унести поспешно ноги, чтобы тебя не вычислили и не поймали: за всем этим стоит большая серьёзная работа. Это ведь не кистенём на большой дороге махать: там просто доказываешь человеку, что ему станет плохо, если не отдаст он ценные предметы, только ведь человек тебя запомнит и настучит, и если числится за тобой большая цепь подобных подвигов – уже описанных и занесённых в ментовские скрижали: то ведь рано или поздно поймут тебя и вломят на полную катушку, заставив надолго позабыть вольную шальную житуху!

Не, от таких умельцев я старался держаться подальше: всё

равно научить они ничему не могут, а свяжешься с ними: потом и не развяжешься. А вот опытный матёрый карманник: совсем другое дело. В моём бараке имелся как раз один такой, и после прописки – когда у меня появилось время – я постарался наладить с ним контакт.

Мужик он был довольно пожилой и хорошо поживший: ему уже стукнуло пятьдесят, отбывал же он всего лишь второй или третий срок, выписанный за мелкое дельце, высосанное почти из пальца. Подделка документов и ещё какая-то шелупонь, просто по-другому его взять не смогли. Вот это был профессионал! Он не слишком-то делился секретами и опытом с посторонними, но однажды, я слышал, смог при шмоне выйти сухим из воды. Ну, играли в бараке в карты, что, сами понимаете, строжайше запрещено, и кто-то стукнул об этом, так вот: хоть карты и не покидали комнаты, но оперы их так и не нашли. Просто тот мужик в начале шмона засунул колоду кому-то из оперов в карман, а потом – в конце – так же незаметно достал, оставив их в дураках. За ним числились и другие подвиги: он удачно совмещал щипачество с шулерскими делами, и работал в поездах, особенно на юге. Обчистить какого-нибудь отпускника, мирно расслабившегося в предвкушении тёплого моря, наколоть любителя азартных игр, не подозревающего о такой близкой опасности, проверить содержимое дорогих сумок и чемоданов: это была его основная работа и профессия, с которой, я не сомневаюсь, он справлялся легко и непринуждённо.

Ну, он был ещё и красив, и бабы на него тоже вешались, совершенно не понимая, что интересны ему не они, а содержимое их сумок и кошельков, с которым они расставались и добровольно, и вынужденно. Хотя, как я понял, ни одна из них на него так и не наступала: вот такой он был дамский любимец!

Что же касается моих с ним отношений: то кое-чему он всё-таки научил. Не хотел он, правда, делиться секретами, но когда однажды меня допустили к игре в карты, то он выдал пару тайн. Я ведь в этих вещах почти не разбирался – ну карты и карты, обычная игра! – но при определённой ловкости рук и без особого практически мошенничества можно их тоже поставить себе на службу.

А надо просто коготками определённые зарубки делать: на рубашке и по краю. Выбрав в начале игры несколько ключевых карт, можно их так обозначить, что ты постоянно будешь видеть их, имея же такое преимущество сделать лоха: дело техники.

Так что играть в карты я с ним больше не садился, тем более что срок уже заканчивался, и нарываться на неприятности не хотелось. Да, до карцера у меня, кстати, за полтора года дело ни разу не дошло – я ведь был послушным зеком. А уж когда подоспело время: вообще стал тише воды, ниже травы. И когда меня провожали на волю: простились по-доброму, несмотря на то, что с блатными у меня тоже отношения были уже налажены.

То есть я сам уже стал своим в этой среде – вы не думайте, такие наколки просто так не рисуют! – и обратиться в случае чего нашёл бы к кому. Хотя такие связи я решил побереечь на крайний случай, а для начала восстановить то, что уже имел. Хотя нет: сначала я сделал совсем другое: надо ж было рассчитаться за те подянки, что мне устроили. То есть с соседями по квартире, явно перебравшими через край, и со школой, точнее со школьной директрисой, топившей меня на суде.

Ну, с директрисой получилось просто: она ездила на машине, на мерседесе, так вот я её «мерину» все шины пропорол и ещё пару зарубок гвоздём поставил. Разумеется, когда вокруг было тихо и спокойно, и никто не смог бы увидеть и опознать меня. То-то она должна была удивиться: но ко мне по данному поводу никто не приставал, так что список врагов и недоброжелателей у неё был, видимо, так велик, что меня даже потенциально не заподозрили.

С соседями же вышло по-другому: я обдумывал самые разнообразные планы мести, но потом подумал: если меня поймают, они мне жизни не дадут, а если я совершу что-то серьёзное, то ведь и снова посадят. С ними я обошёлся профилактическими беседами. Ну, то есть: поймал я, допустим, в коридоре Петрусь-старшую, и вежливо так ей объяснил, что никакого отношения к её пропавшим шмоткам и близко не имел, так же как и к случившимся здесь когда-то происшествиям, которые они полтора года назад списали на ме-

ня. Возможно, со стороны это выглядело странно и комично: мелкий такой карапет, настойчиво объяснявший крупной жирной тётке какие-то вещи, но полтора года отсидки не прошли даром: она уже меня побаивалась, так что в ответ она согласно кивнула и отползла в сторону.

Примерно так же прошли объяснения и с остальными: я просто довёл до них нужную информацию, и они её приняли. В конце концов я им в-основном втолковывал правду, а мелкие детали их не касались. Но уверенность и спокойствие стоили того, чтобы я простил и временно смирился: в конце концов здесь был мой дом, и гадить у себя было никак нельзя.

А потом я занялся работой. То есть, вы понимаете, я освободился без денег и без профессии, с таким жирным пятном в биографии, что надеяться на что-то серьёзное: это надо было хорошо пофантазировать. Кому нужны двадцатилетние урки с неоконченным средним образованием? Так что я сделал самое естественное, что можно было. Как-то вечером я зашёл в тот же самый магазинчик, где трудился Николай Наумович. НН всё так же стоял за прилавком, но меня он в упор не видел, то есть: он сделал вид, что со мной не знаком и видит впервые.

Это был облом! Пришлось подождать, пока он закончит работу: когда магазин наконец закрылся и НН – в качестве заведующего – запирает дверь, я подошёл к нему и попросил объясниться. Однако на что я мог рассчитывать – мел-

кая сошка в его большой игре? Внимательно осмотревшись по сторонам, он просто сказал, что больше не нуждается в моих услугах, и посоветовал больше никогда не приставать. Типа, ты теперь вольный стрелок – сам по себе – вот и проваливай отсюда.

Пришлось мне утереться и уйти. В конце концов, он ничего мне не был должен, и не убивать же в самом деле было его за это? Я тогда давно уже должен был кончить кучу народу, причём многие бы и не поняли – за что? Мысленно, конечно, я именно так и поступал: каждый раз, получая нового врага и недоброжелателя, я представлял, как расправляюсь с ним. Фантазия поставляла мне самые разнообразные методы: помимо стандартных убийств при помощи холодного или огнестрельного оружия я мог прикончить гада ударом молнии, или выкинуть его в открытый космос, или бросить на съедение острозубым пираньям, или утопить в собственном даже дерьме, в огромной выгребной яме, оставив его без всякой помощи и надежды. Паразиту разрешалось напоследок поплавать полчаса в буром жидком месиве, пропитываясь его запахом, перед тем как захлебнуться жирными вонючими массажи, и туда ему и была дорога.

Так что я, можно сказать, давно был готов к тому, что случилось после, только там, конечно же, никакой экзотики не было и в помине. Пришлось мне того гада – Блыдника-старшего – кончать традиционным и самым обычным способом. Пистолет – он и в Африке пистолет – и если он надёжен и

проверен, а обойма полная, и ещё пара обойм имеется в запасе: то постоять за себя сможет каждый. Если, конечно, у противника не окажется автомата или пулемёта!

Я ведь тоже страдал от покушения на мою личность и собственность, что всегда происходит неожиданно, и не успеешь оглянуться – а ты уже без кошелька или каких-то ценных предметов. Незаметно такого быть, конечно, не могло: я же всегда видел то, происходит вокруг, и не допустил бы проникновения в один из маленьких кармашков посторонней лапы. Просто пару раз меня тоже грабили: нагло, пользуясь моим хилым положением – разве мог я противопоставить здоровым жлобам, зажимавшим меня в тихом глухом месте, что-то серьёзное?

Так что для защиты тоже требовалось что-то иметь. В конце концов я подобрал себе хороший складной ножик – из старых запасов, который мог по крайней мере напугать. Хотя главным вопросом оставалась работа: то есть зарабатывание денег, без чего, сами понимаете, было нельзя жить.

Учиться мне как-то не хотелось, да и куда смог бы поступить человек с моим послужным списком? При том что оценки в справке об образовании стояли совсем неплохие: четвёрки и пятёрки с мелкими вкраплениями из троек ясно показывали, что я совсем не дурак и способен на многое. Только ведь кто нуждался в моих способностях: каждый теперь думал исключительно о себе, насрав на всех прочих. Настала свобода! Ну вы же помните начало девяностых: раз-

вал СССР, взлёт цен, и многочисленные прелести, бардаку и хаосу сопутствовавшие. Именно тогда меня угораздило оказаться на свободе без копия в кармане и всяких перспектив: имелись же только голова и ловкие шустрые руки, годившиеся в-основном для специальных частных операций, но ещё надо было сильно поискать тех, кто заплатил бы за них. Несколько недель я болтался тогда без дела: мать уже начала ворчать, поскольку дела и заботы лежали на её плечах, и если бы не регулярные свёртки и пакетики из того самого холодильника в школе: я бы протянул ноги.

Но однажды я возвращался домой в метро и увидел цыганку, просившую подаяние. Какие-то монетки и бумажки регулярно попадали к ней в пакет, а державшийся за юбку цыганёнок – явный сын – жрал огромное пахучее яблоко. Я помню, как это меня взбесило тогда: наглый пяти– или шестилетний карапет, изображая нищего, жрал то, чего я просто не мог себе тогда позволить! И некоторые другие, кстати, тоже. Я помню: как захотел двинуть борзого щенка, взиравшего на всех снизу вверх ясным наглым взглядом, и отобрать уже наполовину обкусанный плод, и именно тогда я понял: чем могу зарабатывать на жизнь, по крайней мере в ближайшее время.

Голос у меня в последнее время потускнел и ослаб, но тогда – в молодости – он был очень даже ничего. Сильный, но с добавлением гнусавости: то, что надо, чтобы просить милостыню. Про внешний вид я даже и не говорю: все мои сто

сорок два сантиметра внушали и внушают людям жалость и сочувствие, так что мне даже не приходится напрягаться. Тогда же мне оставалось только запрятать исходные данные в подходящую упаковку, чтобы предстать в образе нищего и получать соответствующие дивиденды.

Для полноты картины не мешало ещё какую-нибудь задрипанную инвалидную коляску, но это был бы уже, наверно, перебор. А так видок у меня был тот ещё: старые школьные брюки, залатанные в нескольких местах; бежевая дражная куртка, рассчитанная на подростка, придававшая своим говнистым цветом ещё больше убогости; ну и самые раздолбаные штиблеты, раскопанные в шкафу с одеждой. По какому-то недоразумению мать не выкинула их в своё время, и вот теперь они должны были сказать своё слово, дать мне поддержку в том деле, с которого я решил начать наконец плодотворную карьеру.

И вы знаете: дело-то пошло! Разработав себе легенду, я придумал текст, который следовало гнусавить по ходу движения. Смертельно больная мать, сам я – инвалид с детства, а тут ещё и нищенские пенсии, явно не успевавшие за дико взлетающими ценами. Мой дикий лепет – с некоторыми натяжками – был недалёк от правды, да и кто бы проверил мои искренние от голодухи слова: я на самом деле выглядел очень убедительно, и если бы не наплыв конкурентов, то мои дела могли пойти совсем хорошо.

Помню, как первый раз я вышел на промысел: хмурый

осенний день, хмурые физиономии вокруг, толкотня и дав-ка в метро, и я, продирающийся с пакетом сквозь каверзное многоголосие. Я гнусавил не слишком убедительно, но меня всё равно замечали и бросали время от времени в плотный целлофановый пакет монетки и бумажки. Жалкая пришибленная фигурка – то ли подростка, то ли карлика – вызывала жалость, прежде всего у женщин, к которым я и обращал прежде всего жалостный посыл. Помогите же бедному несчастному недоноску, сделайте его чуть счастливее и богаче!

В тот первый заход я насобирал прилично: трёхчасовое блуждание принесло немного больше, чем мать зарабатывала за целый день бултыханий в раковине с грязной посудой. Я даже хотел похвастаться, только неизвестно ещё, что сказала бы мать. Собранные монетки и бумажки требовалось как-то пристроить, придать им нормальный облик, так что всё было совсем не так просто и безоблачно. Через пару дней я нашёл выход: я договорился с одной знакомой, работавшей кассиром, что буду менять у неё мелочь на нормальные купюры, отстёгивая процент. Главное – чтобы было что менять!

Так – тихой сапой – я стал профессиональным попрошайкой. Но если вы думаете, что дело это простое и примитивное – то зря. Вы просто представьте: сколько надо сил, чтобы каждый день по несколько часов ходить по вагонам метро и просить милостыню. И просить так: чтобы давали! Тут

не каждый здоровый выдержит, а если учесть мою реальную дохлость и хилость: это было очень непросто!

Потом: есть такое выражение, что кто рано встаёт, тому, кажется, кто-то что-то подаёт? Не замечал такого: хмурые сонные лица совершенно не располагали к излишней благотворительности, и в ранние часы совсем немного удавалось насобирать. Так же как и вечером – в час пик, когда огромный город приходил в движение. Огромные шумные толпы могли достать кого угодно! Ну, представьте себе кучу консервных банок, набитых шпротами под самую завязку, и мчащихся под землёй со страшной скоростью. Выглядело зрелище примерно так, и судьба мелкого карапета, лавирующего среди шпротин, была совсем незавидной. Так что лучшим временем становилась середина дня, когда далеко не все шпротины спешили по делам и могли оглядеться и внять мольбам одинокого жалкого попрошайки.

Занимался ли я заодно досмотром чужих сумок и карманов? Ну, вначале нет. Вы не забывайте: я ведь только освободился, и получить второй срок сразу после первого: было бы просто глупо и непрактично. В конце концов: мне требовалось освоиться после полуторагодового отсутствия, привыкнуть к ритму жизни. Ну и мало ли какие новации могли появиться в моё отсутствие?

Поведение ментов, замашки бандитов, новые магазины и супермаркеты: это ж всё постоянно менялось, и чтобы не вляпаться, приходилось изучать заново. Ну, в новых элитных

магазинах появились видеокамеры, так что обжуливать теперь следовало не только окучиваемого терпилу, но и местную охрану. Охрана была, конечно, та ещё, но даже с нею требовалось держать ухо востро и не упускать из виду. Помню, как-то раз – в самом начале – попробовал я стянуть шоколадку в одном таком универсаме (не платить же за неё я должен был, в самом деле?!), причём я умудрился даже оторвать этикетку, но на выходе меня уже ждали. Охранник с укоризненным видом просто попросил оставить на прилавке то, что я так неаккуратно запихнул под куртку, что мне и пришлось сделать. Так что универсам по понятным причинам я стал обходить стороной, в других же местах – прежде чем дать волю лапкам – я уже внимательно оглядывался, и при малейшем намёке на слежку просто уходил, ничего не делая.

Хотя сама идея – тянуть вещи из магазинов, дававших такие широченные в данном смысле возможности – выглядела плодотворной. Шоколадка в одном месте, апельсин – в другом, пара жвачек – в третьем. Так можно было неплохо прожить, соблюдая, разумеется, максимальную осторожность и не зарываясь в сомнительных ситуациях. Я сразу понял, что с охранниками в таких магазинах можно договориться: не стали бы они сдавать ментам мелкого воришку за какую-нибудь ерунду, а просто не пустили бы в следующий раз, встретив у входа хитрым злобным оскалом. Так что время от времени – чтобы не тратить на обычные сладости или фрукты – я

совершал вылазки в такие места. Хотя не только туда: вы бывали когда-нибудь на огромных рынках, где продаются еда, одежда и прочая хрень, что свозится со всех концов света? У вас здесь таких больших наверно нету, в Москве же окопались такие барахолки, которые можно облазить только за полдня, если хватит, конечно, сил и желания. Так вот: можно было – даже не воруя – вполне прилично прокормиться там.

Это же просто: на таком рынке – при обилии продавцов – многие вещи дозволяется пробовать, что я и делал постоянно, когда оказывался там. Идёшь так бывало между рядов, со всех сторон призывно заывают, и ты деловито обращаешь благосклонное внимание то на розовощёкие яблоки, то на спелый виноград, то на истекающие соком дыни. Много я бы сейчас отдал, чтобы снова оказаться там, где я липкими от сока пальцами брал очередной кусок и заглатывал его, как и предыдущие, мирно уже сложенные внутри желудка! Тем более что возникали и другие возможности для заработка, и не только обычное для меня и традиционное обшаривание чужих сумок и карманов.

Какие? Ну, однажды познакомился я на одной барахолке с лохотронщиками, бомбившими местных простаков. Им – двум крепким сильным ребятам – как раз требовался помощник, такой как я, которому следовало скидывать добычу. Что они делали? Ну, у них было заготовлено несколько вариантов, напёрстки там всякие и лотереи, самый же интересный из них выглядел примерно так. Тогда ведь уже мно-

гие слышали про лохотрон и опасались, так вот именно на этом они и строили свой сценарий. Ребята спрашивали какого-нибудь прилично выглядящего мужика: не хочет ли тот немного заработать, полтинник или сотню. Доверчивые соглашались: ничего ведь особенного делать не требовалось. Им надо было просто создать ажиотаж, привлечь внимание, чтобы уже на такую наживку клюнул настоящий лох. А сделать это предлагалось с помощью нехитрой карточной игры, то есть даже не игры, а так. Просто одну карту из колоды тянул игрок, а вторую ведущий, знавший, разумеется, что у него там в каком порядке сложено, вытянувший же старшую карту выигрывал. И мужику выдавался на это дело полтинник, который он тут же первым ходом и удваивал.

Организаторы суетились и показывали мужику – вот видишь, сейчас лохи-то и набегут! – отыгрывая тем временем и один полтинник, и второй, и заставляя мужика доставать уже свои деньги, тут же просаживаемые, и когда до него наконец доходило – что лох именно он и есть – то наступала моя очередь. Мужик ещё качал права и рвался в бой, а быстро и незаметно скинутая мне добыча болталась уже далеко от места действия, и шансов вернуть её и наказать лохотронщиков у мужика не было никаких.

Он ведь вступил в игру? – вступил, так что какие претензии могли возникнуть у глупого доверчивого терпилы к организаторам? Смотреть надо – куда вляпываешься, никто ведь не заставлял его тянуть карту, ну а бесплатный сыр бывает

сами знаете где.

Хотя мужик мог оказаться наглым и упорным: тогда приходилось уносить от него ноги. Ну, отбиться от одного терпилы – если он не профессиональный какой-нибудь там боксёр, к примеру: это они могли запросто. А потом разбежаться в разные стороны. Менты? А что менты: мы им регулярно процент отстёгивали, так что у ментов к нам точно никаких вопросов не возникало. В-общем, пяток таких лохов за день обстрижёшь – и париться ни о чём не надо!

Да, так вот: после знакомства с лохотронщиками я уже совсем без охоты занимался попрошайничеством. Это ж несравнимо: полдня мучений и унижений – с одной стороны, и несколько не самых сложных операций, когда я просто прогуливался по рынку и принимал добычу – с другой. Тем более что однажды я нарвался. На конкурента? Если можно так сказать, но там возник не конкурент, всё оказалось намного сложнее. Просто однажды я натолкнулся в поезде на инвалида, который действительно был моим конкурентом и выразил явное недовольство моим появлением, а когда я закончил день и плёлся домой, то меня уже ждали... Другие инвалиды? Если бы: тогда я наверняка смог бы отбиться или просто убежать. От тех же типов, что грубо схватили меня и поволокли в глухое место, сбежать было невозможно. Цыгане, ими оказались цыгане, как я узнал потом, державшие гнусный промысел под полным контролем и не допускавшие к нему посторонних. Я как-то ещё удачно проскакивал ми-

мо них: месяцев семь или восемь я пасся на той территории, которую они считали своей заповедной зоной, пока наконец меня не обнаружили и не взяли в оборот. Бежать? Как я мог убежать от двух сильных жилистых мужиков, один из которых крепко держал меня, позволяя другому мутузить моё тело, лупя кулаками и по лицу, и в грудь, и в живот. У меня до сих пор есть следы: видите шрамчик на левой скуле? Старая память об особо сильном ударе, после него кровь так и брызнула во все стороны, а я закричал диким зверем, и сам, как припёртая в углу крыса или хорёк, бросился в атаку. Только это, возможно, спасло меня тогда, потому что после я слышал разные истории о цыганах. Они могли и убить, и искалечить, и заставить потом изуродованного ими человека – в инвалидной коляске с отрубленными руками или ногами – собирать для них жестокую дань. Вполне возможно, что для меня готовилось тоже нечто подобное, но дикая ярость спасла. Я смог вырваться и выхватить спрятанный в кармане нож, чего они явно не ожидали, и, держа открытое лезвие прямо перед собой и отгоняя мерзавцев, я выбрался туда, где ходили люди и было достаточно безопасно.

Так что больше я туда не совался: сами понимаете, после такого предупреждения только сумасшедший стал бы продолжать нелёгкое неблагодарное занятие. Мать же об инвалидных делах так и не узнала: я рассказал ей однажды, что подхалтуриваю на рынке, и она мне даже поверила, особенно когда я стал носить домой продукты. Уж предметам-то мате-

риальным мать верила всегда, тем более что я не жалел денег и покупал то, чего мать на работе достать никак не могла: приличную колбасу, шоколадные конфеты или предмет её самых горячих желаний: не потерявшую свежести копчёную или солёную сёмгу.

VI

А вот и вы, здравствуйте! С нетерпением ждал вас сегодня. Почему с нетерпением? Во-первых: сказать вам спасибо. Вчера на обед давали курицу: да-да, как давно уже я не пробовал хрустящей шкурки, сочной нежной мякоти и костей: добираясь до костного мозга, я давился и чуть не проглотил пару твёрдых острых кусочков кости, и если бы это случилось, то неизвестно, что стало бы со мною. Курица, наверно – ваша забота? – а то здесь ведь разносолами не балуют, не то что где-нибудь на Западе. Там, как я слышал, в тюрьгах вполне нормальная съедобная кормёжка, и очень даже разнообразная. Я же только вчера почувствовал себя человеком после постной баланды, обычно насыпаемой или наливаемой здесь в миски. Если каша какая-нибудь геркулесовая – то вся в чешуйках, а суп: с гнилой картошкой и морковкой. Претензии же не принимаются: жри что дают, иначе ходи голодный. Да с нами и не считаются: мы же для охраны все смертники, получившие временную отсрочку, так что какие права могут быть у таких людей?

Вторая же причина благодарности: то, что мною наконец

заялся стоматолог. Здесь, конечно, не самое лучшее оборудование и врачи, но совсем без врачей никак нельзя. Я ведь знаю свои слабые места, и сладости – одно из них. А там, где сладости: там и паршивые гнилые зубы, которых можно даже и лишиться, если не знать меры. На этот раз, кажется, мне удалось проскочить: врач залепил три дырки и обещал продолжить экзекуцию попозже, но ничего особо плохого, кажется, не обнаружил. Так что все зубы пока – несмотря на превратности судьбы – на своём законном месте, хоть особой красотой они и не отличаются. Ну, это не только про зубы можно сказать...

А вот к красивым вещам меня всегда тянуло. И не только к вещам! Я ведь, кажется, совсем ничего не говорил об отношениях с женщинами, так что вы могли даже подумать, что я импотент или там, к примеру, голубой. Ничего подобного! Даже сейчас из-за этого у меня возникают сложности, ну а уж в молодости... Я вроде говорил, что *это дело* у меня развито более чем достаточно, не то что остальное. И с этим, сами понимаете, связаны большие сложности: меня ведь всегда тянуло к красивым и высоким, но их совсем не тянуло ко мне. Петрусь-младшая, пристававшая ещё в школе, – не тот случай, она была такой жирной крупной тёлкой, ставшей потом жирной крупной коровой, так что даже мне было не слишком приятно обжиматься с нею. Нет, есть конечно любители и на такие туши: но только не я!

Был ли я влюблён? Был! И не раз! Вот только не в тех, в

кого следовало: кроме одной только девицы всем остальным я не доставал макушкой даже до груди, так что какая уж там любовь... Одна одноклассница, классе в восьмом, соседка по дому, это уже позже, ну и ещё были случаи... Так что со всеми у меня ничего так и не вышло, да и не могло выйти. Вышло же впервые с одной дворовой давалкой, ну, дававшей всем, кто хотел. Звали её Машкой, и она была слегка, а может и не слегка debilкой, ну и по этому делу никому особо не отказывала. И когда я впервые попробовал: мне так понравилось! Я встречался с Машкой пару месяцев, пока всполошившиеся родители не засунули её в психушку: ясно было, что она так долго не протянет, или залетит, или подцепит какую-нибудь дрянью, ну и в конце концов её от всех изолировали.

Романчик же в молодости у меня случился только один, да и то скоропостижно оборвавшийся. Как раз когда я работал с лохотронщиками: именно тогда я познакомился однажды с девушкой, на которой безусловно женился бы. Познакомился на улице, так что она понятия не имела – кто я и чем занимаюсь – и до тех пор, пока она этого не знала, мы и встречались. Но здесь обман не проходит: когда у нас уже почти дошло до дела, именно тогда и пришлось сознаться – что я сидел и продолжаю заниматься сомнительными делишками. Меня послали сразу! Я даже не ожидал такой бурной сильной реакции, и та встреча стала последней, и видел я её только издали, и хорошо было заметно, как она избегает

меня и обходит самой дальней стороной.

Так что я хорошо понимаю, что мне здесь особо не светит, и просто развлекаюсь. Идешь, бывало, по улице вслед за высокой молодой девушкой, а глаза так и облизывают всю её мощную фигуру: сначала утыкаешься взглядом в уверенно ступающие ноги, и так и тянет коснуться ладошкой белых оголённых икр и лодыжек, а лучше плотных ляжек – вот же они, на расстоянии вытянутой руки! – однако ясное понимание того, что потом будет – пощёчина, удар в грудь или пинок ногой ниже пояса – удерживают от такого опрометчивого шага. Потом поднимаешься взглядом выше – мама родная, какое богатство и изобилие бродит рядом, недоступное мне и таким как я! – хотя как бы я сумел обработать обе половинки, так и переваливающиеся и только и ждущие – но, увы, не меня, с немалыми богатствами и активами. И в конце обзора добираешься уже до головы: подпрыгивающая значительно выше уровня моих глаз макушка находится уже точно вне зоны досягаемости, и всё, что я могу добиться здесь: получить косо́й взгляд, насмешливую презрительную улыбку, перебегая неожиданно дорогу и слегка задевая вожденную цыпулетту полой куртки или сумкой.

Пытался ли я с такими знакомиться? Пытался! Но где ж мне взять те недостающие тридцать или сорок сантиметров, что так удачно позволяли целую жизнь находиться в тени, но в этом деле нужно как раз, чтобы тебя все видели: вот ты какой – гусак гусак, пусть с кривым перебитым шнобе-

лем или рахитичными тощими ногами. Они ж смотрят только на внешнюю оболочку, нет, даже на самый верхний слой, и только спустя время интересуются: а что же там скрывается, под привлекательной тёплой шкуркой, и нет ли там каких-нибудь изъянов или дефектов?

Так что здесь у меня давно уже нет надежд или иллюзий. Какая-нибудь debilка или обезьяна волосатая мне абсолютно не интересна, а другая вряд ли согласится иметь со мной дело, во всяком случае на нормальной основе. За деньги-то они с кем угодно пойду, это каждому понятно. Да, именно так – за деньги – я и организовывал себе личную жизнь, раз уж по-другому не получалось. Если можно так сказать. То есть потом, когда стал прилично зарабатывать, так что денег оставалось достаточно и на подобные удовольствия. Кстати: те, с кем я хоть раз по-настоящему встречался, потом сами заигрывали, не глядя уже на бабло и прочие вещи, которыми я иногда снабжал их. Жениться? Нет, больше такого желания у меня никогда всерьёз не возникало, да и на ком? Карманник и проститутка – странное сочетание, ненадёжное и неуверенное, и я совсем не хотел проверять его прочность на своей шкуре, которая была очень дорога мне всегда сама по себе и в плохих руках могла просто испортиться.

Но после того неудавшегося романа я понял чётко: для большинства людей урки – люди второго сорта, иметь дело с которыми совсем не престижно, а для кого-то ещё и унижительно. Нет, в своей среде – среди бывалых закоренелых

урок – подобная мысль отбрасывается и игнорируется, но ведь далеко не всегда я вертелся в этой среде. Боже упаси! Данные от рождения способности совершенно ведь не означали, что я должен стать закоренелым преступником или негодяем – нет! – они значили только то, что я умею делать вещи, *недоступные другим людям, то есть я выше и лучше этих людей!*

Когда я понял такой расклад, то дикое расхождение с тем, как меня воспринимают, просто потрясло. Это я должен был смотреть на всех сверху вниз, невзирая на мелкий рост и некоторое несовершенство конструкции, так почему же они позволяли себе такое хамство, и их никто не ставил на место и не одёргивал?! Они, конечно, не знали о моих достоинствах и достижениях, правда, все они были в сомнительных областях и направлениях. Но чтобы меня уважали: надо было проявить себя в чём-то легальном, или хотя бы получить официальный статус и положение.

Короче, мне надо было иметь какую-то работу, пусть не самую значительную и прибыльную, но позволяющую ходить с высоко поднятой головой, чтобы любой болван, который пристанет ко мне, сразу понимал, с кем имеет дело. Ну и любая девица тоже: для них ведь официальный статус важен не меньше, чем количество зарабатываемых денег. Хотя казалось бы: если твой парень миллионер, то какая разница – откуда он добыл своё богатство? Даже и с кистенём на большой дороге: но когда он грохал очередного клиента – он

ведь думал о тебе, о том, как хорошо тебе будет потом, когда ты сможешь позволить себе что угодно – да хотя бы вот эту норковую шубку, а ездить вы будете в могучем вместительном «мерседесе» или «бумере», и судьбе твоей позавидуют все бывшие подруги, вышедшие замуж за простых обычных инженеров или менеджеров!

Вот до каких пределов доходили мои мысли, вот о чём мечтал я тусклыми днями и ночами, после очередных мелких афёр. Афёры, конечно, приносили деньги, но ведь всё могло кончиться в один момент: ну, если бы мы обули серьёзного и влиятельного мужика, он ведь мог обидеться и стукнуть куда надо так, что потом вся наша ментовская крыша, вместе с нами, разумеется, пошла бы по этапу. У меня ж ведь такое было раньше, и то, что проканалю один раз, могло уже не проканать повторно, ну и тогда сами понимаете: второй срок, рецидивизм, тёплые объятия прежних дружба-нов-сидельцев и сомнительные перспективы на будущее. Так что я стал подыскивать какое-нибудь легальное занятие. Вы не забывайте: я жил по-прежнему с матерью в коммунальной квартире, где каждая гнида шепталась за спиной и не доверяла мне, строя разные предположения о моих занятиях. Я ж уже больше года был на воле, но так нигде официально и не числился, так что основания для подозрений у них имелись. Да что там основания! Петрусь-старшая, отличавшаяся наглостью и бесцеремонностью, однажды меня так и спросила, поймав в коридоре: типа, опять мелочь по карманам ты-

ришь? Что я мог ответить наглой выдре, как я мог разубедить жирную енотиху, что всё совсем не так и я честно и добросовестно тружусь и зарабатываю деньги? У неё самой, кстати, дела шли совсем не блестяще: ни один мужик так и не позарился на её расплывшиеся формы, а любимая дочурка – трудившаяся где-то в торговле – грозила вот-вот принести в подоле, усложнив и так не складывавшуюся жизнь. Эта гадина заложила бы при малейшей возможности, только моя осторожность не позволяла ей выместить свою злобу на том, кто был ей доступен – то есть на мне, так что надо было что-то делать. И, в конце концов, взвесив все возможности, я решил пойти в покемоны.

Что за покемоны? А, я так назвал ходячие куклы, людей, разгуливающих в костюмах каких-нибудь животных или изображающих бутылки или коробки. У вас тут, наверно, в провинции с ними негусто, а в столице уже тогда появилась эта мода. Ну то есть ходячая такая реклама, задевающая всех и каждого, так что не заметить их и пропустить просто невозможно.

Так вот: маленький рост в этом деле должен был стать большим плюсом: они ведь не могли брать на работу подростков или маленьких детей! Подойдя однажды к гулявшему по улице банану – ставшему потом моим приятелем, я узнал адрес фирмы. Здоровый супермаркет, рекламу которого банан раздавал, находился здесь же за углом, но покемоны принадлежали не супермаркету: они брались в аренду

в рекламной компании, работавшей по всему городу. Большая такая фирма по прокату живых кукол обосновалась в центре города и работала на всякие супермаркеты, бутики и прочих торговцев, завлекавших такими методами клиентов. Вечером я уже сидел в офисе и обсуждал условия сотрудничества: мой рост им на самом деле очень понравился, они искали как раз кого-то маленького, возраст их не смущал, и только отсутствие высшего образования вызвало нарекания. Свою же биографию, разумеется, я пересказывать не стал: ещё б я не понимал, какую у них вызовет реакцию упоминание о полуторогодичной отсидке и дополнительных деталях и подробностях! Я что-то навешал им про торговлю на рынке – на неофициальной основе, без всяких документов, и вдохновенный трёп полностью успокоил их и убедил, что со мной можно иметь дело.

Так что на работу я вышел уже на следующий день: выданный костюм банки из-под пива немного жал, но в конце концов я втиснулся в него, и именно с этого пива – кажется, Хайнекен – началась моя новая карьера.

Работа была не самая простая, но хорошо оплачивалась. Предполагалось, что в покемоны должны идти люди с высшим образованием и актёрскими задатками – но где ж таких найдёшь-то? – так что супермаркеты и прочие, заказывавшие куклы, воспринимали нас очень серьёзно. И платили, соответственно, тоже, заставляя по полдня изображать из себя цветастых болванчиков. Это было совсем непросто: в лю-

бую погоду, в жару и холод бродить у дверей торгового заведения и всовывать всем подряд яркие раскрашенные прокламации. «Зайдите к нам, и вы будете очастливлены!» – примерно к этому сводился смысл пёстрой белиберды, которую требовалось всучивать всем проходившим мимо. Я сам терпеть не могу наглого навязывания, когда вас почти хватают за руки и вручают рекламу какого-нибудь магазина, здесь же я оказался в роли приставучей мухи. Мелкой такой мухи, от которой каждый может отделаться одним щелчком пальца, но я – по замыслу организаторов – должен был кружить над каждым из возможных клиентов и оставлять ему свою маленькую каку – рекламный буклет или листовку. Что делал каждый нормальный человек с такой совершенно ненужной ему бумажкой? Правильно, выкидывал в урну, где самое место было этой дряни. Моей же задачей являлось распространение за день – часов шесть или восемь – трёх-четырёх сотен таких бумажонков. Так что вы понимаете: у меня и всех встречных возникал одинаковый интерес: как можно быстрее избавиться от пачек, заботливо сложенных в подсобном помещении. Что же я делал? Да ничего особого: просто я выработывал каждый раз маршрут движения, приближенный к урнам. Ну, подходит какой-нибудь человек, а я ему уже подсовываю пачку рекламки, и намекаяюще киваю на ящик для мусора, готовый принять всю кучу. Ну и время от времени сам подкидываю туда кое-что по мелочам, когда за мной явно не следят и можно расслабиться и существенно облегчить

себе работу.

В остальном же – когда погода стояла тёплая, но не жаркая – ничего особо сложного. Покемонские костюмы были хорошо утеплены, и в жару, конечно, мне приходилось совсем непросто. Я, кстати, сильно потею, и соответственно много пью, так что об этом приходилось заботиться специально. Так же как и о том, где слить накопившиеся излишки: зрелище писающего банана вызывало в общественных сортирах дикий смех и заставляло малолетних наглецов спрашивать – а не сок ли истекает у меня с конца пипки? – так что спокойной такую работу назвать было никак невозможно. На предложение же отведать сок, которое я давал наглцам, мог последовать смех, а можно было получить и пинок под жопу. Мелкий такой шкет, стеснённый напаянным бахлам и абсолютно не способный ни убежать, ни дать отпор: именно так я выглядел тогда.

А с теми лохотронщиками я вскоре распрощался: я просто сказал, что нашёл другую работу, ну и в конце концов я ничем им не был обязан. Да мы и друзьями-то не стали, а просто вместе поработали, а потом разбежались. В рекламной же фирме всё было официально: то есть совершенно официально мне завели трудовую книжку, и совершенно официально платили немаленькую зарплату, так что можно было расслабиться. Даже мать стала гордиться мною: она хвасталась всем, включая родственников, что я стал артистом, низкого, конечно, жанра, но ведь здесь стоит только

начать – а дальше само пойдёт!

Что же касается артистизма, то иногда на самом деле приходилось его использовать. Подойдёт, бывало, какой-нибудь болван, и начнёт выпрашивать про магазин, который я в данный момент рекламирую, как будто я каждый день туда хожу и знаю как свои пять пальцев: и что тогда остаётся делать? Ну, некоторые моменты мне, разумеется, сообщали, но ведь паразиту хочется знать такое, что известно лишь самым углублённым в это дело, каким-нибудь менеджером по продажам или даже владельцам. Ну и приходилось выкручиваться: где-то я вежливо советовал пройти внутрь и узнать всё у продавцов, где-то отшучивался, отфутболивая наглеца, но иногда – если доставали – мог навешать на уши такой лапши, что человек уходил в недоумении. Не моя это была работа, скажу по правде, не моя: общаться целый день с разными случайными типами, в чём-то их просвещать и образовывать, не было здесь ничего для меня интересного и привлекательного. Так что только приличный заработок и статус позволили продержаться мне там так долго: почти два года отработал я глупой куклой, смешным покемоном, напялившим на себя всё, что прикажут. Что приказывали? Да чего только не было: огромная коллекция всяческих фруктов и овощей дополнялась десятками коробок, бутылок и упаковок. Как оказалось, у меня очень удачный рост: многие мелкие куклы делались примерно по моему лекалу, так что я пришёлся как раз ко двору, отработывая роль мелкого по-

кемона. Я хочу сказать, что во многих случаях я трудился не один, мы работали парами – большой покемон и мелкий, помогая и подстраховывая в случае нужды. Ну, к примеру, большая бутылка кока-колы, на два литра, и мелкая, трёхсотграммовый мерзавчик, в моём исполнении пристававший к прохожим и навязывавший им своё внимание. Хотя иногда всё становилось намного интересней: когда мы распространяли не пустые бумажные обещания, а образцы продукции. Вот там уж было где развернуться! Ну, вы видели наверно: когда рекламщики всовывают идущим мимо не красивые листовки, а мелкие – специально даже сделанные! – упаковочки, какую-нибудь жвачку, или бутылочки с напитками, или микроскопические пачки с кофе или чаем: это же было настоящее богатство, которым – при удачном стечении – можно было с выгодой распорядиться.

Подобные раздачи всегда происходили под контролем: хозяева товара – они ведь тоже были не дураки! – но на любую гайку, как известно, всегда найдётся болт с подходящей резьбой. Очень часто я оказывался в связке вместе с тем парнем, Сергеем, через которого вышел на фирму – помните, я рассказывал? – так вот мы с ним неплохо организовались. Как только поступало задание с раздачей живого товара, мы тотчас оповещали родных и близких. Родители, двоюродные братья и сёстры, старые дружбаны: всё шло в ход, позволяя нам – даже под контролем – приватизировать немаленькую часть груза. Все близкие нам с Сергеем люди обходили нас

по очереди, по два-три раза, получая не по мелкому крошечному пакетику, а по целой россыпи, так что когда я возвращался потом домой, мать гордо демонстрировала набитые доверху сумки.

Продавать? Нет, зачем, мы просто не покупали в запас то, что могло стать очередной гуманитарной помощью, широко и без раздумий транжиря потом запасы сахара, или кофе, или каких-нибудь липучих сладких конфет, мешок с которыми, я помню, валялся целый год, привлекая в конце уже только мух и тараканов. Основанная матерью традиция – жить на халяву – оказалась тогда удачно продолжена, и мы немало смогли сэкономить благодаря регулярным постоянным рекламным компаниям, в которых я принимал активное участие.

Возникали ли ещё дополнительные сложности в моей новой профессии? Ну, иногда заказчики борзели и начинали придиричливо следить: а чем там занимаюсь, и не халтуру ли, и заодно прикидывая, не возложить ли ещё какие-то обязанности. Несколько раз из меня хотели даже сделать торговца: нет, вы такое можете себе представить: меня, продающим на улице какое-то барахло?! Так что со скандалами и выяснениями отношений приходилось тогда отбрыкиваться от слишком ретивых торгашей, переходивших все границы. Но иногда – признаюсь честно – я их наказывал, традиционными для себя средствами и методами. Ну, вы понимаете. Заваливаясь в служебное помещение, где хранились в том числе и

товары, я всегда мог аккуратно тиснуть что-нибудь по мелочам: пару яблок или апельсинов, пачку печенья и завалявшиеся позабытые конфеты, которым я давал новую жизнь, тихо хрустя или обсасывая их потом на улице. Какое было их – владельцев магазина – собачье дело, чем я занимаюсь ещё, раздавая их гнусные прокламации?! По крайней мере я обеспечивал себя завтраками, обедами и ужинами за счёт заведения, что выглядело совершенно естественно и оправданно, а то у некоторых жмотов и стакан воды нельзя было допроситься. Как же! В гробу я видал их хамские замашки, противопоставляя им свои традиционные навыки и умения, так что, можно даже сказать, что я как сыр в масле катался. И продолжил бы кататься и дальше, если бы не выплыло моё недавнее прошлое, полуторагодовая отсидка и всё ей предшествовавшее, и виновата здесь оказалась та старая мерзкая гнида, что поймала меня за руку и довела дело до суда и зоны.

Вышло же всё банально: получив очередной заказ, я как обычно – в костюме, кажется, картошки – расхаживал по улице и одаривал прохожих листовками и плодами своего красноречия, когда вдруг увидел её. Старую кошёлку я сразу знал бы из тысячи других: похожая на жабу шестидесятилетняя тупая и наглая баба выскочила из магазина и уже спешила ко мне, явно с недобрыми намерениями, на ходу распаляя себя. Кой чёрт дёрнуло её оказаться в том месте именно тогда, когда я находился на работе, как она смогла

опознать меня так сразу, в массивном здоровом костюме, и самое главное: зачем я поддался на провокацию, и вместо того, чтобы пройти мимо или просто по-тихому послать её подальше, рванул в магазин, под защиту от мерзкой твари?! В-общем, я оказался сам виноват: путаясь в неудобном тесном комбинезоне, я рвался куда-то в подсобку, а гадина, схватив меня за шкурку, как и четыре года назад, орала на всё здание, не щадя ни своей глотки, ни чужих ушей, так что управляющему ничего не оставалось как вмешаться и прекратить безобразную сцену, а заодно и выяснилось, что рекламный агент «картошка», то есть я, прошёл суровую школу жизни и не только что не имеет высшего образования, но даже официально не завершил и среднего. В-общем, разговор получился короткий: вручив мне документы, фирма, на которую я отпахал два с лишним года, без лишних китайских церемоний выкинула меня на улицу, без особых объяснений и выходного пособия, позволив всего лишь уйти по собственному желанию и не оставив никаких надежд и перспектив.

Нет, вы знаете, на самом деле обидно было: я ведь честно трудился, почти не проказничал – так только, по мелочам – и из-за какой-то старой перечницы лишился сразу всего! От меня ведь была польза – несомненно! – но обошлись со мной как со старым драным носком, который просто выкинули в мусорное ведро, когда вдруг узрели его дырявость. То есть дырка где-то там существовала, она скрывалась в глубокой тени и абсолютно никак не проявляла себя, но стоило обна-

ружить её: и они сразу же прозрели! Мне припомнили ничтожные мелочи, до которых раньше почему-то не доходили руки и языки, и, вывалянный в обвинениях и перьях, я так и вылетел пробкой из бутылки и оказался на улице.

Но пускаться в новую авантюру сразу не хотелось, и я решил переждать. Так я оказался на бирже. То есть на бирже труда. К счастью, я смог отложить за два года приличную сумму: на запасы можно было пока жить, получая заодно ещё и пособие по безработице. У меня ведь имелась теперь трудовая книжка с более чем серьёзной записью и статусом, позволявшим получать очень даже приличное пособие. Статус же – то есть должность – выглядел так, что подобрать мне новую работу было чрезвычайно сложно. Ну, пару раз в месяц мне выдавали там несколько вакансий, оказывавшиеся в реальности либо занятыми, либо просто не подходящими, так что, съездив по указанным адресам и получив от ворот поворот, я снова возвращался к традиционным для себя делам и занятиям.

Каким-каким: тырить мелочь по карманам и жрать сладости: если уж меня обидели в одном, то хотя бы в чём-то другом мне полагалась компенсация. Я ведь рассказывал, как с детства обожал сладкое? Ну, в детстве такое со всякими случается, ничего удивительного, но в моём случае эта любовь не прошла. Она, может, даже больше стала: и представьте себе, какое мучение для меня – сидеть здесь и перебиваться жалкой горсточкой сахара, что полагается каждому заклю-

чённому два раза в день?! Вертухаи явно закупают сахар низшего качества, и, может, ещё смешивают его с грязью и мусором. Обменять же его на что-нибудь: в такой зоне хрен получится, я пытался, но с местными вертухаями просто так не договоришься, неподкупные они.

Да, так вот насчёт сладостей: я был таким сладкоежкой, что только наша с матерью нищета уберегла меня от всяких неприятностей. Каких? Ну, однажды я всё-таки дорвался – ещё в школе – и хорошо понял, до чего может довести чрезмерное увлечение, и как легко угробить из-за них здоровье, и так не слишком крепкое. Однажды мне обломилось – не помню уж как и за что – целых пять шоколадных плиток. Я имею в виду те большие твёрдые плитки – грамм по сто – что украшали праздничные витрины и считались хорошим подарком. Так вот: я их съел, все пять, давясь и подгоняя себя, чтобы не дай бог не пришла мать и не отобрала царский подарок. Очень жаль, что она не успела и не вмешалась: потому что на следующий день мне стало дерьмово. То есть в мыслях я всё ещё дожёвывал и переваривал неожиданный подарок, покрываясь одновременно сыпью и даже мелкой коркой – бр-р-р, она выступила откуда-то из-под кожи и за несколько часов покрыла большую часть тела коричневым налётом, и помимо нагоняя от матери – сразу понявшей ситуацию – меня заставили жрать горькие пилюли. От них дико пронесло, так, как никогда не несло раньше и позже в течение всей моей жизни, но благодаря им удалось быстро

вылечиться. Корка отпала, кожа прошла, и я хорошо понял, чем могут закончиться такие увлечения, если пустить их на самотёк.

Так что: обжираясь сладостями, я знал меру. Груша, кусок пирога, пол-апельсина, пара кубиков шоколада, порция мороженого, сливочного или шоколадного: такой ужин я мог себе устроить после ещё одного дня, когда я вроде бы без всяких целей слонялся по улицам и бил баклуши. Но это было не так: груша, апельсин и шоколад с конфетами мне доставались бесплатно, и только с пирогами и мороженым дело обстояло не столь гладко. На них – уж так и быть – приходилось тратить часть полученных тем же способом денег, что становилось не слишком накладно. У меня всегда что-то оставалось, может быть не слишком много, но я стал даже что-то накапливать. У меня появились доллары! Ну да, я ведь помнил, как несколько лет назад цены резко взмыли вверх, а мы стали ещё большими голодранцами, и только тот, у кого накопилось много зелёных бумажек, мог ощущать себя человеком.

Разумеется, денег оставалось совсем мало, но даже это небольшое я пытался выгодно пристроить. Тогда ведь было такое время – время смелых и наглых – кто не боялся рисковать и лез напролом, ни с чем не считаясь. А чем я был хуже? Голова у меня варила – получше, чем у большинства – и только отсутствие стартового капитала – тысяч хотя бы десяти у.е. – мешало влезть во что-нибудь серьёзное. Так что я

баловался мелочами: и первой из них стала МММ, та знаменитая теперь на весь мир афёра, породившая потом столько поклонников и подражателей.

То, что там стопроцентный лохотрон: я знал с самого начала. То есть понимал, я ведь не дурак какой-нибудь, и с математикой у меня всегда было хорошо. Так что, влезая в шулерское мероприятие со своими копейками, я хорошо представлял, что главное – вовремя вылезти, сделать так сказать ноги, чтобы не остаться среди припозднившихся. Купив на половину всей суммы красивых бумажек с печатями, я каждый день с замиранием сердца следил, как ползут котировки вверх – да-да, это строилось как красивое увлекательное зрелище, которое в какой-то момент должно было завершиться резким обломом и обрывом, так что отслеживание сопровождающих процесс слухов стало моим главным делом. Я уже думал в какой-то момент, что можно вбухать и вторую половину запасов: но в тот день я как раз что-то и почувствовал, и наоборот – скинул хорошо поднявшиеся бумаги. Я заработал процентов шестьдесят, не слишком-то много, если учесть, до каких пределов в конце концов доросло кренившееся уже сооружение, но главное заключалось в том, что в момент краха меня уже там не было. Превращённые в зелень деньги – миновав заодно случившийся тогда же денежный крах – благополучно сохранились и помогли мне пережить не самый благоприятный период, начавшийся через полгода: пособие на бирже резко обкорнали, предложив заняться поисками рабо-

ты уже самостоятельно, или же чему-нибудь подучиться. На счёт учёбы, кстати, у меня у самого возникали мысли: если бы не случившийся с той тёткой облом, я бы как раз заканчивал какой-нибудь вуз, что-нибудь инженерное или экономическое, так что я с большим интересом воспринял предложение. Обнаружилось только, к сожалению, что список предлагаемых профессий совсем не так интересен и содержателен, и реально мне мало что может подойти из него.

Водитель машины? – это было не для меня, с мелкими нестандартными габаритами, так же как и строитель: разве мог я работать с полной, жуткой физической нагрузкой? Для электрика не хватало опыта, в сантехники не тянуло по определению, так же как и ещё к десятку низких грубых профессий. Из всего списка мне понравилась только одна позиция, и по сути, и потому, что она давала выход к тому, что было близко. Официант, именно эта работа совмещала возможность набивать брюхо самой вкусной пищей с утра до вечера, с не самыми обременительными обязанностями и шансом стянуть то, что плохо лежит и так и идёт само в руки. Физически работа вполне мне подходила: с ловкими сильными руками не было ничего опасного в таскании подносов, а память вполне годилась для запоминания не самой сложной информации. Так что, осознав всё это и посоветовавшись с матерью, я напросился на курсы по подготовке официантов, ну и лишняя профессия совсем не была лишней.

Но сами курсы, скажу честно, разочаровали меня. Ездить

два раза в неделю на другой конец Москвы в течение двух месяцев, и то лишь для того, чтобы узнать, как сервировать стол и готовить бутерброды?! Как-то это было слишком мелко и примитивно, я рассчитывал на гораздо большее: ну, какие-нибудь занятия для начинающих поваров стали бы гораздо уместнее и полезнее. Но государственная служба не желала, видимо, брать на себя лишнего, и добавив от щедрот пару лекций по истории ресторанного дела – начиная с древних египтян и греков – нас выпихнули в свободное плавание.

Контингент же обучавшихся со мной был тоже не слишком презентабельным: десяток глупых молодых совсем девиц дополнялся парочкой женщин постарше и тремя-четырьмя оболтусами. Так что ясно было: что профессия на самом деле отстойная, и идут в неё те, кто не смог получить нормальную полноценную работу, и так уж рваться туда явно не стоит.

Но я, собственно, и не рвался: вернувшись на биржу, я опять встал на учёт, чтобы получать хоть какое-то пособие. Деньги, конечно, давали совсем небольшие, но зачем было упускать их? Значительно больше я зарабатывал, разумеется, своим любимым промыслом, только ведь не стоило надеяться, что это продлится надолго. И в конце концов стоило попробовать новое дело: я ведь не знал, может, оно мне ещё и понравится, и я тогда со спокойной душой буду потихоньку заниматься и тем, и другим?

Так что когда на бирже выдали новую порцию вакансий,

я не стал брыкаться. Из нескольких предложений я выбрал самое близкое к дому, с не самым суровым вроде бы графиком и приличным заработком, и на следующий же день отправился на разведку.

Меня взяли сразу, особо не раздумывая: вряд ли в заштатную мелкую кафешку приходило много желающих поработать, учитывая местоположение и контингент. Нищий задрипанный райончик вряд ли мог предложить хорошие заработки, так что никто там особо не задерживался. Мне так, собственно, и сказали, дав понять, что на большее – с моим низким ростом и полным отсутствием опыта – не стоит и рассчитывать. Шустрая наглая тётка – с которой у меня позже случился конфликт, приведший к расставанию – приняла меня на работу, выдав костюм и фартук. С большим трудом она подобрала мне нужный размер, да и то хозяйство сильно болталось: но за неимением лучшего мне так и пришлось в первый день ходить и спотыкаться, и думать в первую очередь о том, как не упасть, оставив заботы о клиентах на второе.

А кафешка и в самом деле оказалась паршивой: задрипанный райончик снабжал заведение обычными работягами и голодранцами, обедавшими на сто рублей и почти всегда не оставлявшими вообще никаких чаевых, так что обещания суровой жизни полностью оправдались. Работавшие вместе со мною две девицы – порывавшиеся бросить всё и слинять – именно здесь и видели главное хамство: приличная зарплата, по их словам, никак не компенсировалась отсутстви-

ем обязательного везде приработка, а большие нагрузки становились тяжкой обузой. В первый же день я смог оценить их справедливость: помимо таскания подносов с полными и пустыми тарелками на нашу долю выпадали и другие обязанности: уборка столов, наведение общего порядка в помещении – замызганном порядком уже не ремонтировавшемся хлеву, привести в порядок который было практически невозможно, – ну и всякое другое. Если бы я знал, куда попаду: то точно не спешил бы расставаться с биржей, тем более что проворачивать свои любимые делишки возможностей стало поменьше. Ну ещё бы: почти весь день – часов по двенадцать – я должен был заниматься однообразным физическим трудом, получая лишь оплеухи и подзатыльники, в большинстве случаев незаслуженные! Хозяйка оказалась та ещё гнида: снимая у кого-то помещение под кафе, она пила у подшефных все соки и заставляла пахать с утра до вечера. Официанток она и посудомойками заставляла работать! Так что ничего удивительного не было в том, что через несколько месяцев обе напарницы наконец свалили, устроив хороший такой скандал напоследок, а после них ушёл и я, получив первый суровый опыт в новом деле, которому предстояло стать одним из главных в моей жизни, из-за чего я и угодил в эти края, выбраться откуда в ближайшие годы вряд ли представится возможность.

Гутен таг, гутен таг. Я недавно читал тут, что дали премию мужику, заставившему лягушку парить в воздухе. Тоже мне достижение: если бы вы знали, сколько лягушек в своё время я отправлял в свободный полёт, не обещая им, правда, мягкую посадку. Что-то не слышал я: чтобы кто-то бегал за мной и предлагал дать премию или хотя бы грамоту с благодарностью. А то бы я всю жизнь занимался чем-то таким интересным: ставил бы самые разнообразные опыты над животными и людьми. Нет, правда-правда: я потому и спрашивал вас о высшем образовании, что всегда интересовался самыми разнообразными предметами, то ножами и кинжалами, а то и вполне себе серьёзными вещами. Ну, например, всякими спекуляциями и афёрами, но вполне легальными и разрешёнными, где выигравшие считаются даже героями и победителями, а не преступниками. Хотя знаю я одну компанию – ещё и сейчас, наверно, существующую и продолжающую работать – где собрались вместе бывшие уркаганы, причём с той же целью, что и раньше. Что за фирма? Инвестиционная компания, торгующая на бирже, и зарабатывающая на лохах, только намного больше, чем раньше, когда они окучивали терпил по очереди. Зато теперь – при новом статусе – братья ощущают себе полноценными бизнесменами и коммерсантами, используя, правда, всё те же методики. Оптом – оно ведь всегда жирнее получается!

Но название фирмы я вам указывать не стану: я ведь жить пока хочу, так что здесь вы моей помощи больше не дождё-

тес. Я просто хотел сказать, что отличить теперь бандита от фирмача – дело архисложное, и если матёрые брателлы так хорошо вписались в рамки: то какой спрос может быть с меня, мелкого гопника, по стечению обстоятельств вляпавшегося в мокруху?

Я ведь мог бы стать вполне уважаемым бизнесменом – как брателлы – и заниматься разными интересными делами, что получалось у меня вполне себе прилично уже тогда, почти двадцать лет назад, даже после расставания с МММ. Я ведь влезал и в другие пирамиды, каждый раз держа ухо востро и ко всему прислушиваясь и принимаясь. Кто бы заступился за меня, если бы я вляпался? Никто! Так что, расставшись с ещё одной интересной компанией, летящей в небеса, и, услышав про очередную компанию, я тут же лез туда. Каждый раз ненадолго – вы же понимаете, что крайние всегда становились козлами отпущения – так что главное было рассчитать точно срок. Хопёр, Властилина, ещё пяток не столь известных кормушек: на всех на них я неплохо заработал в тот каверзный период. Причём именно заработал, а не свистнул: это они – наглые лохотронщики – занимались общипыванием всех, кого только можно, считаясь почему-то серьёзными деловыми людьми! А с серьёзных фирмачей как не взять свою долю-то? Вот я и брал, тем более мне ведь тоже приходилось делиться время от времени. На что? Как на что: а общак, помогавший мне, пока я полтора года доски стругал, вы не забываете, это ж дело серьёзное. Я ведь, когда

находился при делах, всегда ощущал на себе внимательный взгляд сверху, и если бы захотел отвертеться: мне бы плохо стало. Ну, однажды, когда я пёр домой, и не пустой, а с хорошей такой добычей, ко мне подошли. Давно уже, оказывается, они следили, но пока я баловался куклами, почему-то не трогали, и лишь потом всполошились. Куклы были не в их компетенции, но когда я снова активно занялся промыслом, то они сразу напомнили, кто тут главный по району и почему о нём нельзя забывать. Ну, типа, передачи получал – а теперь давай плати! А что я там получал-то: жалкие подачки, пару раз обновляли мне гардеробчик, ну и сладости какие-то, когда я совсем уж без них заскучал.

Но как только дела мои пошли на поправку, мне сразу о себе напомнили. Да я и сам, в-общем, понимал, что отвертеться не получится, так что с того момента я каждый месяц аккуратно вносил свою долю: процентов десять заработанного, кажется, ну или около того. Брателлы – обеспечивавшие процесс – регулярно дежурили в определённом месте, в каком-то кафе или скверике неподалёку, так что всё упиралось в моё желание. Особого желания, разумеется, я не испытывал: но вы попробуйте только пройти мимо них! Слышал я историю про одного такого же мелкого гопника как я: наглого сиплого мазурика, решившего, что он крутой и никому ничего больше не должен. Не, может в обычной жизни это было и так, но с нашими-то понятиями обычная жизнь далеко не всегда пересекается, так что для наказания и в на-

зидание прочим с ним провели показательную акцию: в нужный момент стукнули знакомым ментам, и когда он, кажется, чистил очередную квартиру, его взяли за жопу. Заодно ментов просветили, какие ещё подвиги числятся на зарвавшемся гопнике, и вместо того, чтобы продолжать свой успешный промысел, орёл отправился в долгую командировку на зону, где, учитывая масштабы, может, и до сих пор обретается.

Так что с братвой ссориться – себе дороже обойдётся. Что я понял очень хорошо, так же как и то, что для знакомых надо всегда иметь хорошую отмазку. То есть внятно объяснять, где сейчас работаешь, чем занимаешься. И поскольку за плечами у меня имелся теперь опыт кое-какой работы, но продолжать таскать подносы пока не хотелось, я стал сочинять. То есть, занимаясь своими обычными шулерскими проделками, я рассказывал знакомцам, что работаю официантом в хорошем таком ресторане, причём не каждый день – зачем это надо? – и получаю хорошие бабки. Работа причём неофициальная, так что формально я не при делах, что меня совершенно не волнует: да и кому какое дело, как я зарабатываю свой кусок?

На самом деле: если бы промысел давал столько, чтобы и на жизнь хватало, и запас хороший откладывался, то я бы не парился. Ну, может, достал бы себе ещё отдельное жильё – чтобы не егозили всякие приставалы наглые, грозя при случае стукнуть куда надо. А так: насрать мне было на внешние приличия и на то, что другие по этому поводу думают!

Я даже Петрусь-старшей сказал тогда: что не её собачье дело, чем я занимаюсь, следила бы лучше за дочкой своей. И точно: я помню, какой однажды разразился скандал, когда Оксана, Петрусь-младшая, не смогла больше скрыть набухавшее жирное брюхо. Раньше неприятность просто скрывалась за слоем жира, далеко не сразу можно было понять, где там у неё жировые складки, а где – что-то постороннее, но в какой-то момент неприятность выплыла наружу. Так и принесла она в подоле – пару месяцев спустя – жирное кричащее существо, тоже оказавшееся девочкой, папаша которого так и не объявился. Не знаю уж, что объясняла там по поводу происхождения младенца Оксана, но мамаша её была в дикой ярости. Видимо, совсем уж нечего там было им ловить, либо папаша был глубоко женат и не жаждал, разумеется, менять семейное положение, либо был совсем уж полным голодранцем, но неожиданно они вспомнили про меня. Ничего, кроме обжиманий, причём не по моей инициативе, у нас и не было: но ведь каждый хватается за то, что проплывает рядом, не так ли? Вот они и решили, что на худой конец и я сойду для них в качестве мужа и отца, что хоть какое-то официальное прикрытие лучше, чем вообще ничего. Как же! Наглые подкатывания к моей матери, а потом и ко мне продолжались две недели, никак не меньше, но где двум тупым наглым клушам было пробить нашу тотальную оборону: с чем они к нам припёрлись, с тем и убрались, тем более что скоро я решил сменить работёнку и отправиться

на небольшую гастроль.

Просто я познакомился с одним парнем, предложившим сотрудничество. Бухал я как-то, помню, в скверике неподалёку от бывшей школы, ну то есть пил пиво. А на соседней лавке тем же самым занимался парень, года на три моложе, и явно не москвич. Познакомились мы, поговорили, причём я сразу почувствовал: из своих он, из прибранных будет! Так и оказалось: звали его Романом, и отмотал он, несмотря на молодость, даже больше меня: три года! Причём по той же статье, что и я, так что мы ещё долго там сидели и делились воспоминаниями. Ну то есть: хвастались самыми яркими случаями из прошлой жизни, кто кого сумел нагреть и облапошить.

Я, конечно, понимаю, что хвастаться вот так перед первым встречным – неправильно, мало ли – кем он мог оказаться на самом деле, изображая уже опытного прожжённого несмотря на возраст гопника. Просто он мне сразу понравился. Он был такой же высокий и худой, как мой единственный школьный друг – Сергей – и так же у него совершенно не было Коляногого жлобства или наглости, а я, видимо, так же понравился ему. Так что перед прощанием мы обменялись телефончиками, и когда я на следующий день звякнул ему, он оказался на месте.

Он временно жил у дальних родственников, собираясь скоро отправиться на заработки. Начиналось как раз лето, самое время для отдыха, и он уже знал, куда лучше всего

отправиться, чтобы загрести за пару месяцев кучу ценных шмуток.

Лучшие места для нашего бизнеса – сборища людей, незнакомых друг с другом, и не знающих, кто с тобой рядом. Думаешь, что твой единомышленник, футбольный какой-нибудь фанат или поклонник рока: а на самом деле совсем другой у него интерес, не к предстоящему матчу или концерту, а к твоему карману с тугим плотным кошельком. Хотя против матча я тоже не возражал, так же как и против музыки: интересы проявлялись потом, просто главное было – обтяпать свои делишки. Стибришь пару кошельков – и можно расслабиться, предварительно выпотрошив их подчистую и переложив деньги в свои карманы, выполнив так сказать план по отжатию бабла у лохов.

В-общем, договорился я с Романом, что едем мы в небольшую поездку на пару недель, причём места он уже хорошо знал и обещал всему научить и показать. Роман – он ведь был совсем нежадный, такой же голодранец как и я, только из маленького городка, где-то под Тулой или Калугой, не помню точно. Ну и так же как и я жил с матерью, регулярно отправляясь на заработки, то в Москву, то в другие места, куда мы через несколько дней и поехали.

Он дал хорошую идею: я ведь привык, что всё само, можно сказать, приходит ко мне в руки, и надо только подойти и взять. Но для него ведь всё было не так: чего бы он достиг в своём голодранском городке своей голодранской области,

если бы действовал по той же методике?! И ему пришлось хорошо так поколесить, осваивая новые пространства. Так что в первой поездке я узнал много для себя нового и интересного: как прокатиться зайцем в поезде; где лучше хранить заработанное; и что делать, если тебя поймали и готовы вот-вот побить, не гнушаясь никакими средствами, включая ноги с грубыми тяжёлыми кирзовыми сапогами.

Нет, я понимаю, что в моей работе есть такой неизбежный нерадостный момент, к которому всегда надо быть готовым, только вот одно дело, когда тебя хватает тётка и зовёт милицию, и совсем другое – куча злобных мужиков. Тупых и наглых одновременно, у одного из которых ты только что вытащил кошелёк или барсетку, наполненную деньгами – всё его достояние – потому что он, тупица такая, привык именно так хранить свои деньги и убьёт каждого, кто на них захочет покушаться.

Так вот: один раз Роман уже оказывался в такой ситуации и не хотел бы оказаться ещё. Продемонстрированные выбитые зубы – два сверху и один внизу – ясно показывали, как легко я отделялся до сих пор. Но кроме порушенной челюсти тот случай имел и другие последствия: три года он получил именно после той истории, так что с тех пор Роман старался не связываться с большими компаниями, тем более состоящими из каких-нибудь фанатов или рокеров, разгорячённых обычно ещё и спиртным. «Они ведь, когда нажмутся, просто в скотов превращаются!» Окучивать, как он ска-

зал, лучше неосторожных одиночек или влюблённые парочки, скидывая напарнику добычу в случае серьёзного улова. Так что приглашая в поездку, он рассчитывал на меня именно в таком качестве. Ну и вдвоём было просто надёжнее.

Для начала мы отправились на рок-фестиваль. Вы наверно слышали, проводят у нас иногда такие мероприятия, когда собирается в одном месте пара десятков групп, и потом несколько дней подряд устраивает концерты. Вы знаете, я их потом даже полюбил: огромные скопления тысяч, десятков тысяч человек, собирающихся на каком-нибудь поле, огороженном со всех сторон. Лохматые создания одно за другим выскакивают на сцену – построенную в одном углу, а все уже визжат и режут, выражают бурные эмоции, под прикрытием которых я и приступаю к работе.

Вытащить кошелек из заднего кармана, вскрыть обычно надёжно охраняемую сумку: не было ничего проще в таких условиях, так что я только и бороздил бурный океан, время от времени приставая к берегу, чтобы в укромном уголке разобраться с уловом и спрятать его в надёжном месте. Мы снимали с Романом, как правило двухместную палатку, под которой обычно и устраивали тайник. Деньги, золотые и серебряные побрякушки, особо ценные предметы, какие-нибудь элитные часы, зажигалки или дорогие мобильники, легко реализуемые за приличные деньги: всё это мы набивали в целлофановые пакеты, зарывая под землёй. Ямки же мы копали изнутри палатки, так что заметить нашу бурную де-

ательность было совсем непросто: ну только если бы кто-то влез к нам в самый ответственный момент, чего мы, разумеется, не допускали, наглухо закрываясь изнутри.

Первый же заезд получился сверхудачным: за пять дней мы набили полностью предварительно захваченные с собою рюкзаки, благоразумно отчалив в предпоследний день фестиваля. Слух об умелых и расторопных карманниках успел расползтись по широким массам, так что пару раз мы чуть не вляпались. Обдолбанные паразиты начали подозревать нас! Я говорю о соседях из ближних палаток, каких-то жирных мужиках и их не менее жирных спутницах откуда-то с юга, тоже, по всей видимости, от кого-то пострадавших. Но это были не мы: мы бы не стали потрошить тех, кто селился рядом, элементарная осторожность заставляла соблюдать негласные правила, и она же заставила нас отчалить за день до конца сборища, под вечер, неожиданно для всех, когда большинство торчало от каких-то очередных роковых знаменитостей.

Ну, торчали они не только от знаменитостей: характерный запах, вперемешку с запахом говна, пота и мочи витал над забитым народом полем, делая болванов ещё глупее и беззащитнее. Остекленелый взгляд, блаженная улыбка, разболтанные бессмысленные телодвижения: вот уж насмотрелся я там такого, что даже жалко иногда становилось обдолбанных идиотов, не понимающих, что они сами губят свои жизни. Не мне, может, говорить такие вещи, но я-то вляпался сю-

да случайно, из-за неудачного стечения обстоятельств, которые могли двинуться совсем в другую сторону. Эти же бараны... ну они точно были самые настоящие бараны, хочешь – режь их, хочешь – потроши! В-общем, на том фестивале мы нагрузились так, что появились большие сомнения – стоит ли продолжать? Попадаться с такой добычей было и глупо, и опасно, так что мы временно расстались. То есть я поехал к себе, в Москву, а он – тоже к себе, договорившись созвониться попозже. Ну и после двухдневного отдыха отправились на другой фестиваль: проходивший в маленьком городке на Волге, куда тоже так рвались и стремились с самых дальних концов страны.

Там всё происходило немного по-другому: но вы же наверняка слышали про известный бардовский конкурс, собирающийся уже многие годы и десятилетия. Совсем не так интересно закончилось для нас это новое мероприятие: терпил оказалось намного меньше, и совсем не такими богатыми были приехавшие на берега Волги туристы, ну и музыка была так себе, так что, перекантававшись пару дней, мы отправились уже на какой-то спортивный турнир, на что-то автомобильно-мотоциклетное, что происходило уже неподалёку от столицы.

И вот тут, совершенно неожиданно для меня, случилось то, что могло перевернуть жизнь, и, собственно, почти её перевернуло, вот только не хватило у меня сил и способностей удержать в руках неожиданно свалившееся на голову.

Начали мы с Романом, как и прежде, неспешно и с расстановкой: нашли пристанище, договорились – как лохов потрошить будем, и уже было начали. И сразу вляпались. То есть я вляпался, когда укладывал приличный такой лопатник – только что вытщенный – во внутренний карман куртки.

Когда меня дёрнули за шкиряк, я подумал, что всё: бить будут. Но сильный рослый мужик, державший одной рукой за воротник, в другой руке сжимал мобилу и кому-то что-то рассказывал, явно связанное со мною. Затем он поволок меня: он мог бы просто приподнять моё тельце и понести, но действовал он достаточно вежливо и аккуратно, так что я не стал сопротивляться. Мы ввалились в помещение: в тёмную закрытую от света комнату, где мужик меня поставил и приказал ждать. И затем появился тот, кто чуть было не вывел меня в люди. То есть дал шанс это сделать.

Вспоминая теперь иногда свою биографию – а что мне ещё тут делать? – я могу назвать несколько человек, оказавших на неё огромное влияние. Ну Блыдник – понятно, эта сволочь мне всю жизнь поломала, но после него – на втором наверно месте – был тот человек, с которым я впервые встретился именно тогда. Обстоятельства – сами понимаете, хуже некуда, меня ловят практически за руку, чей-то кошелёк, только что спёртый, жжёт ляжку, а в комнату не спеша входит мужик – совсем нестарый ещё, лет пятидесяти – и пристально меня рассматривает.

Если бы он был мент: я бы сразу это понял, но явно не из

мусоров происходил он, так же как и его могучий напарник, стороживший меня. «А ты кармашки-то выверни!» Приказ прозвучал то ли мне, то ли громиле, но я и сам не стал выкобениваться и выложил на стол кошелёк. Мужик исследовал содержимое и заржал, увидев пару тысяч. «И ради такой-то мелочи ты свободой рискуешь?» Отвечать как-то не хотелось, но меня не били и даже не третировали, так что я ответил. «Да это так, на пробу». – «А основные дела мы потом, значит, делаем, когда всё выясним?» Разумеется, не собирался я откровенничать с ним; но что-то ему требовалось. «А вы, собственно, кто? И что вам надо?» Он даже обрадовался. «Ну вот, вижу сразу серьёзного делового человека. А ты, парень, давно бизнесом занимаешься?» Что я мог ответить на такой наглый прямой вопрос, на такую провокацию, неизвестно к каким последствиям приведущую? Я набычился и зло посмотрел на него. «Ладно-ладно, не отвечай, и так вижу, что давно. И на зоне тоже, небось, пришлось потрубить?» – «Не ваше дело». – «Как это не моё? Я ведь с этим кошелёчком, если отдам его кому надо, могу тебя и снова туда отправить. Так что не хами мне тут». – «И чего вы хотите?» – «А это другой разговор!» В-общем выяснилось, что ему – серьёзному деловому человеку и владельцу нескольких фирм – требуется человек для особых поручений. Ну, когда без ловкости рук никак не обойтись, так же как и без цепкого хорошего ума и сообразительности. И если я докажу, что обладаю и тем, и другим, он – Владимир Семёнович – готов

предложить мне сотрудничество на постоянной основе, со включением в штат и выплатой официальной зарплаты.

Нет, вы знаете, такие шансы мало кому даются, это я заявляю серьёзно и почти официально. Кто такой обычный щипач и карманник? Частное лицо, мелкий можно сказать предприниматель, не имеющий никаких гарантий и страховок. Любой мент, да что там мент, любой бычара такого обидит, и ничего за это бычаре не будет, а уж как могут обидеть на зоне, в случае провала и непредвиденной посадки... Так что предложение на самом деле выглядело многообещающе, особенно если зарплата полагалась достойная. В-общем, я согласился, оставалось только пройти испытание. Которое он мне тут же назначил.

Ничего особенно сложного там не оказалось: я должен был спереть пару кошельков, а потом заменить их. То есть подсунуть первому клиенту кошелёк второго, а второму – кошелёк первого, чтобы, разумеется, никто ничего не заметил. Идея, конечно, была нестандартная, но вполне выполнимая. Кандидатов я выбрал сам: здесь, в конце концов, находилась моя вотчина, и только я мог решить, с кем такой фокус можно повернуть, а с кем – нереально или слишком уж рискованно. Под присмотром громилы – которого звали, как оказалось, Степаном – я и совершил операцию. Он, кажется, снимал увлекательный процесс скрытой камерой и предъявил потом результаты Владимиру Семёновичу, и поскольку оба клиента – лошары какие-то – ничего не замети-

ли, то испытание я прошёл, и через пару часов уже подписывал официальный договор, с подписями и печатями.

Какую я получил должность? Ну, что-то вроде специалиста отдела снабжения какого-то ООО. А что: разве не так? Как раз снабжением я и должен был заниматься – всем, что понадобится фирме – и разве отличалась предполагаемая работа от того, что делали другие? Так, чисто формально, просто я доставал нужные предметы полностью нелегально, в то время как обычные снабженцы проделывали это нелегально частично. Я хочу сказать, что воровства у обычных снабженцев тоже более чем достаточно, так что не надо проводить между мною и ими больших различий: нету их.

Но если чего – предупредили – они впрягаться за меня не станут. «Ты как разведчик будешь, помочь – поможем, но спасать не будем. Да и кто тебе поверит». Достаточно ясно они обрисовали ситуацию, объяснив также, как мы будем держать связь и как я буду получать задания. Работку в фирме обещали не самую насыщенную, но местами интересную и сложную. И от других дел – личных – отказываться тоже не советовали, для поддержания формы и навыков так сказать. Пока же я им был не нужен, так что я нашёл Романа – уже собиравшегося от нехороших предчувствий делать ноги – и наплёл ему что-то о встрече со старым корешем, сильно отвлекшей меня и заставившей расслабиться.

Про Владимира Семёновича и договорчик, разумеется, я рассказывать не стал: в конце концов это было моё личное

дело. Ещё неизвестно, как Роман мог отреагировать: он бы сам наверняка ухватился за такое предложение, так что... И рвать с ним тоже не хотелось: когда ещё я мог найти хорошего напарника? В-общем, поболтавшись там ещё пару дней и неплохо заработав, мы разъехались по домам, договорившись созвониться попозже.

Первое задание я получил недели через две: надо было почистить одну дамочку. Зачем? Да бог его знает: я такими вопросами не задавался – меньше знаешь, лучше спишь! В-общем, требовалось увести у дамочки некий пакет, который она таскала в маленькой сумочке, и на задание мне отводилось два дня. Получив адрес и фотки, я сразу сел на хвост: она жила в престижном кирпичном доме на бульварном кольце и шлялась по ближним магазинам, так что в конце концов я подстерёг момент, и в приличной такой давке вскрыл сумочку. Инструкции были строгие, но я тиснул заодно и кошелёк – не пропускать же редкостный шанс? – так что помимо выполненного задания мне обломилась ещё и премия: пара штук зелени.

В конце концов такая мамзелька могла пережить потерю: я видел, какая шикарная тачка с жирным поцем возит её по городу. Он явно был небедный и как-нибудь восстановил бы положение. А Владимир Семёнович забрал пакет, выдав заодно первую зарплату: как и договаривались.

Так что вместо официанта – рутинной тяжёлой работы – я получил новый статус. Я стал снабженцем! Притухшая у

матери гордость за меня воспылала с новой силой: не каждому человеку с высшим образованием доверялось такое ответственное серьёзное занятие! Я, правда, не слишком распространялся о деталях и подробностях работы, а говорил просто: что фирме требуется – то я и достаю. В конце концов я не обязан был никому и ни за что отчитываться, и в глазах родственников и знакомых стал выглядеть человеком, пошедшим на повышение.

Ну ещё бы: одно дело – кукла на улице, безработный болванчик, исполняющий указания начальства, или тем более официант – принеси-подай; совсем же другое – менеджер в фирме, тоже, конечно, лицо подневольное, но выполняющее уже серьёзные задания, работающее не только руками, но и головой. Когда Петрусь услышала об этом – она аж взвыла от тоски и начала подлизываться. Она даже дочку свою хотела через меня пристроить – разжиревшую тупую дуру, которая обнаглела до такой степени, что тоже стала ко мне цепляться. Мы их с матерью, можно сказать, послали на три буквы, что не мешало им время от времени приставать и чего-то требовать и домогаться, какого-то хотя бы внимания к их бездарным делам и постоянным проблемам, множившимся во времени. После родов Петрусь-младшая несколько месяцев не работала, заполняя собою и своим постоянно ревушим чадом всю коммунальную квартиру целиком. Мы с матерью и наши соседи – особенно Сергей с женой – не знали уже что делать, чтобы избавиться от двух жир-

ных наглых баб с новым довеском, обещавшим продолжить традицию. Назвали её в конце концов Мариной, как бы отодвинувшись от родных украинских корней, хорошо видных в Петрусь-старшей и уже значительно меньше в Оксане – Петрусь-младшей, и ещё меньше проявлявшихся в наследнице династии. Наверняка папаша был каким-нибудь обычным московским гопником со среднестатистическим происхождением, то есть смесью русских, украинцев, евреев и татар, так что идущая по женской линии украинская основа изживала себя, превращаясь в усреднённый стандарт. Ну, возможно, это было и хорошо, по крайней мере наглости и нахрапистости Петрусь-старшей у мелкой уже виднелось не так много.

Что вы говорите: не намекаю ли я на какие-то отношения, которые могли с нею возникнуть? Нет, это было бы слишком, просто подвижная и шустрая – совсем не в мать – девчонка на самом деле хорошо относилась ко мне. То есть она совсем не хотела обязательно что-то слупить или выклянчить, как её родственницы и предшественницы, нет, но встречая в коридоре – попозже, когда она подросла и могла уже сама шляться по квартире, она всегда радостно меня приветствовала. Я даже стал брать для неё конфеты, чего не делал ни для кого и никогда, но мелкий пустяк оборачивался для неё такой радостью, что мне тоже становилось приятно.

Вы не думайте: я ведь не монстр какой-нибудь, и висающие на мне трупы – в количестве пяти штук – за исключе-

нием Блыдника всего лишь стечение обстоятельств, неудача судьбы – и их судьбы, и моей, мне бы ведь явно не столько впаяли, если бы я ограничился одним Блыдником. У меня имелись, безусловно, сильно смягчающие обстоятельства, его постоянные издевательства надо мной и другими подчинёнными, чем он явно злоупотреблял. Нет, я понимаю: иногда своих сотрудников надо призывать к порядку, так сказать строить, приводить в чувство тех, кто явно зарвался и не понимает уже – на каком свете живёт и перед кем должен ответ держать. А также кому обязан, можно сказать, своим спокойствием и благополучием. Но эта сволочь перешла все границы, так что я ничуть не жалею – даже сейчас – что замочил гада. Владимир Семёнович: вот человек, с которого стоило бы брать пример современным деловым людям, вот кто с одной стороны умел вести дела, а с другой – уделял внимание тем, кто на него работал, и заботился о них! Вспоминая сейчас жизнь, точно могу сказать: именно это были мои лучшие годы, именно тогда моя карьера достигла пика, а уверенность заполнила до краёв. Совсем недолго, к сожалению, продолжалось наше сотрудничество, то есть моя работа в фирме, закончившись так же неожиданно, как всё и начиналось. Что я делал конкретно, какие заказы выполнял? Ну, самые разнообразные: от вытаскивания каких-нибудь цапок и побрякушек из сумок и карманов до наоборот – их вкладывания в определённые места, от стояния на шухере до активного участия в разных операциях, когда работать прихо-

дилось как руками, так и головой. И ещё одно, самое увлекательное и интересное: подарив мне однажды фотоаппарат – современный цифровой, каким пользуются сейчас все, а раньше имели только самые богатые и продвинутые, из меня сделали самого настоящего шпиона!

Я ж люблю всё изучать и разведывать – помните, я говорил? – так что дорогая ещё тогда игрушка стала для меня просто бесценной. Быстро освоив процесс съёмки, я часто выполнял заказы по отслеживанию нужных клиентов, подбираясь к ним намного ближе, чем это сделал бы обычный человек. Кто мог заподозрить мелкого шкета, почти ребёнка в том, что он по крупицам собирает такую нужную и ценную информацию, снимает тайные свидания незаконных любовников или встречи разных жуликов и проходимцев, которым есть что скрывать? От меня они не могли скрыться! Если имелся хоть какой-то шанс заснять подобную стрелку, меня снаряжали и отправляли в логово врага, уютное гнёздышко порока или случайное проходное место, где самонадеянные типы надеялись скрыться и затеряться. Не тут-то было! В каком-нибудь кафе или ресторане шпионская работка протекала проще простого: пристроиться сначала в одном месте, сделав несколько фоток на память, потом в другом, запечатлев для истории гнусные похабные физиономии и не менее гнусные дела и поступки, которые рано или поздно выйдут боком их участникам, не игнорируя одновременно угощения в виде разных напитков и сладких булок, списываемых по-

том на счёт фирмы.

Сложнее приходилось тогда, когда клиенты не считались с деньгами и устраивали встречу в закрытом недоступном для прочих простых смертных месте. Номер люкс в каком-нибудь пятизвёздочном отеле, загородная вилла в окружении борзых охранников и пятиметрового железного забора, или ещё хлеще: личная персональная яхта, бултыхающаяся в каком-нибудь водохранилище или подходящем по размерам водоёме. Ну тут уж я конечно никак не мог поспеть за отгородившимися от любопытных негодьями, и только долгое дежурство у подъезда отеля, рядом с входом на дачу или на пристани для яхт – куда ещё тоже требовалось как-то попасть – могло дать хоть какой-то результат.

Но в-общем мне очень нравилась такая работа: я ведь трудился одновременно руками и головой, проявляя присущую мне ловкость и в то же время не нарушая явно законы. Ну, почти не нарушая: всякая там частная жизнь, личные дела, переходившие в дела общественные и откровенный криминал, всё это становилось предметом моего изучения и фиксирования, приводя иногда к достаточно серьёзным последствиям. Помните некую историю, когда часть интимной жизни одной известной певички и актрисульки современности стала достоянием гласности, лет десять назад? Так вот: это была моя работа, стоившая немало сил и нервов, но давшая столько поводов для сплетен! Сменявшие друг друга отборные холёные самцы разбавлялись тогда в её жизни не менее

холёными самками, и длинную круговерть персонажей удалось запечатлеть мне за несколько месяцев, что я отирался возле элитной дачки. Я помню, сколько откликов собрали выложенные позже в интернете фотки, и как долго искали их автора, но до меня так и не сумели добраться, от Владимира же Семёновича я получил тогда огромную премию. А вот для чего использовал их он? Ну как же: лёгкий шантаж, надавливание на нужного человека, получение каких-то вещей – не всегда материальных! – которые можно потом обменять на приличную сумму у заинтересованного человека. Ну и так далее. Подобные дела у Владимира Семёновича ставились на поток, решаясь потом им лично в процессе переговоров, я же поставлял для него материалы, то сырьё, из которого он делал многочисленные полуфабрикаты, превращавшиеся уже другими людьми в полноценный продукт. Парочка яйцеголовых – одновременно программистов, дизайнеров, пиарщиков и так далее – доводила до ума возникавшую уйму проектов, выставлявшихся позже на продажу. Если вляпавшийся соглашался расстаться с некоторой суммой денег – то история не выходила за рамки фирмы, полностью утилизируясь и растворяясь, но если договорённость не достигалась: то его судьба была печальна.

Был ли я единственным поставщиком информации? Разумеется, нет: человек пять или шесть упорных искателей – так же как и я – обрыскивали окружающее пространство в поисках дичи. Но дичь ведь тоже требовалось ещё найти! Те

же самые яйцеголовые в компании с Владимиром Семёновичем и другими людьми давали нам наводки и ставили цели. Если б вы знали, кого я снимал ещё, фиксируя тайные пороки и преступления – да-да! – даже до такого доходило дело у наших ничего не подозревавших клиентов, превращаясь в настоящий форменный компромат! Помню, застукал я одного политика – так, депутата госдумовского – за принятием дозы кокаина. Мало ли, конечно, кто чем увлекается, просто обнаруженный пакетик явно превосходил обычную норму для одного человека и тянул на пару лет, что вылилось для него в конце концов в приличную сумму отступных, из чего мне нарисовалась хорошая премия. Или некая бизнесменша, считавшаяся существом почти беспорочным: как же, помню я, какие она выкатила шары, когда обнаружила у себя на рабочем столе очень такие интересные фотки. Ну где она трахалась с любимой собачкой, кажется, догом, не зная куда и бежать от яркой извращенки. Она использовала для своих целей, как оказалось, и других кобельков – человеческой породы – но зоофильские сценки оказались, конечно же, гвоздём программы, в рамках которой мы раздели её на пару лимонов.

Или помню ещё бизнесмена: открывшегося нам форменным садистом. Мало того что родная жена почти не показывалась на людях, скрывая следы постоянных издевательств и побоев, но даже и любовницы – не выдерживавшие слишком долго и постоянно бросавшие его, и даже личные охран-

ники – серьёзные крепкие мужчины! – становились жертвами постоянных безобразных выходов. Это ж надо умудриться: сломать челюсть охраннику из-за какой-то незначительной мелкой вещи, и если бы садист был обычным гопником – без состояния – то давно бы накручивал срок где-нибудь в Магадане. Но его компания – не какая-нибудь мелкая шелупонь, а крупная производившая что-то фирма – захотела выйти на мировую арену, вылезти так сказать из грязи в князи – на чём мы его и подловили. Кто бы его после таких фоток и откровений в приличное место пустил! Так что мы ещё долго с него бабки качали, пока он сам, можно сказать, не исправился.

Так что – я хочу сказать – мы не только на себя работали. На общество тоже, борясь с самыми жуткими отклонениями от нормы, ведь кто бы ещё смог призвать их к ответу! Бизнесмен тот, кажется, потом почти исправился, во всяком случае больше никто не появлялся там с перебитым носом или явными следами мордобития. Да и извращенка больше не баловалась с кобельком: по-моему, она нашла-таки себе шикарного хахала, так что больше ничего особого предъявить её было нельзя. Но на нашу долю и других извращенцев хватало!

Так что я хочу сказать: мы были волками, санитарями леса, пожирающими всякую падаль и вычищающими его. Я собой по-настоящему гордился! Если бы знал кто из старых дружков – чем я занимаюсь, они бы от зависти сдохли. Но,

сами понимаете, тогда приходилось держать язык за зубами, если б не дай бог обо мне кто-то прослышал – из прошлых или будущих героев скандалов – меня бы сразу урыли. Я даже матери ничего особого не рассказывал: так, говорил некие общие слова о клиентах, с которыми якобы заключал договора. Но мать особо и не приставала: она видела, что дела у меня идут в гору, что я регулярно мотаюсь в командировки, после чего получаю хорошие такие премии. И что никаких угроз для меня там не возникает.

А как я расстался с Владимиром Семёновичем? Да можно сказать – по глупости. Или скорее – по стечению обстоятельств. Просто однажды мне поручили задание, которое я не смог выполнить: мелкий провинциальный политик местного масштаба, как оказалось, окружил себя такой стеной защиты, что когда я попытался пролезть и уже приготовился снимать – а снимать было что, вы уж поверьте! – то меня взяли за жопу, причём так серьёзно и основательно, что никакой Владимир Семёнович – даже если бы и захотел – не сумел бы помочь и вытащить оттуда, где я оказался.

VIII

Здравствуйте-здравствуйте: как я рад вас видеть! Мало у кого здесь бывают посетители, тем более такие: не гопники какие-нибудь и не менты, желающие что-то вытянуть у того, кто полностью в их власти и ничего не может им противопоставить. А люди думающие и – можно сказать даже –

творческие, способные выслушать тебя и понять и даже посочувствовать. Как там ваша диссертация продвигается: или вы только ещё материалы собираете? Тут, наверно, можно много что нарыть, для всяких исследований тут хорошее местечко. Кстати, слышал я недавно, что засняли в одной церкви, как сквозь икону медленно проступают капли: за десять лет их насчитали, кажется, штук шесть или семь, неизменно объявляя чудом. Интересно: а им никогда не хотелось посчитать, сколько капель непонятной жидкости просачивается с потолка тюремной камеры или какой-нибудь задрипанной коммуналки, особенно находящейся на последнем этаже, и особенно после сильных дождей? Я думаю: они будут сильно удивлены и обрадованы, вот только вряд ли камерные сидельцы или жильцы коммуналки будут рады этому постоянному чуду: кто им только поможет избавиться от него, ведь ни власти, ни церковь не берутся за такую задачу, ограничивая себя самым общим руководством.

Языком что-то плести – особо много ума не надо, тут дело упирается в трепологические так сказать способности, и главное – чтобы попался адекватный собеседник. Вот как вы, например: не каждый ведь поймёт, что человек, сидящий в одиночке, и не совсем уже человек, и общение для него – гораздо больше, чем просто общение. С вертухаями ведь не поговоришь, они глядят на тебя волком, и будь их воля, так же как волки и загрызли бы. Так что тяжело приходится здесь тем, кто не сошёл пока с ума и на что-то ещё надеется. Это не

вы случайно попросили выписать «Науку и жизнь»? Очень вам благодарен, а то даже если с кем-то и можно поговорить, то умом и образованием они совсем не блещут. И ту же «Науку и жизнь» они только на сортирную бумагу употребить могут, никак не иначе. Или на пакетики для наркоты, которая регулярно находит сюда дорогу. Я?! Ну что вы: такую дрянь я и раньше не потреблял, и теперь уж – тем более, а если учесть: за какие деньги она достаётся... У меня таких здесь точно никогда не будет, и только настоящие барыги – в прежней жизни – могут такое себе позволить.

А я совершенно не об этом думаю: мне в голову совершенно разные вопросы приходят, к делу не относящиеся, ну например такой: а ведь белка – это ж пушистая крыса! Вы обстригите её: и сами увидите, что останется. Сам я такого никогда не делал, конечно, хотя крыс и повидал достаточно. Я про настоящих полноценных грызунов, с острыми такими зубками и длинными лысыми хвостами говорю. Где я встречал их? Ну, ещё в том подвале, где у нас качалка была: я ж помню, как аккуратно они высовывали мордочки из тёмных щелей и шебуршали чем-то за диваном. Колян на них тогда иногда ещё охоту организовывал, если их много становилось. Каждый брал палку или металлический прут и шурувал под диваном, пока не удавалось подцепить какую-нибудь тварь. Даже раненая она была опасна и могла хорошо так тяпнуть, так что мы совместными усилиями потом добивали заразу, а тушку выкидывали в помойку.

Или когда я работал официантом в кафе – в самом первом месте: там ведь собиралась такая свалка! Убивать я их там больше не убивал, но гонять приходилось, так что дело это было мне вполне знакомо. Так вот: когда меня тогда политик поймал – за съёмкой – то я сразу почувствовал себя на месте такой крысы. Парочка жирных охранников, раздавивших мою мыльницу и лупящих меня на глазах того самого политика, возлежащего на шикарном таком сексодроме: то ещё было зрелище! Я ведь застучал его с какой-то девкой, явно не женой, также имевшейся у начинающего молодого политика, и чем-то таким непонятным занимавшегося в приватной обстановке. Так что когда я обломал ему кайф, а потом ещё и обнаружился фотик, он просто озверел. Он даже сам меня для начала двинул! И продолжил смотреть, как охранники молотят беззащитную жертву – а били они по всему телу и голове, и хоть я и попытался применить старую тактику – закосить под слабоумного ребёнка – в тот раз у меня полный облом вышел!

Разумеется, он спрашивал ещё – а кто меня послал, на кого я работаю и для каких целей, собственно, я залез к нему на дачу. Что я мог ответить? Всю инициативу, разумеется, я взял на себя, представившись начинающим репортёром. Но он не поверил, так что мне перепало ещё несколько десятков ударов, а когда и после них я ничего не сказал, он приказал связать моё тельце.

Да, вляпался я тогда по-настоящему, кто же мог предста-

вить, что начинающий политик окажется бывшим бандитом, с кучей старых выработанных привычек и замашек, так что повезло, что в итоге меня не покалечили. Он заставил признаться – кто я такой, где живу и кем работаю – но с Владимиром Семёновичем, по всей видимости, его ещё не сводила судьба, так что в конце концов меня отпустили. «Но если что: найдём и уроем!» Я абсолютно серьёзно воспринял явную угрозу, и когда после недельного отлёживания дома наконец позвонил в фирму, то ничуть не удивился результату: больше я там не работал, они – как и предупреждали – не желали знать меня и иметь со мной ничего общего, и пришлось мне в итоге начинать карьеру с самого начала.

Ну то есть искать – что делать дальше. Срочности особой здесь не возникало, за время работы я подкопил денег, так что их хватило бы на год или два, тем более учитывая другие накопления. Я же вам рассказывал про Романа и мои с ним экспедиции: мы, наверно, раз десять прокатились с ним по самым злачным и прибыльным местам страны, так что в запасе у меня имелась куча побрякушек оттуда. Мобилы, как правило, я быстро загонял по дешёвке – вон сколько ими повсюду торгуют! – а что касается остального улова: там происходило по-всякому. Да я мог хоть магазинчик открывать, как бы только я объяснил обилие самого разнообразного хлама, всяких там зажигалок и кошельков, или золотых и серебряных цацок, которыми я мог обвешать не одну тёлку сверху донизу. Хотя с тёлками-то было и опасно и ненадёжно, так

что цапки я по-тихому сбавлял кавказцам у метро. Видели объявления на стоящей где-нибудь в людном месте машине: «покупаем золото, серебро»? Именно с ними я имел тогда дело, аккуратно выбрасывая по два-три украшения за раз и больше не связываясь с одним с тем же скупщиком. Они ведь могли понять – кто я такой, а потом выследить и поймать, и даже здесь не хватало особой надёжности. Так что в конце концов – когда запасы прилично опустошились – я занялся поисками нового дела.

Если вы думаете: что придумать и внедрить что-то новое легко, то сильно заблуждаетесь. Вон взять ту же воровскую элиту: каждый из них идёт по своей тропе, проложенной, можно сказать, задолго до них: кто-то становится форточником, кто-то медвежатником, кто-то специализируется на обшаривании сумок и карманов, совмещая иногда разные области и достигая в них совершенства. Мало кто способен на большее: взять весь предыдущий опыт и сделать из него что-то своё, незаёмное, так чтобы гордо сказать: *это придумал я!* Так вот: я на самом деле был таким исключением из правила, мне никто никогда ничего не рассказывал про финансовые пирамиды, но я сразу понял их суть и смысл, и так же точно дело обстояло с разными техническими новинками, с помощью которых я научился облапошивать глупых доверчивых буратин, зарабатывая неплохие деньги.

Взять те же мобилы: удобную и ценную вещь, особую пользу от которых я понял, познакомившись с Артёмом. Я,

кажется, ещё про него не рассказывал: он был технарём, закончившим инженерный вуз и работавшим, несмотря на образование, продавцом. В-общем, он продавал телефоны и прочую муть в салоне связи, куда я любил заходить по делам, и когда я как-то однажды попробовал толкнуть особо дорогой телефончик не за три копейки, а подороже: то нашёл у него понимание и поддержку.

Есть ведь не только простые примитивные мобилы – с девятью кнопками и пятью функциями – нет! – сейчас ведь имеются и элитные штучки-дрючки, стоящие не одну штуку баксов, для понтов и выпендрёжа покрытые позолотой и даже камешками. Так вот: один такой имелся среди накопленных мною запасов, и по дешёвке отдавать его явно не хотелось, так что я подошёл в салоне к понравившемуся парню – Артёму – и рассказал историю, как нашёл цацку на улице: без всяких, разумеется, опознавательных знаков. Телефон оказался фирменным, и за пятьсот долларов я согласился сбавить ему покрытое золотом и платиной чудо, и так у нас дело и завязалось.

Я спихнул ему ещё несколько мобил, после чего и случился у нас серьёзный разговор. Взяли мы тогда по пиву, и в процессе распития и родилась у меня интересная идея, реализовать которую на практике он тут же согласился.

Ну, ведь если шантаж – в духе Владимира Семёновича – приносил хорошие деньги, то можно ведь наострить и использовать шантаж не только ему, но и мне. Ведь если будет

у меня номер какой-нибудь глупой тётки, и сообщу я ей, к примеру, что сынок её сбил на своей машине человечка, и человек тот истекает кровью и вот-вот помрёт, а сыночка её драгоценного возьмут за яйца и отправят на освоение новых территорий – лет на восемь или десять: то ведь тётка выложит хорошие деньги тому, кто пообещает отмазать зарвавшегося холёного раздолбая!

Надо только сделать так, чтобы номер телефона остался неизвестен, поскольку менты, разумеется, после раскрытия обмана сразу примутся рыть и копать. Так вот Артём предложил такой способ, и, недолго думая, мы его опробовали на практике.

Короче, он настроил связь, а я звякнул одной чувихе, достаточно богатой и тупой, чтобы поверить в подобную байку. Меня она, разумеется, не знала ни в лицо, ни по голосу, так что я, специально изменив тембр, наплёл ей что-то такое, во что она сразу же поверила, и предложил быстро решить вопрос. За пару тысяч зелёных я обещал отмазать её непутёвого сынка-раздолбая, передать же деньги следовало мелко-мелкому такому карапету, согласному с нею встретиться в людном месте через часик, в случае же отказа наследничку грозила долгая дорога в казённый дом и все сопутствующие дороге прелести.

В-общем, хорошо запугал я тётку, барыжившую помаленьку на рынке и имевшую кое-какие деньжата. Хотя полной уверенности не было: она могла ведь звякнуть и сынку,

и, отправляясь в условленное место, я готовился ко всяким вариантам.

Однако тётка пришла: я помню, каким тупым животным взглядом высматривала она своего спасителя – то есть меня – стоя у назначенного магазина. Почувяв угрозу, я мог просто слинять и никак не среагировать, пройти мимо – мало ли зачем гуляю я здесь по улице? – однако напряжённая поза успокоила меня, и я быстро подошёл к ней и, сказав полсотни спасительных слов, забрал конверт.

Оделся, разумеется, я тоже нетрадиционно: после хитрой аферы я становился главной приманкой, почти что единственной ниточкой, уцепившись за которую менты могли захватить себе весь клубок. Подростковая куртка, примитивные драные джинсы, скрывающий причёску и глаза кепарик: мало какие сведенья достались тогда ментам, учитывая также и то, что разговаривал я изменённым тонким голоском. Я закосил тогда не под дебила: я изобразил недалёкого мелкого школяра, которому взрослые дядечки доверили получить и передать пакетик, и ничего абсолютно не знающего о смысле и цели данного дела, так что наверняка не одну школу обшарили потом глупые доверчивые менты. Одежду я позже спрятал, на каждую из следующих афер переодеваясь потом по-новому, а деньги честно разделил с Артёмом, и именно с этого началось наше с ним плодотворное сотрудничество.

Да, я что ещё хочу сказать: глядя на всплывающих в последние годы откуда-то из небытия разных там компьютер-

щиков, основателей интернет-компаний и прочих прохвостов, я хочу заметить: а разве я чем-то был хуже их? Они вон нахапали миллиарды, придумав что-то новое – ведь так? – и почивают теперь на лаврах, плюют в потолок и делают вообще что хотят. Так вот: *я был – не хуже!* Я вот тоже придумывал разные хитрости, но кто бы дал мне это всё запатентовать и защитить, кто бы сказал хоть «спасибо» за то, что стало основой процветания и благополучия? Но – нет таких, и я теперь парюсь тут на нарах, а они плавают на яхтах, трахают кого хотят и считают себя великими людьми. Несправедливо это!

А что касается Артёма: мы провернули ещё много афёр! Вспоминая теперь, как легко и просто потрошили мы мелких барыг, считавших себя людьми умными, но на самом деле оказавшихся обычными лохами, могу утверждать: это были самые лёгкие деньги из всех, что мне достались. Ты попробуй, к примеру, найди доступную жертву на улице и вытаци у неё кошелёк: сколько ума, терпения и настойчивости для этого требуется, абсолютно без всяких гарантий и с риском для здоровья и свободы! Здесь же занятие выглядело намного проще: главное было – найти заранее подходящего клиента, такую же тупую и отсталую тётку, что и в первый раз, да-да, именно тётку, играя на материнских чувствах которой и можно было занести себе в актив ещё одну победу и пару тысяч у.е. Я особо не наглед: две, максимум три тысячи долларов могла достать такая калоша из укромного тайника

у себя дома, не особо вдаваясь в детали и подробности случившегося с её сынком происшествия, из-за пяти тысяч она уже устроила бы серьёзный допрос, а за десять – могла разорвать, а, нет, она бы просто подумала и как-нибудь дозвонилась до якобы проштрафившегося родственничка, чтобы не попасть впросак.

Так что где-то два-три раза в месяц мы с Артёмом проворачивали лихие хитрые номера. Тёток, кстати, подыскивал в основном Артём: работая в салоне связи, он легко находил тупых невежественных дур из числа клиентов, он ведь как раз и занимался тем, что подбирал разным лохам мобилы и прочие прибабасы. А потом уже мы брали терпилу в оборот и слегка доили.

Всегда ли у нас получалось? Да нет, тут ведь многое зависело от ума, от психологии и характера человека, а уж когда по ящику стали о подобных афёрах рассказывать: всё стало намного сложнее! Наверняка не я один оказался такой умный, разные шулерские проделки – дающие хороший результат – быстро везде проникают и распространяются, так что я не слишком удивился, когда по ящику и в газетах рассказали об афёре с сынком, попавшим в аварию. Так что я всегда был настороже, когда ходил на дело, и, встречая очередную испуганную тётку, каждый раз внимательно изучал её. Лучше уж было не получить ничего, чем вляпаться: сами понимаете!

Но потом настал момент, когда сорвалось пять разводов подряд: все слишком уж привыкли к такому сценарию и не

хотели особо покушаться. Кто-то сорвался ещё на начальной стадии, где-то я напортачил, а последняя тётка – пришедшая на встречу – так подозрительно себя вела, что я перестраховался. И правильно сделал! Могу представить себе, какие недовольные вытянутые морды были потом у подсадной утки – явно ментовского подложного происхождения – и сопровождавшей её группы захвата, когда их засада сорвалась и номер не удался, а я в очередной раз благополучно вырвался за флажки.

И сразу после этого замутил дельце, ставшее, можно сказать, вершиной бизнеса в моём исполнении. Да-да, мои планы и желания простёрлись так далеко, что в первый и последний раз в жизни я занял должность, о которой мечтал всегда и мечтаю до сих пор: что планы мои претворятся в жизнь после выхода отсюда и чем-то подобным получится заняться и в продолжение жизни. Вместе с Артёмом, подключив ещё и его дружка – компьютерщика – мы создали небольшую фирму, оказывавшую компьютерные услуги всем нуждающимся. Ну то есть сломался у вас компьютер, стоящий дома, а гарантийный срок уже давно закончился, и к кому обращаться: вы просто не знаете. И тогда звоните нам – в Срочную Компьютерную Помощь, или просто СКП – и вызываете нашего молодого талантливоего специалиста, который знает компьютерную технику как свои пальцы, и всегда может починить и отремонтировать то, что у вас сломалось, заменить виндоуз и поставить какие-нибудь самые распространённые

программы, выгрести вирусы и привести систему в идеальное состояние. За что придётся в итоге заплатить приличную сумму – это ж такая работа! – и каждое движение пальцем требуется оценить в некоторое количество денег, после чего подвести итог.

В созданной фирме я занимал должность генерального директора: это было и почётно, и одновременно ответственно, просто Артём и его компьютерщик-другок уже занимали серьёзные должности, и вряд ли смогли бы совместить официальные работы. Мои же возможности позволяли мне руководить налаженным процессом и проводить основную работу, управлять людьми – малолетними компьютерщиками-сосунками, общаться с клиентами, выразившими недовольство и делать рекламу. Я поступал достаточно просто: отпечатанные Артёмом и его дружкой на работе объявления и наклейки я навешивал повсюду, куда доставала рука в моём районе и ближних окрестностях, так что ходить было не так далеко. Главное было: убедить клиента, что дело совсем швах, что требуется глобальная чистка и замена того, что находится в системном блоке и рядом с ним, чем занимались, разумеется, наши подшефные. Подшефных приводили Артём и его дружок: молодые совсем парни-компьютерщики хотели зарабатывать много денег, и мы давали им такую возможность, забирая, правда, большую часть себе. Да им и тридцати процентов хватало в конце концов, главное было: заставить клиента выложить нужную сумму, которая могла

доходить до половины месячной зарплаты, после чего требовалось скрыться и доставить деньги к нам.

У нас даже не было офиса, мобильные телефоны руководства были просто нашими тремя телефонами, а встречи проходились в квартире у Артёма. Да встреч-то особых и не было – так, время от времени кто-нибудь из мальцов слегка зарывался и начинал либо жульничать – в свою пользу, либо отказывался грести максимальные деньги, играя в честность. Таких мы сразу пропесочивали и либо выгоняли вон, либо ставили на путь истинный, делали реальным деловым парнем, способным с любого барашка состричь достаточное количество шерсти. Так что человек пять-шесть таких молодцов постоянно находились у нас под присмотром, принося пользу всем заинтересованным людям.

Но мы использовали ещё кое-что. Наш компьютерщик был не самым простым парнем и умел создавать хитрые такие ловушки. У вас никогда не бывало случаев, чтобы дома на компьютерном экране появлялось грозное послание? Наш орёл умел клепать такие баннеры, распространяя их потом в интернете, а одним из главных пунктов в объявлениях провозглашалась как раз борьба с подобными гадостями, способными разрушить комп или помешать по крайней мере его работе. Просто человек, заходя на получивший заразу сайт, неосторожно перетаскивал его на свой компьютер, в какой-то момент получивший удар под дых. На экране компьютера всплывало и горело негасимым цветом грозное по-

слание, что-то типа того, что за просмотр порнографии и грязной требухи – с участием малолетних! – вы будете строго наказаны и в этой жизни, и в последующей, так что отправка в ад для вас не за горами с последующим помещением в один из нижних кругов. Кроме же того вас ждёт неминуемое разоблачение в этой жизни, дикий позор с оповещением всех родных и близких, сотрудников по работе и соседей по лестничной клетке, как и серьёзные сложности в работе вашего компьютера с последующей его самоликвидацией – от тех кадров, что ему довелось транслировать – и чтобы предотвратить все эти гадостные последствия, вам надо всего лишь перевести пару тысяч рублей на такой-то счёт в таком-то банке, после чего на вас снизойдёт прощение: вы получите некий код, благодаря которому сможете избавиться от этого проклятия, насылаемого за посещение всяких пакостных сайтов.

Никаких особых сайтов, разумеется, испытуемый не посещал, точнее: мы не могли проверить – так ли это в реальности, а посылаемый на выручку малолетка просто накручивал тысяч десять, беря на себя дополнительную заботу и функцию в виде переустановки системы. Наш мальчонка хорошо знал – как с этим бороться, и кто в этом виноват, и сколько дополнительных бонусов он получит сейчас с очередного неопытного клиента, поддерживая жизнь себе и нам – отцам-основателям – на хорошем таком высоком уровне, и если бы не одна неприятность, неприятность глобальная

и максимально серьёзная, то я до сих пор парил бы в этой сфере, не обращая ни на что больше внимания.

Просто обнаружилось, что за нами следят. Нет, совсем не менты были теми грозными зрителями, что через полгода нашей пошедшей явно в гору работы грубо влезли и всё испортили. У нас же имелись многочисленные конкуренты, делавшие приблизительно то же самое, и платившие при этом хорошие такие проценты крышам. И состоявшие – что ещё удивительнее! – из той же самой братвы, то есть ею возглавлявшиеся, и когда дела нашей фирмы пошли резко в гору: нас ждал облом. Просто на очередное наше собрание – в квартире Артёма – пожаловал пяток крепких ребят, и сделанные ими внушения так повлияли на всех, что и друг Артёма – компьютерщик – и наши мальцы, и даже сам Артём, так обложились и обкакались, что в ужасе разбежались и спрятались, и прогрессирующая и приносящая уже хороший доход фирма оказалась прихлопнута и через неделю забыта.

Не, в нашем деле без ума и удачи просто никак, все обычные глупые гопники очень быстро оказываются на нарах, а чтобы чего-то достичь: очень многое требуется! Бывалые урки хвастаются своими отсидками: но если бы вы знали, как много они на самом деле – кроме немногих мазохистов и верных старым понятиям отказников – поменяли бы на спокойствие и благополучие! То есть такое благополучие, какого добился я, зарабатывая на жизнь тёмными шулерскими

делишками. Вот кто настоящая элита: тот, кто почти ни разу не попался, несмотря на большие возможности вляпаться, и прожил свою жизнь так, как когда-то захотел!

Однако опытные прожжённые воры явно не согласятся с этим: им просто опасно говорить о подобных вещах, им, отпахавшим не один десяток лет на зоне – каждому! – просто обидно будет слышать такое. И поскольку именно они контролируют процесс, то я даже и не пытался поменять свою масть. Они же подумают, что их считают лузерами и неудачниками. Я ведь, когда вышел из зоны, был уже приблатнённым: не самая низкая ступень, но и не высокая, так – свой среди мелких рядовых урок, об таких не станут вытирать ноги, но и особого авторитета тоже не имеется. С паханами же настоящими общаться – кто ж такого без особой нужды допустит, и тем более кто позволит стать такому паханом? Что? Нет, я серьёзно подумывал тогда о том, чтобы стать вором в законе, приобщиться к, так сказать, ценностям воровской жизни и занять достойное место в иерархии. Ну или хотя бы поднять статус: не собирался я целую жизнь быть мелкой промокашкой, сопливым гопником, не имеющим права голоса в серьёзной воровской среде. Мне уже тридцатник стукнул, и имел я в конце концов право хоть на что-то?!

Однако когда я расспросил Романа – а я поддерживал постоянно с ним контакт – то понял: не будет у меня никаких шансов. Любые повышения – они ведь заслуживаются, то есть: главное – не то, насколько ты хорош сам по себе,

насколько ты силён в выбранном тобой деле, нет! – главное: что ты сделал для братвы!

Я говорю абсолютно серьёзно: братва ведь оценивает не твои достижения в, так сказать, профессии, нет, она оценивает: сколько денег ты внёс в общак, какие дела порешал в интересах сообщества, какой образ жизни вёл – ну и прочую туфту в том же роде. А что я мог занести в свой актив? Скажем прямо, совсем немного: деньги я вносил по минимуму, в сходняках не участвовал – да и кто и зачем позвал бы туда меня, всегда болтавшегося где-то на периферии воровской жизни? Ну и образ жизни тоже не соответствовал: мне же приходилось – время от времени – марать себе руки обычной рутинной работой, не самого высокого, кстати, пошиба, и кто стал бы серьёзно воспринимать вора, совсем ещё недавно работавшего официантом?

Так что подобные амбиции быстро иссякли: я жил и вполне радовался тому, что у меня уже имелось: мать, всё так же трудившаяся в школе посудомойкой и уборщицей, наша комната в хорошем удобном месте в Москве, и мои воровские дела, продолжавшие приносить приличный доход. Я не рвался к тому, чтобы заработать всё, что только можно: на хрена было рвать жопу из-за лишних денег, рискуя ещё больше? Я и так был вполне обеспечен, требовалось только не забывать о маскировке и поддержании внешнего облика: я по-прежнему представлялся всем снабженцем, имеющим вольный график работы и надёжный хороший заработок, что

подтверждалось деньгами, регулярно оставляемыми матери. Её мелкая по сравнению с моими деньгами зарплата – даже с традиционными довесками в виде плотных пакетиков с едой – вызывала уже смех. Но бросать работу она не собиралась: чем бы ещё занялась она в свободное время, им имея ни образования, ни особых интересов, ни цели в жизни. Что вы говорите: была ли цель у меня у самого? Ну как же: такая же цель у многих, если не у всех: хорошо вписаться и приспособиться. Становиться королём или миллиардером каким-нибудь я не собирался – у них ведь столько забот, да и стреляют их иногда, не без этого, но от многого другого отказываться я не собирался. Хотя... я же вам рассказывал об отношениях с бабами: не любили они меня, практически брезговали, так что здесь уж какая могла быть полноценная жизнь, не было её, это точно.

Но возмещать данную сферу я как-то пытался. Когда появлялось много денег, я покупал шлюх: просто звонил по телефону, узнавал цену, место свидания – я же не мог приводить их к нам в коммунальную квартиру! – ну и шёл на встречу. Выбирал я разное: разумеется, все они были моложе меня, но в остальном я не ставил особых ограничений. Мелкие, крупные, сисястые, жопастые, брюнетки, блондинки, шатенки. У меня имелся и компьютер с интернетом, где я мог выбирать конкретных девиц – в разумных пределах – жаждавших встретиться с состоятельными мужчинами для проведения досуга. Неважно, что мужчина оказывался мелким та-

ким огрызком, в штанах там работало всё нормально, совсем даже неплохо для полутораметрового карапета. С деньгами я никого не обижал, давал так сказать на чай и на памперсы, с некоторыми же девицами я встречался многократно. И даже несколько, можно сказать, романов случилось у меня тогда. а самый яркий и продолжительный из них мог привести к последствиям. Каким? Совсем не к таким, как вы подумали, просто одна девица, с которой я общался несколько месяцев подряд, решила с моей помощью решить личные проблемы. Нет, я могу их понять – всех этих приехавших из глубокой провинции дурочек, мечтающих любой ценой зацепиться в столице. Где ещё им будет так хорошо, по крайней мере многим из них! А если ещё и из другой страны: ну тогда брак с москвичом решает если не все, то многие их сложности. Да, так вот: встречался я с одной хохлушкой, наглой и разбитной такой шатенкой, мелкой почти как я и с явными воровскими замашками, так что ухо с нею приходилось держать остро. Брала она по сотне долларов, но я постоянно оставлял ей мелкие презенты, так что она явно привыкла ко мне и не хотела, можно сказать, отпустить. Она даже решила замутить афёру: якобы однажды у меня *там* протекло –несмотря на презик! – так что она боится, что может залететь, и интересуется: а что я намерен делать. А что я? Я же вам рассказывал уже, сколько афёр провернул в своей жизни – ещё даже в детском возрасте – так что подобные штучки против меня применять бесполезно. Поговорил я с ней, вежливо объ-

яснил, что она неправа, и дал ещё сотню долларов. Так что больше я её не видел – наглуую рыжую аферистку, сразу всё понявшую и по-тихому слинявшую из моей жизни.

Но встречались и другие девицы: меня ведь, как я рассказывал, тянуло к высоким крупным девушкам, и однажды я надолго замутил именно с такой. Она была просто великанша – почти метр восемьдесят, просто относилась она по-доброму, можно сказать, бережно, выполняя мои пожелания, так что встречался я с нею месяца три или четыре. И встречался бы и дальше, если бы не замутил одну афёру, из-за которой чуть не погорел. И чтобы не вляпаться: пришлось мне временно лечь на дно и оборвать лишние связи.

А дельце-то обещало стать серьёзным и прибыльным, я сам придумал его, когда смотрел однажды западный фильм, про жуликов как раз и аферистов. Для реализации требовался помощник, и стать им согласился в конце концов Роман, когда понял, что можно одним махом сразу получить большой кусок.

Придуманная же афёра вертелась вокруг машины, которую мой друг якобы собирался продавать. У него уже имелся к тому времени жигуль – то ли девятка, то ли какая-то модель из последних – в хорошем достаточно состоянии взятая с рук. Так вот: он якобы продавал машину и срочно требовал наличные деньги, когда же происходила встреча, Роман подстраивал дело так, чтобы сумка или дипломат с бабками оказывались в багажнике. А дальше? А дальше – просто: за

тряпками и барахлом – достаточно грязными, чтобы терпели не захотелось проверить – в багажнике скрывался я, и пока они ехали туда, где требовалось оформлять сделку, я потрошил кейс и делал подмену. Ну и под занавес оказывалось, что Роман забыл нужные документы – ах, какая незадача! – а завершить сделку сегодня никак не может – дела всё, дела! – ну и с фальшивой романовой визиткой и куклой вместо денег клиент уходил, чтобы больше не появиться.

Что вы говорите: мог запомнить номера? Ну, мы совсем не были дураками и тоже подобную возможность предусматривали, заказав в ремонтной мастерской несколько жестяных табличек с разными номерами. Так что пока глупый терпила приходил в себя, копаясь в резаной бумаге и взывая к помощи милиции, машина слегка меняла внешний вид, готовясь к следующей операции.

Таким макаром мы успели загнать её шесть раз, но на седьмой сделке чуть не попались: кто же знал, что покупателем окажется мент, то ли бывший, то ли наоборот свежеспечённый, мы так и не поняли, но когда Роман попытался забросить сумку с деньгами в багажник, клиент этого не позволил. Не разобрались мы с ним, не поняли, что нельзя было связываться изначально с жирным говнистым клопом, сразу же начавшим скандалить и выяснять отношения, так что мы уже даже и не поняли, когда рядом оказались менты. Они уже стояли и прислушивались к воплям своего коллеги, и только реакция Романа выручила нас тогда: когда уже мы

поняли, что облома не миновать, Роман прыгнул за руль и, долбанувшись пару раз о какие-то препятствия, вырвался из сжимавшейся ловушки и ушёл.

Нам повезло ещё, что там стояли не депээсники какие-нибудь: они нас сразу догнали бы на своём форде или на чём они там рассекают. Учитывая обстоятельства, машину мы тогда сбагрили по дешёвке – без документов – а сами залегли на дно. Меня никто не видел, так что я мог особо за себя не бояться, но Роману пришлось годика на два уйти в тень и не показываться в столице, где на каждом ментовском стенде висело его изображение, состряпанное какими-то мазилами.

Что же касается меня: то останавливаться на достигнутом я не собирался. Я имею в виду наши шулерские проделки с Артёмом: убедившись в его профессионализме, я придумал ещё один номер. Под названием «победитель лотереи». Ну вы же знаете: сейчас многие фирмы активно лезут в рекламу: и чего только не придумывают ушлые аферисты, чтобы втюхать своё залежалое дерьмо лохам и простофилям, регулярно попадающим к ним на удочку и с помощью подсачека выволакиваемым на берег! А там уже их ласково потрошат, бережно снимают чешую и потом – добавив соли и специй – радостно готовят на медленном огне, пока они не покроются золотистой корочкой!

Простите, размечтался я что-то: здесь ведь не предлагают нормальную жареную рыбу – нет, они выдают полусырую требуху, где ещё надо покопаться, чтобы очистить от всякой

грязи и посторонних примесей куски, которые ни один нормальный человек жрать не станет. Однако же приходится: треска или пикша всё-таки лучше, чем та пародия на мясо, что выдают тут раз в неделю. Вот уж гавно так гавно-то!

Да, а в сфере, связанной с лотереями, я придумал такой номер. Получает чувак на мобилу, допустим, такую эсэмеску: «поздравляем, вы – победитель нашей лотереи! И кроме того – претендент на суперприз – миллион рублей!» Ни в каких таких конкурсах он, понятное дело, не участвовал: кто ж его, лохопета драного, заставит принять хоть в чём-то участие, но приз – миллион – вот же он! – манит к себе и призывает, остаётся только приложить небольшое усилие. И он – терпила такой – делает его! Он звонит по указанному телефону и выясняет – что нужно сделать? – и получает ответ, что есть мелкая закавыка, крошечный такой вопросец, для разрешения которого и подтверждения его личной заинтересованности он должен переслать рублей, допустим, пятьсот на некий номер. «А дальше уж – при удачном стечении – миллион ваш, и даже не сомневайтесь, потом всю жизнь благодарить будете!» Он понимает: с одной стороны – риск потерять пятьсот рублей, но выиграть же можно – ого-го сколько, он столько никогда в своей жизни и не видел, и он наконец, болван, решается, а мы с Артёмом по-быстрому снимаем деньги и растворяемся в пространстве!

Разумеется, не ради одного-единственного терпилы организовывали мы хитрый спектакль: идя на новый круг, мы за-

ряжали сотни по три номеров. Задача по убеждению ложилась на меня, тут уж мне приходилось браться за основную работу, в результате чего сотня доверчивых буратин послала нам свою денежку. Через пару дней телефон, разумеется, вырубался и выкидывался, так что дурачкам оставались лишь приятное воспоминание о почти выигранном миллионе, и другое – уже не очень – о том, как они расстались с деньгами, совсем небольшими, из-за которых практически никто не стал бы бежать в полицию и строить нам козни. Зачем? Обулся сам – дай обуться другому: кто признался бы посторонним людям, что он просто дурак, и его легко сделать даже по телефону, и даже такому невзрачному мелкому человечку, как я? Так что, попадая в ловушку, почти никто не обращался к ментам: это ж сколько возни и сутолоки ради таких мелких денег, ещё и сам не рад будешь! Недельная возня приносила нам хорошенькую сумму – полсотни тысяч на двоих – после чего мы на месячишко расслаблялись. Время запарки в фирме – как я объявлял официально матери и всем окружающим – подходило к концу, и мог же я позволить себе небольшой отдых? Тем более что я полюбил ещё кое-что, о чём раньше особо и не думал. Я рассказывал вам о своём главном увлечении – жрать сладости, оно было у меня главным и главным и останется – но тогда, когда я, можно сказать, возмужал и обрёл уверенность, я полюбил ещё одно занятие.

Не знаю, есть ли здесь – в областном центре и там, где вы

живёте – такие парки развлечений, как в Москве? В столице – особенно в некоторых местах – понастроили такого, что ни в какие Диснейленды отправляться не надо, всё тут, под рукой. Особенно мне нравились всякие карусели: а болтание по кругу на длинном тросе – было самое моё любимое дело! Ты висишь над пропастью, судорожно вцепившись ручонками в подлокотники, ножки беспомощно болтаются в пустоте, несущейся по кругу с хорошей такой скоростью, и вместе со всеми издаёшь разные звуки – какие только смогла извлечь твоя травмированная ускорением и перегрузкой глотка. Нет, правда, мне нравились такие вещи, особенно когда можно было ещё и кому-нибудь нагадить: плюнуть так, чтобы летящая слюна задела других, таких же сумасшедших как ты, но не таких упорных и выносливых, способных пройти все круги маленького детского ада, сосредоточенного на небольшой территории.

Не везде, кстати, там допускались дети, так что приходилось таскать с собой паспорт. Не все ведь воспринимали меня за полноценного взрослого человека. Наглые паразиты подкалывали меня: без родителей, мол, не пустим, так что, когда я вылезал из очередного аттракциона – среди шатающихся и блюющих местами страдальцев – и гордо шёл на следующий, почти свежий и готовый к новым приключениям – то я небрежно так бросал паразитам что-то вроде «скукота сплошная, никакого кайфа!» Однако кайф на самом деле имелся, тут я слегка мухлевал: и на «Кобре», и на «Мар-

се», и на «Алладине» – на огромных таких качелях, где мазохистов переворачивало башкой вниз, а потом бросало почти в землю – да-да! – это было страшно и весело одновременно, вопли и визги так и летели во все стороны, а я гордо и уверенно смотрел прямо перед собой, спокойно перенося предусмотренные программой безобразия.

Вот кого надо было брать в космонавты, вот кому следовало доверять в серьёзных и важных вопросах, а не гнобить и не унижать по малейшему поводу и почти без него! Из меня вышел бы хороший космонавт или какой-нибудь исследователь, я ведь без труда сносил подобные нагрузки и оставался достаточно спокойным, хотя другие развлечения – по крайней мере многие из них – не давали мне такого кайфа. Что там ещё имелось? Колесо обозрения, здоровая такая дурында, почти со скоростью улитки поднимавшая тела и души на приличную высоту – что здесь было такого интересного? Я ещё понимаю шары на воде: здоровые пластиковые конструкции, в которые меня запихивали как какую-нибудь Белку или Стрелку: только в отличие от собачек я мог двигаться по воде – с большими, правда, усилиями! – и в конце, в отличие от собачек, я оказывался жив и вполне себе здоров.

Нечто подобное происходило и в соседнем водоёме: надувные лодки могли плавать по гладкой ровной поверхности, требовалось только активно работать педалями, чего я совершенно не любил. Больше мне подходил Автодром. Что

это такое? Ну, там находился зал, заставленный маленькими машинками, управляемыми электричеством через штанги сверху. Здесь уж я резвился не хуже каких-нибудь лоботрясов-школьников, восполняя, кстати, отсутствие настоящей машины. Я же говорил, что не люблю технику, но там можно было по-настоящему покуражиться, поразвлекаться так, чтобы желание иметь машинку на самом деле не возникло.

Ну и в конце я мог заглянуть в тир. То есть не совсем тир, большой оборудованный павильон, где бросали разные предметы, чтобы сбить мишень и получить приз. Так вот там меня ненавидели. За что? Ну, я рассказывал, как в школе играл на деньги, как разувал и обыгрывал пацанов, на два-три года меня старше, так что бывшие соперники в конце школы обходили меня стороной. Так вот я не растерял этих качеств: только предметы, которые требовалось бросать – всякие мячики и шары – были намного тяжелее, так что приходилось прикладывать максимум усилий. Но без пары игрушек – каких-нибудь плюшевых собачек или обезьян – я оттуда не выходил, явно принося им убытки. Но что они могли сделать? Только нагадить, подсунув тяжёлый неподъёмный мяч, который я с удовольствием скидывал на какую-нибудь их конструкцию – «ах, простите!» – так что проще становилось не хамить мне, чтобы не нарваться на ещё большие неприятности.

А неприятности всяким паразитам наглым я приносил

всегда с большим удовольствием. Плюнуть в кресло, откуда только что поднялся, оставить на перилах комок изжёванной жвачки, двинуть как бы случайно локтем в живот или отдалить ногу: это я всегда был пожалуйста! Изображая одновременно слабость и бессильность, чего на самом деле не было, во всяком случае до определённого момента, до той точки, когда, стоя на самой вершине, я неожиданно – без всяких предпосылок и оснований – сверзился вниз, долбанулся всем телом и всем своим слабым существом, и потерял и уверенность и силу. Вы не слышали? Тогда случилась довольно известная история, прогремевшая на целую страну катастрофа, когда один из аттракционов – кажется, «Марс» – пошёл вразнос и угробил несколько человек. Мне ещё повезло тогда: маленький рост помог выжить, я хорошо до сих пор помню перебитый позвоночник и переломанное тело сидевшей сбоку длинноногой девицы, её раскрытые от ужаса глаза и многоголосый вопль, в центре которого, сжимая лапками перильца, сидел я, проклиная и долбануый сраный аттракцион, и своё новое увлечение, и суровую судьбу, не желающую оставить меня в покое и насылающую одни только гадости и неприятности.

IX

Здравствуйтесь-здравствуйтесь. Давненько вы что-то не показывались. Ах, дела, говорите? Какими интересно делами вы занимаетесь: вы ведь, как я понял, аспирант юридического вуза, и этим в-основном и загружены? Ах, университета? Ах,

ещё и работаете: наставляете на верную дорогу всяких отщепенцев? Тяжело вам приходится, могу только посочувствовать, особенно в деле наставления: работа неформальная, с многочисленными трудностями и отклонениями. Тем более если клиенты такие же, как и местные сидельцы: много вы тут не наработаете, проще утопить... Кстати, начальство после наших встреч лучше стало ко мне относиться: они же видят, что веду я себя прилично, не хамлю, встал – можно сказать – на путь исправления, так что... Может – скидка мне будет, лет на пять, не сейчас, разумеется, а когда подойдёт срок, и выползу я отсюда не древним старикашкой. Хотелось бы на это надеяться, а то как ещё здесь можно прожить двадцать лет? Если повезёт – двадцать, я слышал, тут недавно одному сидельцу пятёрку как раз скинули, так что готовится он вскоре – годика через три – покинуть заведение. Должно быть тоже товарищ хорошо вёл себя, вот и сподобился... Если же есть куда идти ему – тогда очень даже хорошо! Тут, как я понимаю, не у всех есть, куда вернуться: с кем-то отказались общаться, после многочисленных трупов и происшествий, а у кого-то родственники просто умерли. А друзья... какие тут могут быть друзья?!

Но у меня-то тыл надёжный: мать, даже когда узнала про пятерых жмуриков, всё равно осталась на моей стороне. Она ведь мать! И историю сволочи Блыдника тоже хорошо знала, я ей тогда всё подробно рассказал. Так что не слишком сильно удивилась, когда я его замочил, я об этом неоднократно

распространялся. Но и знакомых Блыдника – четырёх других жмуриков – она тоже жалеет, как и я, здесь мы с нею близки.

А уж как она вступилась за меня, когда случилась та катастрофа с аттракционом и я почти чудом выжил! Правда-правда, мне дико повезло тогда, и мелкие размеры как раз и помогли выкарабкаться! Когда несколько кресел оторвались и грохнулись на землю, а потом сверху добавилась ещё развалившаяся куча из кресел, конструкций и тел, то всем высоченным дылдам головы и ноги как раз и переломало, там ведь, кажется, погибло четыре человека, а инвалидами сделались человек пятнадцать. Я никогда такого месива не видел! Благо что прошёл тюрьму и зону, и всякие прочие приключения, но где там тюрьме и зоне оказалось до подобных катаклизмов в самом, можно сказать, тихом и спокойном месте столицы.

Я и сам сильно пострадал: когда чёртова хрень грохнулась с пятиметровой высоты вниз, меня сдавило с боков, а сверху навалилось кресло с визжащей тёткой, и только реакция спасла от тяжёлых последствий: я убрал голову и вжался в кресло, так что дальнейшие бултыхания не так сильно, как других, задели меня. Чего не скажешь о соседях, и особенно о молодой девице справа, которой почти оторвало голову.

Правда-правда, если бы я не видел кровавого зрелища своими глазами, то и не мог бы представить: как некрасиво, нет – мерзко! – всё выглядит внутри! Довольно краси-

вая высокая девица стала просто куском мяса, и трагедия случилась у меня на глазах, практически под боком, и никто помочь ей уже не мог. Белые позвонки, красное мясо, жир, выплывавший откуда-то и растекавшийся жёлтыми потёками... бр-р! Откуда у неё оказалось столько жира? Ей и ещё троим – кажется, девице и двум парням – уже не могли ничем помочь, мне же пришлось валяться там три часа. Что сказать: болваны – как обычно – оказались полностью не готовы к аварии и вызывали каких-то пожарных, каких-то спасателей и ментов, а я валялся – зажатый с разных сторон – посреди кошмара и ужаса, поручни впились в грудь, ноги зацепились за какие-то железные палки, так что я просто не мог встать и даже приподняться, морда залилась кровью – что-то меня всё же задело! – руки были как-то странно вывернуты, со всех сторон кричали и стонали, а наглые журналюги – прямо передо мной, метрах в пяти – уже всюю прыгали и скакали, снимали крупным планом возникший хаос и бардак, и заодно мою красную помятую морду, которую моя мать, вернувшаяся рано с работы, опознала среди прочих морд.

Я б этих журналюг поганых – строящих свою карьеру на чужой крови – гнал бы поганой метлой. Или давал шанс на своей шкуре почувствовать – каково будет: вляпаться в такое дерьмо! Помощи же от них никакой не было, они только суетились вокруг и бегали, выискивая самые жуткие ракурсы. Освободили же меня спасатели: когда уже они разгребли на-

валенное сверху железо, и особенно убрали жирную визжавшую всё время тётку – тот ещё был вид снизу, когда особенно она барахталась и перебирала толстыми ляжками над головой, грозя раздавить меня! – и только тогда они добрались до моего тельца. Где-то они разогнули, что-то перерезали, и тогда я оказался на свободе. Но идти сам я не смог: одна нога была вывихнута – почти переломана! – так что меня на носилках погрузили в скорую помощь и отвезли в больницу.

И вот тут начались настоящие неприятности. Я говорю не о боли, не о травмах, с которыми валялся недели две, пока более-менее не пришёл в себя. Я говорю о другом. Когда собрали всех пострадавших и взяли у них показания, то ментам – для отчётности – надо ведь было выяснить – кто где работает, кто чем занимается, ну и прочую информацию. Не просто так, жертвам полагалась помощь – в первую очередь деньгами – так что когда они стали выяснять, тут-то всё и завертелось. Я ведь к тому моменту года три нигде не числился, несмотря на постоянные бодряческие разговоры дома на кухне и в прочих местах, деньги же, заработанные на афёрах, я сильно не прятал. И когда посмотрели они мои документки и сопоставили, то сами понимаете: какие мысли у них возникли.

Тем более что травмы у меня оказались серьёзнее, чем я думал. Нога – ладно, нога через месячишко зажила, так же как и мелкие незначительные ссадины на голове – вот тут шрам остался, видите? – и на теле тоже. Но вот с руками...

С руками дело обстояло намного серьёзнее, правую клешню мне вывернуло так, что полноценно держать её и делать всё, что я делал раньше, стало просто невозможно. Я хочу сказать: воровской моей карьере кирдык пришёл!

Нет, я потом лечился: ходил к разным врачам, хирургам и костоправам, умевшим якобы восстанавливать пошатнувшееся здоровье. Но толку-то! И на фоне такого вот профессионального, можно сказать, краха, меня ещё взяли за жопу менты, докопавшиеся до моих денежных закровов. Нет, предъявить мне было нечего, для этого пришлось бы столько всего расследовать и перекапывать! Да они и не рвались: они просто предложили вариант, от которого я не стал отказываться – мне ведь только хуже стало бы! – так что в итоге мы мирно разошлись, не считая того, что ободрали меня как липку.

Правда-правда, если вы думаете, что менты защищают всякие там законы, порядок и справедливость: то зря так думаете. Они просто деньги зарабатывают! Зарабатывают как умеют, в зависимости от обстоятельств, смотря что и кто им подвернётся. Ну я им и подвернулся, защищать же меня было некому – кто я такой, мелкий гопник и аферист! – так что наглые падлы меня по полной раскрутили.

Взяли они не всё – большую часть, даже для них беспределить было не по чину, чтобы до их начальства информация не дошла: два сраных лейтенантишки выгребли у меня больше миллиона, и делиться с кем-то ещё им было не ре-

зон. История со мной ведь случайно получилась, образовался просто небольшой приработок на ровном почти что месте, особенно учитывая их тачки. Их иномарки стоили не один миллион, так что могу представить, сколько ещё гопников пустили по миру зарвавшиеся кровососы, явно привыкшие к шикарной жизни. Когда я принёс им тогда обещанные деньги, они только усмехнулись и бросили пакет в багажник, и больше я их не видел. Но мне было совершенно точно не до них.

Обещанная компенсация за травмы оказалась откровенным убожеством: жалкая сотня тысяч, сшибаемая раньше за пару недель, полностью ушла на лечение. Помню, как тихо и почти пришибленно выползал я в те дни из квартиры на улицу: рука по-прежнему не желала меня слушаться, и даже самый простой экзамен – на обшаривание чужих сумок и карманов – завалил бы я тогда, так что полагаться на проверенный годами источник больше не приходилось. А с другой стороны подвалили и другие неприятности.

В-общем, два моих кореша – сработавшиеся так хорошо со мной – ушли от меня. То есть Артём – московский технарь – нашёл себе других напарников, с которыми закрутил большие дела, во всяком случае покрупнее наших с ним афёр. Он просто извинился и просил больше не приставать. Что же касается Романа: то его спалили, взяли за жопу и упекли надолго и основательно, и хорошо ещё было, что я сам не вляпался. Позвонив ему на мобильный, я сначала выслушивал

непонятный трёп неизвестного мне человека, а после скомкал разговор. Мне ещё не хватало вляпаться там, где прежде всё выглядело надёжно и проверено, и плоды чего так хорошо кормили последние несколько лет! Так что остался я один, и на этот раз действительно что: урод уродом!

Найти ведь кореша: не самое простое дело. Ты знакомишься с человеком, проверяешь его, пытаешься делать какие-то совместные дела, а потом – бац! – и узнаёшь, что он не тот, за кого выдавал себя, что ваши отношения – надутые и искусственные, а он всё это время продавал тебя, и совершенно точно не собирался помогать. Так что тут всё сложно: предательство Артёма стало ещё одной каплей, так же как и разоблачение – фактическое, когда обитатели нашей квартиры и другие соседи узнали и поняли, что никакой я не менеджер, а так – мелкий гопник, зарабатывающий тёмными делами. Петрусь-старшая, я помню, опять начала хамить и слегка шантажировать, ожидая, что вот-вот меня опять возьмут за шкирняк и отправят туда, где уже один раз я обретался, но менты всё-таки спустили дело на тормозах, и возник уже традиционный для меня вопрос: как зарабатывать деньги?

Зарабатывать честно – как все: ходить на работу, смотреть в рот начальнику или хозяину, прислушиваться к каждому совету и выполнять чужие указания: данный этап я уже прошёл. Не для меня это было, я же говорил тут, какие деньги зашибал, когда занимался всякими аферами. Сравнили

тоже! Когда средняя зарплата тысячи долларов достигала, я мог пять тысяч заработать! И я далеко не обо всех делишках тут рассказывал: только о самых распространённых и примелькавшихся, которые в основе лежали и больше всего денег приносили. Самое простое – оно ведь обычно и самое эффективное! Вообще же: я мог бы и пособие для начинающих аферистов написать: с различными особенностями и подводными камнями, с пониманием того, на кого ориентироваться и кого опасаться. Разумеется, там всё больше чужие будут идеи, позаимствованные у жуликов не только современности, но и прошлых эпох, но парочка моих идей там тоже окажется. Каких именно? Всё вам скажи и покажи... А может, они мне ещё и сгодятся, может, я придумал нечто гениальное, что не один миллион долларов стоит, а вы тут идею-то умыкнёте и в тираж пустите?! Нет, мои заготовки пускай пока побудут при мне, во всяком случае пока есть шанс выбраться ещё отсюда в обозримые времена в приличном состоянии, а о чём рассказать-то... Ну, когда я остался тогда один – без корешей и поддержки, оплётанный и можно сказать униженный – то придумал такой номер. Надеваю я хороший костюм – самый лучший! – навешиваю на спину и грудь аппаратуру и беру в руки микрофон, и появляюсь в таком виде где-нибудь в приличном месте города, где гуляют состоятельные поцы, и предлагаю одному из них – поупитаннее и подобнее – принять участие в передаче. То есть в передаче для известной радиостанции, в викторине, где предла-

гается ответить на пару десятков вопросов – не самых сложных, так себе – сумевший же справиться с большинством вопросов награждается призом – вот он тут, в коробке – причём не каким-нибудь простым примитивным изделием, ну что вы, а элитным комбайном от нашего спонсора, уважаемой известной фирмы. Имеется только загвоздка, совсем пустяк, налог на комбайн уж придётся уплатить, а выступление участника – уважаемого поца – ожидается на радиостанции через несколько дней, вот ведь обрадуются родные и знакомые!

Если вы думаете, что номер не удался – то зря. Если бы вы знали, сколько настырных доверчивых лопухов хотело принять участие в процессе! Каждый раз я брал по две коробки, набитых газетами со вложенным в середине увесистым кирпичом. Надо ведь было сделать ноги, пока глупый терпила не обнаруживал горькую для себя правду, красный надёжный кирпич, обходившийся ему в три-четыре тысячи рублей. Но старались они в реальности не из-за приза, главное было – интервью, которое должно было показать их родственникам и знакомым, какие они умные и образованные, как они лихо – вроде семечек – щёлкают заданные вопросы, взятые в реальности из каких-то тестов для детей, не слишком сложных и местами просто примитивных. Да-да, я просто издевался над их жадностью и глупостью, тщеславием и некомпетентностью, добывая из них деньги себе на пропитание – зачем этим дуракам нужны были деньги, они бы всё равно потеря-

ли их тем или иным образом, так что попавшихся болванов я просто немного учил уму-разуму. Скажете, неправильно учил? Ну не знаю, не знаю... Но однажды – месяца через три – один из выученных чуть было меня не спалил. Я ж не глупый, я понимал, что надолго такого сценария не хватит, они ведь будут метаться, бежать в органы, и однажды у ментов информация наконец совпадёт и пересечётся, и они поймут, что мутит здесь один и тот же мелкий карапет, на которого они попробуют устроить охоту. Так что когда однажды – примериваясь в поисках добычи к потенциальным клиентам – я увидел спешащего в мою сторону мужика, я понял, что пора сворачиваться. От мужика я тогда ушёл, а костюм – хорошо так успевший засветиться и явно проходивший уже в уголовных сводках – выкинул в помойку. Ну и занялся поисками...

Однако новые идеи как-то не посещали меня, точнее: они проваливались, когда я пытался только опробовать их. Две-три ценные новации, связанные с большими супермаркетами, пришлось похерить из-за охраны – там ведь несли дежурство такие аккуратные и злые церберы! – и куда мне было надеяться, что я уйду от них на своих маленьких детских ножках! Ручки же отказывались служить как раньше: правая рука сильно болела – да она и сейчас болит! – так что особого выбора не оставалось. И пошёл я работать в одно публичное заведение, можно сказать, сутенёром.

Ну то есть каким сутенёром, что вы, кто же меня возьмёт

и допустит: так, помощником сутенёра, мелким служакой на подхвате. Я ж вам, кажется, рассказывал, как девок снимал? Когда хорошо так зарабатывал и денег у меня полно было? Я тогда не только в дорогие места обращался, бывало: и на улице договаривался, причём чаще всего в одном месте. Происходило же дело не так далеко от дома, в двух остановках, где были зелёный такой парк и пара кафешек.

Так вот там всё намного проще было. Подходил я к знакомой плешке – небольшому тихому пустырю, за которым находилась стройка с высоким забором, еле двигавшаяся и почти всегда пустая. Так вот там всегда они и тусовались: штук пять девиц, разномастных и разнокалиберных, самых разнообразных по возрасту, цвету кожи и происхождению, так – третий сорт. Но для заваященького клиента в самый раз: работяг каких-нибудь или простых голодранцев, живущих от зарплаты до зарплаты. А происходило всё на закрытой территории: я сам давно знал две дырки в серьёзном фундаментальном по идее заборе, одолев которые ты оказывался с той стороны, на стройке. Ну, охрана там торчала у ворот, в другом совсем месте, и чаще всего сидела в будке и не высывалась. Но если что, с ними и договориться можно было: что там с этого здания, убудет что ли, если где-нибудь на подоконнике – не на полу же! – мы тут с девушкой немного чики-поки поделаем?

Так что я знал обстановку, знал девиц – постоянно менявшихся, не резон им было наверно надолго задерживаться в

таком убогом дешёвом месте! – ну и знал хозяина. То есть хозяйку: старую наглую шалаву, пергидрольную блондинку лет пятидесяти, совсем немного превосходившую меня по росту и не смотревшую, как другие, сильно свысока. У неё имелся помощник – крепкий детина, такого же возраста и с самым разнообразным опытом, то есть где-то когда-то служивший, потом сидевший – уж не знаю за что – и в конце концов прибившийся к ней, Марине Львовне, в одиночку пытавшейся тащить нелёгкое хозяйство. Его звали Виктор, Витя, Витюша: крепкий красномордый мужик реагировал в-общем на все эти имена, обеспечивая, можно сказать, крышу вольного частного заведения на паях. Заведение было мелкое и явно нуждалось в усилении, и когда я предложил свои услуги: они меня взяли!

Работка у меня оказалась не самая сложная, но ответственная: девки были приходящие, ненадёжные, не то, что в каком-нибудь приличном месте, где чуть ли не квитанции с чеками выдавали – нет! – за ними был нужен глаз да глаз, постоянный так сказать присмотр, и от опасных клиентов, и от их собственной жадности и глупости, они ведь тоже работали за процент и норовили, разумеется, часть выручки зажулить.

В-общем, вдвоём Мария Львовна и Витя не справлялись, и я стал для них надёжным и верным помощником. Нет, правда-правда, кто лучше ещё мог прощупать завершившую смену девицу и извлечь у неё из тайного кармашка заныкан-

ные купюры! Они сразу меня возненавидели: если б вы знали, в каких местах они умудрялись прицепить тоненькую зелёную пачку, да-да, в том месте, отдохнувшем после трудовой смены, тоже! – так что моя помощь позволила резко увеличить сборы. Подваливая на плешку, я доставал маленький блокнотик и карандашик, и, сидя со всеми удобствами на одной из скамеек, отмечал: сколько клиентов сегодня заарканила Светочка, как долго отсутствовала с очередным «масиком» Мариночка или сколько времени была баклуши Тamarочка, рыжая такая стервоза-малолетка. К каждой требовался ещё и свой подход, у каждой имелись персональные особенности, с которыми приходилось считаться: та же Тамара, к примеру, никогда не церемонилась с клиентами и могла, после всего, послать их далеко-далеко, что произошло лишь её юным возрастом и шикарной рыжей метёлкой на голове. Больше там таких не всплывало! Она была вне конкуренции, особенно на фоне некоторых других, не державшихся за такую работу и не задерживавшихся на плешке надолго. Однажды подвалив к Марии Львовне и рассказав ей свою грустную историю, они по несколько месяцев – в мороз и холод зимой, и соответственно жару и зной летом – несли нелёгкую службу, чтобы потом однажды – проворовавшись и устроив скандал – сбежать в неизвестном направлении. Ну и скатертью дорога! У Марии Львовны всегда на примете имелась парочка подходящих кандидатур, парочка претендентов на освободившееся вакантное место, так что за

редкими исключениями она спокойно расставалась с девицей. «И обратно можешь не приходиться!» Нет, я хорошо понимал Марию Львовну и полностью был на её стороне, чтоб тут всякие шмакодявки выставляли нам сомнительные условия?! Получаешь свои пятьдесят процентов – живи и радуйся, что не сорок, что не тридцать, как в каком-нибудь элитном заведении, где с тебя целыми сутками слезать не будут! Мы ведь предоставляли им в некотором смысле свободу выбора и не самый напряжённый график. А медицина: ничуть не хуже, чем в тех самых заведениях, обстояли у нас дела с медицинским обслуживанием, лечением уже случившихся неприятностей и предотвращением будущих, которые, не желая считаться со строгими предупреждениями, пытались занести распалившиеся наглые жеребцы. В таких случаях я уж помочь никак не мог, на такой случай я вызывал Виктора, который и ставил на место не желающего считаться с реальностью чела.

Но и Виктор не всегда успевал помочь, так что работка у обслуживавшего наших девиц доктора всегда имелась. Нет, у нас получился слаженный хороший коллектив – Мария Львовна, Виктор, Николай Прокофьевич – врач, – и я – Хорёк: вот только денег мне перепало очень мало, и это и становилось главной моей печалью. Процентом пять, примерно столько отстёгивала мне после вложенных трудов сердобольная Мария Львовна: я уж, конечно, никак не мог проверить точность её бухгалтерии, которую она вела лично, не

доверяя больше никому. Да и кому другому можно было доверить тайны нашего маленького дворового публичного дома на паях, включавшего обычно, помимо нас четверых, ещё пять или шесть сотрудниц основного производства? Больше просто не могло поместиться в занимаемой нами нише, конкурентов – и занимавшихся делом в удобных и даже элитных квартирах, и таких же голодранок, как наши – было во круг хоть отбавляй, и нам же требовалось обеспечить девицам достойную зарплату. Они бы сразу разбежались, уйдя в свободное плаванье или прибившись к другим фирмам, где дела строились на правильной коммерческой основе, на той же хорошо организованной рекламе и разумных правильных скидках для постоянных клиентов.

Это я уж хорошо понимал и даже принимал посильное участие в процессе. Ну то есть обеспечения сбыта продукции. Я же – помните? – рассказывал вам, как снимал всякий компромат, работая у Владимира Семёновича. Так вот сам процесс съёмок мне тогда очень понравился, и я давно уже имел свой фотик, который как раз в новом месте оказался очень кстати. Так что дополнительно я устраивал фотосесии нашим девицам, отдавая потом лучшие снимки Марии Львовне. Да-да, я почти стал фотохудожником: заперевшись с очередной девицей в квартире Марии Львовны – ведь требовалось представлять товар в лучшем виде, в самой шикарной и дорогой упаковке! – я снимал цыпу в разных ракурсах и позах. Шаловливые мордашки, раскрепощённые позиции,

разнообразные наряды и приспособления для украшения на фоне приятной и ласковой такой обстановки должны были навеять любому клиенту, что он попал куда надо, что о нём тут позаботятся и ему не придётся жалеть тех денег, что он отдаёт за визит. Наша артель имела и название – кажется, «Клио», да-да, Марии Львовне, я помню, очень нравилось это слово, имя какой-то, кажется, богини. Адрес в рекламе, разумеется, не стоял: не могли же мы выложить карту района с обозначенной в подробностях плешкой? – но имелся телефон, нет, два телефона, разумеется, мобильных, находившиеся в распоряжении нашей основательницы и хозяйки. В этом заключалась её главная работа: договариваться с клиентами, обсуждать значимые детали и подробности предстоящей встречи. Ну и завлекать, завлекать. Не всем ведь нравилось, что у нас нет своей хаты – хотя бы одной – и клиенту придётся либо вести девицу к себе, либо соглашаться на походные и можно сказать антисанитарные условия.

Много ли клиентов подваливало? Да хватало: сляпанная мною реклама неплохо так поднимала боевой дух, ну а актёрские данные Марии Львовны довершали дело. Она в театре могла играть: каких-нибудь баб или старух, вкрадчивых, но наглых и нахрапистых. В-общем, убедить могла любого, ну а девочки уж старались как могли. Так что дела у заведения шли неплохо – я вам точно говорю! А раз в месяц мне – и ещё Виктору – полагался маленький бонус, приятное такое дополнение к основному заработку. Ну, вы понимаете?

Отработка это была, отработка, когда одна из девиц уже со мной – на безвозмездной так сказать основе – своё мастерство отработывала. Да-да, наглым стервочкам приходилось и меня обслуживать, и это после всего, после шмонов, после обысков, после того, как я своим указательным пальцем – а как ещё? – выколупливал у них левые заначки – им ещё приходилось и спать со мной!

Чего они явно не жаждали и предварительно бросали жребий: кому я сегодня достанусь! Так что понемногу я их всех перепробовал: и рыжей стерве Тamarочке однажды тоже пришлось миссию выполнять. Она-то и оказалась лучшей: что я видел ясно и до того, не просто так ведь мужики к ней липли, как жирные вонючие мухи на сладкое. Ну и из-за неё я в итоге и погорел.

Как погорел? Ну, дело было долгое, невнятное, в-общем: я сам оказался виноват. Я же рассказывал: платили мне мало, на жизнь только и хватало, но я ведь так не привык. Так что решил я слегка подхалтурить. В-общем, работала там одна девица, относившаяся ко мне совсем не так, как остальные, так что против отработок со мною она совершенно не возражала. Я бы сказал даже – радовалась, насколько это было возможно для продажной девки и тех отношений, что нас связывали. И решил я – с её помощью – слегка пополнить свой бюджет, поправить своё хилое финансовое положение, не забыв, разумеется, и её интересы. То есть мы договорились с нею, что некоторую сумму от заработка оставляем у

себя, а потом делим: она берёт себе две трети, а я – уж так и быть – одну треть: за молчание.

У нас неплохо получилось: я помню, как в первый же месяц отложил три сотенные зелёные бумажки в заглашник, давно уже не пополнявшийся и сильно истощавший. Там оставалось совсем немного! А чтобы потуже его набить, я решил подключить и других девиц, на таких же примерно условиях, и почти это сделал, не вызвав особых подозрений у Марии Львовны. Я много раз говорил ей тогда: что не сезон, и клиентов мало появляется.

Со мной тогда сотрудничали уже четыре девицы из шести, находившихся в штате: мы задуливали процентов двадцать или тридцать от заработков, что влияло безусловно на бюджет фирмы. Ну и насрать! Старая жидовка слишком много себе под задницу хапала, так что некоторое перераспределение стало просто восстановлением справедливости. Я что: за здорово живёшь должен был вкалывать что ли?! Ну и в конце уже – когда мы так хорошо сработались, и до идиллии не хватало совсем чуть-чуть: я решил вовлечь в свои дела и Тamarочку. Осторожно так переговорив, я получил согласие: она абсолютно не возражала, так что всё становилось просто тип-топ!

Но именно она – коза наглая – и сдала меня, сдала просто, со всеми потрохами, без всяких видимых причин выдав меня хозяйке и выторговав себе прощение. И хорошо: что она не знала о других, меня бы тогда Виктор просто убил и

в землю закопал, по указанию Марии Львовны!

Наверно, дура рыжеволосая просто по пьянке проболталась: она ведь была ещё и дурой с девятью классами образования из какой-то несусветной дыры на краю света и начинающей алкоголичкой, так что вряд ли дальше её ждала хорошая перспектива, но всего этого я уже никак не мог узнать. После беседы в узком кругу – Мария Львовна, Виктор и я – меня, можно сказать, уволили по статье: да-да, пергидрольная жидовка ещё смела издеваться и приписывать мне несуществующие грехи, мою якобы халтуру и плохое выполнение обязанностей! Знал бы я, что она такая гнида, я бы уж давно свой маленький бизнес наладил, хотя и то, что успел отложить за несколько месяцев, помогло немного перекантоваться. У меня ведь по-прежнему не работали руки, точнее кисти рук, и прежнее мастерство не желало возвращаться, так что без постоянной работы было никак нельзя.

Паршивый характер? Что вы сказали: у меня – паршивый характер?! Ну не знаю, не знаю... Посмотрел бы я на вас, если бы вас так переехала судьба. А у некоторых местных сидельцев характер такой, что я на их фоне почти как ангел буду выглядеть... А вообще я заслуживал больше, чем в итоге получил – правда, правда! – только кого это теперь интересует? И подработка в публичном доме – это ведь тоже было не для меня, там любой мелкий гопник справился бы не хуже. Но как-то особого выбора мне никто не предлагал, одно только утешало: тому, кто невысоко взлетел – сильно

падать-то потом не приходится!

А вы думаете: что намного лучше меня? Не знаю, не знаю... Сейчас ведь принципы-то примерно одинаковы – почти для всех – просто условия разные. Ваши папа с мамой кем трудятся? Да ладно, да чего уж там, я ведь не требую точные должности с конкретным местом работы. Мать – учительница, ах, даже директор школы, а отец – прокурор? Ну вот и ясно всё с вами! А если бы гопниками были: вы бы тоже сейчас диссертацию на такую интересную тему писали – что-то там насчёт перевоспитания уголовников, кажется? Не смешите меня только: мне бы вашу уверенность, я бы тогда неизвестно чего достиг ещё. Хотя и терпеть не могу нынешние принципы, без которых шансов-то почти никаких.

Что за принципы? Мне как-то один умный мужик за бутылкой пива объяснил, он тоже был не из тех, кто сильно преуспел, но башка у него была светлая. Он мне даже всё точно сформулировал: вкалывай, размножайся, подчиняйся. Чего он явно делать не спешил, и потому часто в том заведении ошивался. То есть так он обозначил принципы общие, так сказать – для широких масс, чтобы не выпасть из струи и хоть чего-то достичь. Хотя чего при таком подходе-то достигнешь! Ну то есть вкалывай – это понятно: работать требуется много, без труда и рыбку ведь не вытянешь... То есть тут можно согласиться.

Насчёт размножения: не знаю, не знаю. Я ведь рассказывал о своих отношениях с девицами, так что для меня дан-

ный пункт как-то был не актуален. Ну а третье: только для лохов, для послушных баранов, не умеющих думать и жить своей головой. Я ведь до такого точно никогда не опускался, так что для меня подобный подход был абсолютно неприемлем, неприменим в практической так сказать жизни. Стал бы я разным дуракам и бездарям подчиняться – ещё чего!

Но когда я с Марией Львовной и остальной компанией простился: то стало мне как-то тоскливо. Правда-правда: кореша от меня ушли, по тем или иным причинам, ловкость рук – главное моё профессиональное достоинство – так и не восстановилась. А в одиночку разные аферы устраивать: тяжело было, я ведь уже рассказывал, как меня чуть за жопу не взяли, когда я кирпичи в красивой упаковке болванам втюхивал. Мои описания – вместе с многочисленными подвигами – должны были хорошо так накопиться у ментов, так что я просто боялся. Кому ж из бывших сидельцев захочется снова в зону! А деньги-то постоянно текли: у меня и раньше было их не слишком много, несмотря на умения и способности, а уж теперь-то... Я у Марии Львовны то семьсот долларов получал, то восемьсот – не пошикуешь! Так что когда я понял, что с аферами и прежней жизнью облом намечается, то решил вспомнить то дело – одно из немногих! – которое более-менее знал и на которое был ещё способен.

То есть нет: я пытался, я старался найти то, что было у меня когда-то и помогало неплохо зарабатывать! Я подавил в себе обиду и сходил в тот хозяйственный магазин, где оши-

вался когда-то, но не было там больше никакого Николая Наумовича, как и самого магазина: бывшее помещение, заодно с соседними площадями, занимал новый элитный универсам, такой элитный, что я даже и не подумал чем-нибудь там поживиться. Внимательные продавцы – вместе с несколькими замеченными мною камерами – отвратили всякое желание попробовать один из старых фокусов: не хватало мне ещё тут вляпаться по полной программе!

В фирму Владимира Семёновича я не пошёл: там всё было явно безнадёжно и бессмысленно, они ж сразу честно предупредили. Хотя я б с большим удовольствием вернулся к старому делу! Но даже если бы они и согласились, то как мог вернуть я ловкость рук, так неожиданно утраченную? И в какой-то момент я совсем заскучал и опустил ся.

Нет, я не пьянствовал – упаси боже! – но ведь я не мог оставить мать одну заниматься обеспечением: и поскольку большие деньги не шли ко мне, то я опустил ся до того, что стал сшибать копейки – по мелочам. Одев подвернувшуюся рвань, я уходил из дома куда-нибудь неподалёку – в соседний район, где меня не слишком-то знали – и приставал на улице к прохожим. «Дядь, дай пять рублей, мне на хлеб не хватает!» Примерно в таком духе клянчил я на улице деньги у прилично одетых мужчин, и с соответствующим обращением – у женщин. У меня неплохо получалось: часа за три я мог набрать столько, сколько выдавал раньше матери на текущие расходы, и по крайней мере поддержать её. Хотя

о чём-то другом думать уже не приходилось, здесь я был в полном ауте.

Так что постепенно я пришёл к мысли, что без работы не обойтись: тем более что все и так уже понимали, что я болтаюсь без дела, и долго продолжаться так не могло.

И именно поэтому я и решил вспомнить, чему меня там учили на курсах – уж сколько лет назад! – и возобновить свою официантскую карьеру. А чем бы я ещё мог зарабатывать, зарабатывать прилично, не роняя своего авторитета и достоинства – что было для меня не менее важно! – и в полной мере поддерживая авторитет моего любимого зверька, имя которому – хорёк!

Х

Здрасьте-здрасьте. Неудачно вы как-то сегодня пожаловали. Нет, я ничего не хочу сказать, просто у нас тут прогулки на воздухе – большая редкость, а сегодня мне её сильно сократили, когда узнали про ваш визит. У нас ведь подобные вещи происходят раз в неделю, по два часа, когда всех сидельцев – ни в чём не замазанных – сопровождают в маленький внутренний дворик, разделённый на клетки – почти как в зоопарке! – и каждая зверюга может пару часов полюбоваться на небо. А также на тучи, на облака, на разгуливающих сверху вертухаев, следящих за каждым нашим движением и словом, ну и на решётки сверху. Про небо в решётку слышали? Вот это оно самое и есть, в дополнение к тому виду, который каждый может здесь наблюдать в своей

личной камере. Но выбора особого не возникает, и каждый – если не болен и адекватен – ни за что не станет пропускать такую прогулку: запланированный заранее почти что выход на свободу.

Но я вам ещё и очень благодарен: кто же захочет послушать здесь признания почти невинного – на фоне большинства местных сидельцев – зека, не гнобя его и частично обнадеживая? Я даже матери уже третье письмо отправил с описанием наших встреч, и она тоже хочет сказать вам спасибо. Она надеется дождаться меня! А чтобы не разочаровать её, я стал в последнее время приводить себя в форму. То есть я стал заниматься физкультурой, делать гимнастику, отжиматься, ну и делать всё, что возможно в таких условиях. Меня никто этому особо не учил, но я сам, можно сказать, придумал некоторые упражнения, и тренирую теперь не только мозги, но ещё и тело.

Было бы неплохо скостить со срока целую пятёрку: я тогда выйду отсюда в пятьдесят четыре года, матери будет под девяносто, так что ничего ещё не потеряно! А вы, кстати, ещё долго меня собираетесь навещать? В-общем-то, я уже рассказал большую часть моей жизни, и осталось совсем немного. Ещё один раз?! Хорошо-хорошо, я как раз уложусь. Но – если что – я с удовольствием с вами ещё пообщаюсь, если вы не против. Ладно, будущее покажет...

А то, что вы сказали в прошлый раз, что у меня паршивый характер: тут я не согласен. Но я же Хорёк! Я не собираюсь

спускать никому хамство и небрежность в мою сторону, наглые паразиты – все без исключения! – должны понимать, с кем имеют дело, и почему нельзя безнаказанно трогать меня, я ведь ничуть их не хуже! И если что: я и тяпнуть могу!

Помню, однажды случился со мною такой эпизод. Переходя улицу – абсолютно правильно, по предназначенному для этого переходу на зелёный свет – я успел заметить машину, летевшую напролом и собиравшуюся таранить идущих. Я остановился: машина промчалась мимо, никого не задев. Когда же я перешёл улицу и двигался куда-то дальше, то увидел тот же драндулет: высунувшееся из окна малолетнее обдолбанное чмо жалобно искало кого-то глазами, пока не наткнулось на меня. Дикая ярость заполнила меня: наглый ублюдок, только что чуть не устроивший аварию, уже подъехал сбоку, и, приняв за мальчика, спрашивал название какой-то улицы. Что я мог сделать? Мне хотелось подскочить к нему, ударить ему тяжёлой палкой по башке, вцепиться в глотку и разорвать её! Но я сделал по-другому: сцепив волю в кулак, я сквозь зубы показал ему направление, прямо противоположное тому, где на самом деле находилась улица, чтобы хоть так наказать недоступного моей власти подонка и негодяя.

Я действовал именно так! А что ещё оставалось, при моих мелких габаритах и дохлом небогатырском скажем прямо здоровье? Будь я здоровым лбом: я бы впечатал свой крепкий кулак в наглуую пропитую и обкуренную харю, ничуть не задумываясь, и был бы вправе так сделать. Я бы собой тогда

гордился!

Но – понимая свою слабость – уже тогда я задумался о том, как можно защититься от негодаев. Складной нож, простенькое такое изделие с пластиковой ручкой и восьмисантиметровым лезвием, ещё в школе постоянно болтался в моей сумке, но разве мог помочь он в случае реальной опасности, разве защитил бы меня – с маленькими хилыми ножками и физической неспособностью дать отпор нормальному взрослому человеку – от настоящего покушения? Нет, один раз нож меня выручил, и то не столько нож, сколько накопленная ярость, выплеснувшаяся на цыган, устроивших нападение. Но и то: мне повезло тогда, и они могли поймать и искалечить, а может даже и убить, так что уже тогда я серьёзно задумался о настоящем оружии, тем более – как я рассказывал вначале – меня ведь всегда привлекали пистолеты!

Но в тот момент – когда я уже совсем опустил ся – в первую очередь я думал всё-таки о работе. Я снова попёрся на биржу труда – которую не посещал несколько лет и надеялся никогда больше не видеть. Помню, какую рожу скорчили там, когда я предъявил свои документы: последнее место работы – пять лет назад, когда несколько месяцев я трудился в той кафешке, откуда в конце концов со скандалом сделал ноги! Не мог же я им громогласно объявить, что я – некоронованный король преступного мира, что последние пять лет вертел я их всех на одном месте, и вертел бы и дальше, если бы не посланный судьбой несчастный случай, который чуть

не привёл к инвалидности и мог отправить на тот свет, из-за чего мне и пришлось – смирившись – прийти к ним почти что на поклон?

Но работку они нашли довольно быстро: уже через неделю я осваивался в новом качестве, борясь с накопившимися привычками и застарелыми недостатками. Я ж все последние годы, можно сказать, как сыр в масле катался, не утруждался большими нагрузками и ощущал себя при этом большим человеком. Да я и был им! Так что смена декораций оказалась малоприятной: то кафе, где меня взяли в качестве официанта на полную ставку, находилось в пяти остановках метро от моего дома, в оживлённом бойком райончике, и предполагало напряжённый насыщенный рабочий график, с которым ещё надо было суметь справиться.

Нет, правда-правда: я никогда ещё не пахал так много, а после первой недели – отлёживаясь в нашей комнате на диване и отсыпаясь от долгого кошмара – я уже собирался линять оттуда. Да там никто долго и не выдерживал: кольцевая линия метро и расположенный неподалёку вокзал – один из нескольких в столице – приводили к постоянному нашествию самых разных клиентов. Москвичи-то ещё были ничего, чего никак не скажешь о выходцах из разных кишлаков и аулов – правда-правда! – с тупым ослиным упрямством пытавшихся делать то, чего делать было нельзя. Скромное небольшое кафе постоянно выдерживало набеги гостей с востока: они ж не знали элементарных правил и не соблюдали

всем известных приличий, они могли припереться со своими напитками – каким-нибудь домашним самогоном – или даже своей едой, и помимо обычной официантской мутотени там приходилось быть ещё и надзирателем. Просто обхочешься!

А чаевые: это был вообще позор... Многие норовили их не заплатить, нагло отвертеться, делая вид, что не понимают, что мне ещё от них надо. Или оставляли часть еды, пытаясь жалкими объедками рассчитаться со мною. Спасибо! Несчастные объедки и так уже становились нашей законной добычей – моей и ещё троих парней, трудившихся в тот момент со мной официантами. Бабы там вообще не выдерживали! И физически, и от наглых ухмылок и приставаний, так что исключительно только хорошая зарплата держала людей там и не давала разбежаться. Там был ад!

Но черти, носившиеся по этому аду с подносами, были ничего: только из-за них я не плюнул на кафешку уже через неделю и продержался там несколько месяцев. Да не, почти целый год я трудился в местном филиале ада, обеспечивая его посетителей пищей и напитками, чаще всего простыми кружками с кипятком, в котором уже сами посетители заваривали выбранные разновидности чая, или размешивали кофе с дополнительными ингредиентами – сахаром и сливками. Много ли можно было слупить дополнительно с таких жмотов и скупердяев, заказывавших какой-нибудь коньяк рюмками, а вино – бокалами, полностью осушаемыми

под конец трапезы? Если кто-то и брал бутылку, то норовил уволочь её с собой, заткнув горлышко пробкой, которую я лично выковыривал у них на глазах в начале. Это с моими-то руками! Я хочу сказать, что прежняя ловкость так и не восстановилась, и мне приходилось совсем несладко, когда я таскал наваленные с верхом подносы сначала с кухни в зал, а потом наоборот.

Жратва там была в-основном самая простая: никаких жульенов или заливных, нет! – простые супы – типа щей или ухи, несколько главных гарниров – картошка, рис, гречка; десяток мясных и рыбных блюд, ну и десяток салатов. Там было совсем не романтично! Скажу честно: я не очень понимал, зачем в таком нищем кабаке требуются официанты, они бы все могли сами заниматься самообслуживанием, но хозяин заведения, видимо, считал, что так будет правильно, ну и приличные клиенты иногда тоже всё-таки подваливали.

Приличные клиенты – это те, кто брал столик и заказывал хотя бы долларов на пятьсот, нет – лучше на тысячу. Сотня от таких обычно перепадала, от какой-нибудь парочки или приличного делового мужика, решившего по недоразумению забрести в насыщенное гиблое место. Нет, оформлено заведение было неплохо: отдельное здание, ажурная пластиковая конструкция, деревянные крытые лаком столы с такими же деревянными креслами, пластиковые плафоны на потолке, заливающие всё ровным белым светом, ну и мы: четвёрка смелых, держащих пространство под своим стро-

гим контролем.

На каждого приходилось по десять столиков, маленьких коричневых квадратиков, с лежавшими на гладкой поверхности менюшками. Но меню выглядели позорно: весь список продуктов и напитков просто аккуратно размещался с двух сторон обыкновенного бумажного листа. Ну, плюс шапка сверху, с названием кафе – «Европа» – адресом и телефоном. Я сам видел, как жалкие отстойные промокашки печатались в подсобке на принтере – да-да, они даже не считали нужным завлекать и привлекать гостей хоть какой-то приличной рекламой. Да и зачем: место там было оживлённое, и желающих всегда хватало, ну а отдуваться приходилось поварам и нам: попавшим в самое месиво официантам.

Соратников по несчастью, как я сказал уже, имелось трое: два молодых ещё парня – Артём и Игорь – и мужик моего возраста, даже немного старше: Николай. Мне уже перевалило немного за тридцать, у меня уже подошёл, как это называют, «возраст Христа»: но в том месте на подобные мелочи плевали. Всё было просто: тянешь работу – значит молодец, а нет – пшёл на хрен! С большими усилиями я тянул, так же как и трое других, они ведь были обычного роста и сложения, хотя и совсем не богатыри, так что угнаться за ними я вполне мог. Артём и Игорь были обычными оболтусами, лет на восемь моложе, ничего кроме школы не кончавшими и никуда вообще не стремившимися. Так что куда им ещё было идти, как не в официанты, не на завод же, в конце концов?

Я ничего против работяг не имею, но какой же современный молодой парень пойдёт – сам, по своей воле! – куда-нибудь гайки крутить? И эти двое были вполне себе современными молодыми оболтусами: мечтали о машине – разумеется, иномарке – красивой тёлке и своей квартире, и работали из-под палки, пили пиво по вечерам, копили понемногу деньги и дрочили на всех красавиц, попавших в поле зрения. Да, и ещё они были фанатами: оба уж не знаю сколько времени болели за «Спартак» и непременно посещали все футбольные матчи, проходившие в столице, так что с накоплением денег, я боюсь, получалось у них не слишком хорошо. У меня с болением достаточно просто: я всю жизнь болею за сборную, а внутренние там разборки, кто круче и сильнее – ЦСКА, Динамо или Спартак – всегда как-то проходили стороной, и только там я впервые столкнулся с фанатами. Причём с ребятами заводными и горячими, входившими даже в какую-то банду, воевавшую с конкурентами. Но когда они меня на эту тему спросили, я просто им всё так и объяснил, так что недоумений в данной сфере никаких не возникло. А однажды они меня с собой на матч затащили – впервые в жизни в фанатский сектор! – так что слегка я нюхнул и этого пороха, решив больше никогда с подобным не связываться.

Матч был чемпионата страны, причём рубился Спартак с кем-то из главных конкурентов, рубился серьёзно и я бы сказал отчаянно, перенося эмоции на трибуны, отвечавшие ему таким же безобразием. Не, раньше-то я пару раз на подоб-

ные мероприятия тоже заглядывал, совсем, с другой, правда, целью и задачей, но попав в плотное окружение оравших во всю глотку фанатов, я даже как-то расстроился. Они визжали и ревели, матерились целый матч, не давая мне спокойно посмотреть – что же там такое происходит, всё время вскакивая с мест и закрывая обзор. Шмонать мелочь по карманам я не мог, игра совсем не вдохновляла: жилистые бугаи на поле за полтора часа родили два мяча – по одному в каждые ворота – так что больше с парнями на футбол я не ходил.

Да и вообще куда-то ходить после подобной работы совершенно не хотелось: не забывайте про мои физические данные, про мелкий рост и хилое здоровье, которое вряд ли могло сильно улучшиться после серьёзной беготни. Хозяина ведь не интересовало – как я себя чувствую, хорошо ли накануне спал, всё ли меня устраивает на работе и вокруг неё. Тут я смело могу сказать: что почти ничего мне на самом деле не нравилось, толпы наглых бомжеватых приезжих с дальних окраин бывшей империи могли кого угодно отвратить от такого заведения, что в конце концов и случилось. Трое моих товарищей по несчастью ещё как-то держались, кто бы их взял в какой-нибудь дорогой ресторан или место, где они получали бы хорошие деньги, не надрываясь при этом как каторжники на галерах? Да-да, я дал хорошее сравнение: каторжники на галерах. Нет, я бы не стал возражать, если бы оказался на галере в совершенно другой роли – надсмотрщика, или, к примеру, помощника капитана, прокладывающего

маршрут по неверным сомнительным водам, но грести вёслами – огромными деревянными палками – было совсем не по мне. Я, если можно так выразиться, еле удерживал своё весло, барахтая им в окружавшем меня вязком сомнительном бульоне, из которого с трудом уже выуживал средства для поддержания штанов. Да, именно так: и в прямом, и в переносном смысле! Я даже отощал тогда, хотя никогда раньше и так не был толстым или хотя бы упитанным, но подобные ежедневные скачки просто доконали меня. Я стал почти как муха: не хватало только крыльев, чтобы взлететь и подняться над гадским проклятым миром, и потом нагадить ему на башку. Нет, желание нагадить другим – особенно большим, жирным и наглым – всегда сопровождало меня, я никогда не переставал мечтать о том, как сделаю паразитов, как докажу им, что я – *лучше*, что я – *сильнее*, и что не я, а они должны уступать мне дорогу и давать доступ ко всему, что я только захочу! И не относиться как к какому-то мальчонке, которого всегда можно пнуть и отодвинуть в сторону, отобрать принадлежащее мне и остаться при этом в целостности и сохранности.

А так свои амбиции я удовлетворял по мелочам, когда большие и наглые не видели и не могли вмешаться. Помню я такой случай: однажды забрёл я, гуляя по центру, в какую-то галерею, причём в тот момент там шла выставка современных художников – шутов гороховых, любящих из разного говна слепить подходящую конфетку. Походил я по залам,

полюбовался на творения – кривые непонятные художества, куски дерева, выпиленные жутким неестественным образом – не бывает так! – и прочую мутотень, и решил внести свой вклад. Там ещё художник один ошивался: здоровая оряси-на в вязаной кофте, с кем-то упорно беседовавший, кому-то что-то доказывавший, и – я помню! – с тихим презрением посмотревший в мою сторону. Именно это презрение дорого обошлось ему: ну или повлияло на то, что я сделал, не знаю уж, как была воспринята моя выходка. Что я сделал? В-общем, ничего особого: когда в зальце с деревянными хреновинами стало пусто, я достал приготовленный заранее кусок мела и написал на трёх или четырёх конструкциях – особо выдававшихся в высоту – одно словечко из трёх букв, так чтоб ни у кого не возникало сомнений, что они тут видят. Как про такое ещё говорят: фаллические символы! Художник, вполне возможно, именно их и имел в виду, именно такие подспудные мысли двигали им, когда из больших жирных брёвен выстругивал он эти ни на что не похожие хреновины, так что я просто придал им окончательный смысл, чтобы никто в нём больше не сомневался.

Или ещё: любил я иногда слегка обгадить расставленные повсюду мерседесы-пэнсы, многочисленные забивавшие улицы и дворы порше-меганы и рено-кайены, ну и прочую металлическую рухлядь, расплодившуюся в последние годы. У вас тут, в провинции, наверно, нет ещё того изврата, у вас тут нет того явного переизбытка заграничного мусора, что

забил улицы столицы, а мне каждый день приходилось иметь с ним дело. И чем дороже драндулет – тем больше амбиций и наглости, тем хуже они относятся к тебе, а особенно к таким как я. Что в конце концов не могло не привести к печальным для них последствиям.

Да я просто время от времени слегка портил им технику. Там ножичком царапну, здесь гвоздиком пройду, ну а нассать на переднее или заднее колесо, когда никто не видит: это уже верх совершенства, последний писк, главное только, чтобы не застукали тебя за интересным увлекательным занятием, и не взвыла резким воплем установленная надёжная сирена, и не выскочил из подъезда разъярённый злобный хозяин, собираясь наказать и проучить.

Один раз я почти что пострадал после подобного инцидента: а воплей-то было, воплей, как будто я украл или изуродовал тот несчастный мелкий драндулет заграничного производства, по которому всего лишь слегка прошёлся ржавым гвоздём! Однако хозяин оказался неподалёку: жалкая дребезжащая сирена взвыла, и хозяин – жирный злобный жлобина – сразу ломанул в мою сторону, и спасло меня только то, что неподалёку находилась станция метро, и я удачно затерялся среди обычных людей, не позволив догнать себя.

Да, были у меня и такие случаи! Но жизнь в-общем стала неинтересной и вымученной, при таких диких нагрузках разве мог я чему-то особо веселиться и радоваться. И когда я окончательно понял это, то сменил работу. Я привык уже

к не самому богатому существованию, и без всякой боязни ушёл в другое место, где платили не так много.

У меня уже имелся некоторый опыт, так что в тот маленький новый ресторанчик меня взяли спокойно. Тем более что ресторанчик был с азиатским уклоном, и там специально подбирали мелких по росту официантов. Это, наверное, чтобы вызывать гордость у клиентов – всяких азиатов, из дальних и ближних стран, где совсем не богатыри составляли большинство. Там же все такие мелкие и пузатые, что при сравнении со средним москвичом они ощущали себя неуютно, ну и чтобы неловкость убрать, владелец ресторана и подбирал низкорослый персонал. А также брал людей разных национальностей, так что коллектив – в котором я отработал больше года – отличался большой пестротой и многообразием.

Официантов – вместе со мною – оказалось шесть человек: татарочка из области, две узбечки из Ташкента, весёлый вечно улыбающийся якут, я и вершина нашей экзотики: негритянка, чёрная как уголь и живая как вода.

Негритянка, как я понял, добралась сюда из Нигерии: где-то она в Москве училась, пока её не выперли, и для поддержания существования ей пришлось устроиться на работу. Несмотря на пестроту мы неплохо ладили: каторга-то была общая на всех, и на всех был один хозяин, временами добрый, временами не очень, ну и чего нам, в конце концов, было делить?

Хозяин был тоже азиатом, то ли узбеком, то ли таджиком, я так и не понял этого, давно уже обосновавшимся в Москве и выбившимся наконец в люди. Ну то есть вылезшим из грязи в князи: я до сих пор помню его цепкий придиричивый взгляд, хитрую лукавую улыбку, когда он брал на работу и когда потом уделял внимание по разным поводам. Особых поводов в-общем не возникало, мы старались не допускать никого до наших маленьких тайн, скромных секретов, некоторые из которых могли не слишком ему понравиться и привести к печальным для нас последствиям.

Плюнуть в суп, попробовать все блюда, которые хочется, высморкаться в какое-нибудь желе непонятного происхождения, цвета и консистенции, наконец: обжулить клиента, недодав лишнюю сотню: это использовали все мои товарищи по несчастью, оказавшиеся в данном негостеприимном месте. Кое-кто позволял себе и больше, особенно после того, как посмотрел один фильм и рассказал его содержание. Может, вы тоже видели: «Бойцовский клуб» называется, там не только про драки, но и про официантов. В фильме главный герой работает официантом и позволяет себе такое, что даже самые отвязные не сразу решились попробовать. То есть он как-то нассал в суп клиента – что-то такое дорогое и изысканное, показавшееся клиенту ещё изысканнее, чем обычно. Ну и позволял себе другие вольности, которые мы тоже время от времени опробовали на оказавшихся в нашей власти болванах.

Нет, это становилось весело: смотреть на недоумевающе-го поца, слопавшего только что кусок курятины под видом кролика: если приготовить хорошо, как умели наши повара, то отличить их было затруднительно, ну а сэкономленная дорогая крольчатина потом оказывалась у нас в сумке, готовясь после в домашних условиях. Помните: чтобы сделать рагу из зайца, надо иметь хотя бы кошку? Почти так оно всё и происходило, в разумных конечно рамках и пределах, так что харчами мы все себя хорошо обеспечивали. Но обычно обходилось без экзотики: просто некоторое количество продуктов – попадавшее якобы на стол – перекочёвывало на самом деле в наши личные закрома, не говоря уж о том, что питались мы полностью за казённый счёт, что выглядело абсолютно естественно и оправданно.

Ну а коллектив – несмотря на разношёрстность – оказался удивительно дружным и слаженным. Даже Зита – нигерийка – ничем особым не выделялась из нашего маленького сообщества, а с татарочкой у меня случился даже маленький роман, в самом уже конце. Да, именно из-за этого романа – в том числе – мне и пришлось тогда уйти, почти не попрощавшись, обрубив, как говорится, все концы и спрятав их в воду. Потому что она уже начала догадываться: кто я такой, и что моё пребывание в общепите – в таком позорном в-общем для меня качестве – исключительно дело времени, и меня должна ждать совсем другая судьба, в принципе ей недоступная.

Постепенно, полегоньку-потихоньку моё главное достояние – руки – становились всё увереннее, иногда я давал им возможность вспомнить то, что они так ловко вытворяли прежде. Пару раз я тискал тогда кошелёк из карманов подвыпивших клиентов, уже закончивших расчёты и собиравшихся сваливать. Нет, голова у меня всегда была готова к этому, просто она ещё хорошо понимала, какие дерьмовые последствия ждут меня в случае провала, так что действовать следовало только наверняка. Именно пару таких верных моментов подстерёг я тогда, с заботой о надёжном алиби и отсутствии свидетелей. Никто в ресторане не знал о моём бурном прошлом, о полуторалетней отсидке и тех многочисленных делах и увлечениях, через которые я прошёл. Для них я был просто мелким рассудительным парнем, не самого юного уже возраста, много чего знавшим и умевшим, на которого они могли и положиться – в случае необходимости – но чью сущность они не видели. Разумеется! Разве стал бы я посвящать случайных малообразованных людей в метания своей души, разве стал бы открывать им свои немаленькие тайны, они всё равно ничего бы не поняли и не оценили, так что мои порывы гадкого утёнка, превратившегося в полноценного взрослого лебеда, так и остались им неизвестны.

Тем более что платить стали хуже: хитрожопый азиат – наш хозяин – то ли пронюхал, то ли почувствовал, что мы живём совсем не так плохо, как хотел бы он. Это касалось и нас, официантов, и поваров, искусников своего дела, совер-

шавших, как я уже рассказывал, время от времени свои маленькие чудеса вроде превращения курицы в утку и прочих фокусов. Крупных скандалов нам никто не закатывал, но и я, и другие заметили интерес в этом направлении, вылившийся наконец в пару незатейливых разговоров. Хозяин – жук хитрожопый – давно держал нас всех на подозрении, и хотел просто поставить себе на службу процесс экономии сырья, приносивший его подопечным немалую помощь, ну то есть он хотел, чтобы повара так же жульнически подсовывали дешёвое под видом дорогого, теряя при этом ещё и в весе, но всё сэкономленное шло бы исключительно в его карман, не давая нам ничего.

Так что когда его планы стали очевидны, я сделал ручкой: не ценил он мою уверенную надёжную работу, и вряд ли стал сильно расстраиваться, когда в тёплый осенний день я взял у него расчёт, и особо больше ни с кем не прощаясь (а с татарочкой специально даже поругавшись, чтобы не искала она меня больше!) оставил это заведение, чтобы испытывать дальше на прочность свою горькую незавидную судьбу.

XI

Добрый день, добрый день. А вот и вы: вторая большая удача за два дня, что даже как-то уже пугает и настораживает. Я о-очень рад вас видеть, особенно после вчерашнего визита матери, которая наконец добралась ко мне. Она и раньше здесь бывала – визиты разрешены два раза в год – но переться в такую даль из столицы очень уж тяжело, так что по-

следний раз она навещала меня уже давно... Но ваши поддержка и обещания, и всё то, что я благодаря вам получил и чего добился здесь: они очень помогают, и до матери тоже долетели свежие яркие порывы.

Она просила передать вам личную благодарность: кто ещё стал бы сочувствовать и помогать человеку в моём положении, ведь когда меня взяли и обвинили, то никто из родственников пальцем не пошевелил, чтоб сделать что-то полезное. Мамин брат и его семейка даже издевались надо мной: говорили нечто типа того, что Хорьком ты родился и Хорьком помрёшь. Ну-ну: жадные подлые крысы даже не дали денег на адвоката, хотя и могли это сделать, и получил бы я тогда не двадцать пять – по пятёрке за рыло – а лет пятнадцать. Хотя ладно, я тогда по порядку всё расскажу, не перепрыгивая с пятого на десятое, а то совсем я вас запутаю.

Я ведь, кажется, говорил в прошлый раз о том, что слинял из того ресторана, которым заправлял узбек этот: его, я помню, Насимом звали, но за глаза его «говнюком» обычно именовали. Если бы я знал, куда попаду после Насима и чем всё закончится! То есть я ведь не был рабом, и совершенно необязательно было так держаться за то место, и ситуация, вылившаяся в пять трупов: чистое стечение обстоятельств. Абсолютно точно!

Но ладно, дело было так. После прощания с Насимом и его заведением я немного отдохнул. Ну мог же я позволить себе такой расслабон, тем более что я не бездельничал. Ничего

подобного! Именно тогда я слегка приобщился к искусству. Правда-правда, я имею в виду не живопись какую-нибудь и не литературу, а главное, или одно из главных: кино.

Получилось это случайно: когда я шлялся как-то по улице, то меня окликнул мужик, оказавшийся сотрудником киностудии. Им требовался срочно мой типаж: маленький человечек с большим самомнением, мелкая роль без слов и почти без действия, так что мужик даже не стал интересоваться моим образованием, социальным положением и работой. Я сразу согласился: зачем же отказываться от того, что предлагают раз в жизни и не предложат больше никогда, и о чём многие только мечтают, даже не надеясь на самом деле получить?!

Оказался, разумеется, это не блокбастер какой-нибудь – кто бы меня туда взял! – а обыкновенный отечественный сериал. Ролька была действительно мелкая: на каком-то рынке в эпизоде я изображал барыгу с криминальными замашками и таким же криминальным прошлым, и те несколько секунд, что я провёл в кадре, стали лишь лёгким фоном для главных героев, то ли сыщиков, то ли ментов, охотившихся на добычу покрупнее. По ходу действия меня тогда взяли за шкирняк и положили мордой в землю, так что ничего нового и необычного по ходу действия я не увидел и не испытал, заработав за мелкие старания пару сотен долларов.

Мне сразу понравилось: получить за день работы без всякого риска и особого напряжения такие деньги – было совсем

неплохо, так что я предложил и дальше свои услуги. Я ведь любил смотреть сериалы – правда-правда! – и совсем неважно даже было, менты там трудились или какие-нибудь работники больницы, спасая людишек от угроз и опасностей. Просто нравилось смотреть, как они все напрягаются и усердствуют, работают для достижения какой-то своей цели, получая в итоге во многих случаях лишь кукиш с маслом или фингал под глаз. В то время как весь навар забирают себе другие: или те, кто сверху, или те, кто со всеми удобствами обосновался сбоку, используя жалких работяг в своих личных целях. Оно ведь так всегда бывает: когда я был в порядке и сам собою распоряжался – я ведь как сыр в масле катался, маленький такой плавленый сырок, но стоило подчиниться другим: и где я оказывался? Так что главное: быть себе хозяином и не давать никому собой распоряжаться и помыкать. Что мне в итоге и обошлось так дорого.

А что же касается кино, то два раза я тогда ещё попадал в кадр: такие же крошечные эпизоды, ничего не значащие персонажи, и только однажды я слегка отошёл от намеченного плана и вписал в искусство своё слово. Точнее не слово, а рожу, кривую похабную рожу с высунутым языком, которую я добавил под занавес, участвуя в эпизоде в сериале, который вы наверняка должны были смотреть. Его почти все смотрели, у кого есть телевизор и желание иногда хотя бы взглянуть на что-то современно-криминальное, но не откровенно примитивное, и именно там, в самом конце, в компа-

нии алкашей и дебилов, оказалась запечатлена моя радостная довольная физиономия, подводящая всему итог.

Я потом показывал матери заключительные кадры: она осталась довольна, не выражением лица, конечно, а самим фактом появления меня в таком новом качестве. Она даже хвасталась родственникам и знакомым, говоря им, что у меня начался, судя по всему, новый этап карьеры, и скоро я стану совсем новым человеком. Зря хвасталась! Скорченная рожа киношникам совершенно не понравилась, и больше меня никто не приглашал, так что пришлось снова спуститься с небес на землю. Ну, или вернуться к традиционным баранам. Воровать – несмотря на некоторое улучшение – я по-прежнему был не в состоянии, и снова пришлось устраиваться официантом. Поскольку в других качествах меня не воспринимали и брать явно не хотели.

Нет, из меня мог получиться приличный повар – правда-правда! – это ещё мать моя говорила, когда я вместе с нею на кухне готовил разные блюда. Сварить суп из курицы с овощами – раз плюнуть, пожарить картошку с рыбой – как два пальца об асфальт, не говоря уж про всякие там салаты или компоты. Я спокойно подменял мать, не считая готовку ниже своего достоинства, когда по какой-то причине она была занята, и вполне смог бы применить свои способности в кафе или ресторане, но кто бы мне это позволил!? Там ведь, кажется, тоже нужны официальное образование и дипломы, хоть какая-то корочка о специальном образовании пусть на

уровне завалящего ПТУ, у меня же в принципе не было ничего такого, так что пришлось смириться и пойти в подавальщики.

Вы знаете, когда я только начинал этим заниматься – лет в двадцать восемь – то не видел ничего постыдного. В молодости нет обидного в том, чтобы поработать в сфере так сказать услуг: кому же как не им – молодым оболтусам – таскать подносы с тяжёлыми тарелками и кружками, с наваленными блюдами и закусками, которые после требуется притаранить назад. А когда уже не за горами сороковник: тут уже совсем другая история, особенно когда обслуживаешь малолетних раздолбаев, не стоящих и твоего мизинца. Вы ведь должны были понять: я многого стою, и если бы не стечения обстоятельств – то одних, то других – парился бы сейчас не на местных неудобных нарах, а где-нибудь совершенно в другом месте. Числился бы я директором маленькой фирмы, занимавшейся маленькими делами – делишками! И приносившей хорошую прибыль, которую я тратил бы на любимые увлечения: пожирание сладостей и катание на аттракционах, и развлечения с девицами, заменяемых как перчатки. Если бы не одна гнида, откровенная сволочь, сломавшая мне судьбу и вынудившая взяться за волюну.

Звали его Блыдником, хорошая такая говорящая о многом фамилия, доставшаяся ему от предков – кулаков и упырей, мерзких вурдалаков, так же гнобивших всех попавших в их власть, как происходило это регулярно и с Артемием Ива-

новичем. Имечко тоже хорошее ещё будет: его звали именно что Артемием, а не Артёмом, как было у тех знакомых, которых одарили родители этим не самым современным и распространённым имечком. А может: они ещё и староверами какими-нибудь считались или раскольниками, считая свою жестокость вполне нормальным и обыденным делом. Наверняка они все были беспредельщиками!

Хотя начиналось дело не так грустно: когда – по объявлению в газете – я впервые посетил заведение, то остался вполне доволен: тихий погребок в глухом месте, далеко от вокзалов и станций метро, и только недалёкая железная дорога как-то не слишком мне понравилась. Но железнодорожная станция находилась километрах в двух, так что огромного наплыва клиентов ждать не стоило, и вполне можно было рассчитывать на тихую гавань.

Тем более что хозяином гавани оказалась жирная такая жаба: встретившись впервые с Артемием Ивановичем, я подумал: ну надо же, сколько бородавок, как у жабы какой-нибудь! Даже на носу – самой выдающейся части лица – у него поместилось целых три штуки, не говоря о всякой мелочи, хотя носяра у него был сам по себе запоминающийся, огромный как гранитная глыба, накренившаяся и готовая свалиться. Да у него вообще вся морда сияла как большая печёная картошка, только красного цвета, с неровностями и буграми, а из-под косматых суровых бровей на мир смотрели мелкие хитрые глазки, всё время изучая его и не позволяя миру

выйти из-под контроля.

Вначале-то я даже подумал: что он добряк, он так всё время шурился и улыбался, как будто чему-то радовался. Я оформился и тут же приступил, и только после – совсем не сразу, ещё через пару недель – до меня начало доходить, куда же я попал.

У каждого заведения есть ведь свои особенности, мелкие приятные или наоборот неприятные отклонения от нормы. Если они тебе подходят – то всё хорошо, ты с ними живёшь и мирно соседствуешь, позволяя отвлекать от обычной жизни. Ну, в предпоследнем месте оказалась дикая смесь всех национальностей, с преобладанием азиатчины и мелкопопости, что никак – в общем и целом – не влияло на меня. Я нормально переносил подобное скопление и не имел ничего против, так же как и против дамских посиделок в самом первом кафе, где постигал азы профессии. Хозяйка заведения – скупердяйка и сволочь – не жалела там денег на своих подруг и регулярно устраивала им банкеты. Я помню, как собирались вечерами пять или шесть тупых одиноких клуш, изливая друг другу жалобы и капризы, и поскольку из официантов я был там единственный мужик, то слегка перепало и мне. Ну то есть они могли сказать какую-нибудь гадость про мужиков, и мне приходилось терпеливо их выслушивать, без малейшей возможности вступить и дать отпор.

Но когда я впервые столкнулся с главным загибом Блыдника: то просто офонарел. Нет, правда-правда, я раньше да-

же и не слышал о таком: костюмированные балы и представления – они встречались все далеко, где-то за границей, завлекая глупых доверчивых туристов и вытряхивая из них деньжата. Ну в крайнем случае – у любителей дурацких забав, наряжающихся в одежду разных эпох и что-то там разыгрывающих: в меру своих знаний и извращённых фантазий.

Так вот: Блыдник стал организатором как раз подобных представлений, составлявших особое блюдо в его ассортименте, причём в данном деле он использовал всех, кто на него работал, независимо от степени извращённости и жестокости спектаклей и не считаясь ни с чьими желаниями и пристрастиями. И принимая меня на работу, он уже знал, в каком качестве я буду участвовать в этих его дешёвых спектаклях.

Шут гороховый, паяц, карлик, на чью долю приходится все помои и колотушки, которые он обязан сносить, а потом говорить «спасибо» и радоваться вместе с остальными участниками происходящему идиотизму: примерно так выглядела моя роль в его представлении. Он совершенно не думал о том, что есть люди, предлагать которым такое – значит смертельно оскорблять их, испытывать на прочность их терпение, и без того уже расшатанное и истрёпанное судьбой, так что последствия могут оказаться совершенно неожиданными и для кого-то даже печальными. Как оно в итоге и получилось. Но давайте я расскажу всё по порядку.

Работал я по обычному стандартному для подобных заведений графику – двенадцатичасовой день, два дня отдыха в неделю, то, что свыше – по договорённости. Соратников имелось трое – две девицы плюс парень, что как раз соответствовало размеру заведения: сорок столиков, как раз по десять на нос. И публика – в отличие от предыдущих мест – была совсем не такая голожопистая, желавшая не просто выпить и закусить, но и с удобствами отдохнуть, так что с чаевыми – в отличие опять-таки от тех же самых мест – выглядело всё пристойно. Временами даже хорошо!

Напарником был молодой лопухий парень, звали его Сергеем, и ничего кроме девок, пива и футбола его не интересовало. Ну да, ещё и компьютеры, кровавые игрища, в которые он лез когда только было можно, оставляя внешнюю жизнь другим людям. Девицы были под стать: две разномастные старлетки такого же возраста, сисястая высокая блондинка Света и мелкая мышь Марина, ничего кроме школы не заканчивавшие и ни к чему не стремившиеся, припарковав временно свои прелести в данном месте. А через какое-то время я узнал ещё кое-какие интересные подробности их жизни, сразу меня насторожившие.

Собираясь однажды домой, я зашёл по делам в подсобку – далёкое помещение в глубине, и когда уже собирался сваливать, услышал сопение и стоны. Ясно было: кто-то с кем-то трахается, и хоть не моё это было дело, я попробовал узнать – кто и где. Женские стоны я узнал сразу: такие звуки изда-

вать могла только Света, моя напарница, та ещё потаскушка, я это уже понял. Но кто же был мужик? И тут до меня допёрло: за стенкой находился ведь кабинет Блыдника, его личные апартаменты, куда мало кто вообще допускался, да и то по важным делам, так что кто ещё осмелился бы трахать нашу главную потаскуху в личном кабинете хозяина?

Насчёт неё мне всё стало ясно уже в первую неделю: она так ярко и вызывающе двигалась всегда по залу, таская полные и пустые подносы, что мало у кого не возникало желания вдуть ей. Торчащие гордо вперёд сисиндройды становились главным раздражителем в переполненном или даже полупустом зале, вызывая общую реакцию и даже провоцируя ссоры. Бабы на неё всегда сильно реагировали и советовали своим собутыльникам обратить внимание и на глупый коровий взгляд, на яркое поведение вечно готовой к случке тёлки, разбрасывающей во всех направлениях свои тайные признания и позывы, но кого из мужиков могло не привлечь такое?

У Светки имелся и парень, прикатывавший к ней на шикарном широкозадом мотоцикле – под стать и ему и ей, двум здоровым животным, так что поползновения клиентов бара, как и сотрудников, ставились под жёсткий контроль. Раза три или четыре – за время моей работы там – Светкин парень бил им морды, ну то есть ставил на место, когда замечал наглые приставания. Высокий и сильный, он мог справиться почти с каждым по крайней мере один на один, но что он

мог поделаться с этими её замашками, ей ведь явно нравилось, когда кто-то щипал её за попку или приглашал посидеть рядом за столиком, так что её парню оставалось только посочувствовать.

Не только проходящие клиенты, но и повара, и даже мы с Сергеем вставали на неё по стойке «смирно»: да-да, она даже не задумывалась, что своим поведением может расстроить работу целого заведения, когда, одев белый передничек спереди и оставив наполовину голым пространство сзади, гордо шествует по залу. Я ведь рассказывал вам про свои поползновения в данной области? Так что она была как раз такой глупой и несбыточной мечтой, которую хотелось хотя бы потрогать и пощупать, чего она, разумеется, делать не позволяла.

Так что, когда я услышал стоны и местами даже вопли, а потом сообразил – кто же её там обрабатывает – мне это сразу не понравилось. Если так можно со Светочкой, то как можно с остальными, не имеющими сильных друзей и заступников, и находящихся, можно сказать, во власти мерзкого сатрапа?

То, что он сволочь, и сволочь откровенная, я понял ещё через несколько дней: как раз во время моего дебюта в его спектаклях. Как я понял уже после, он ещё и не хотел меня пугать, и максимально мягко обставил моё первое участие в не самом крупном и значительном представлении, оставив самое жёсткое на потом.

А изображать мне требовалось на первый раз слугу, мелкого игривого паяца в доме средневекового итальянского вельможи: что-то из эпохи Возрождения соседствовало там с рыцарскими прибабасами, и тугой плотный костюм, нацепленный по приказу Блыдника поверх обычной одежды, был очень жарким и неудобным, так что таскание в нём самых обычных кафешных подносов стало не самым приятным делом.

Но на первый раз именно такой привычной работой дело и ограничилось: мне не приказывали делать того, до чего докатилось всё после, когда передо мной перестали стесняться. Обошлось на первый раз и без рукоприкладства: только «вельможа» со своими приглашёнными гостями, среди которых затесался и Блыдник, дико нагадили в комнате, бросаясь свинячьими и рыбьими костями во все стороны и попав несколько раз в меня, что вызывало у них довольное урчание и смех. Я потом ещё видел эту гниду несколько раз: изображая уже римского патриция, он как-то раз нализался до свинячьего визга и пытался даже пуститься во все тяжкие. Служанку-Светочку завалить он тогда не смог: она отбилась и убежала, и тогда урод полез на меня.

Ну, вы знаете, все прошедшие зону остерегаются этих моментов, они всегда хорошо знают и понимают – на что они имеют право и что могут позволить другим. Я этому педикку тогда дал по яйцам и тоже смотался, ублюдок был только один и не мог никого на меня натравить, так что эпизод спу-

стился на тормозах. Но кроме него случились и другие...

Нет, вы знаете, когда такой педрила приводит с собой дружка и они начинают ублажать друг друга: то и хрен бы с ними. Но приставания к другим, не имеющим с ними ничего общего?! Но наглые наезды на посторонних, вынужденных по работе просто присутствовать, и совершенно не желающих связываться ни с ними, ни с кем бы то ни было?! Так что когда произошёл ещё один случай, я сильно напрягся: там разыгрывалось опять что-то средневековое, но уже не европейское, а арабское, и богатый шейх – всё тот же педрила – долго жрал тогда всяческие специально приготовленные для него блюда, запивая самыми дорогими и элитными из имевшихся напитками, но был он уже не один – нет! – с ним на дорогих коврах возлежала ещё парочка таких же ублюдков, а Блыдник суетился неподалёку, изображая радушного хозяина, на всё готового ради гостей. Так вот: когда они уже дошли до кондиции, но всё ещё были в состоянии что-то делать, именно тогда Блыдник и проявил себя впервые по-настоящему. Подозвав меня к себе, он приказал переодеться: вынутые откуда-то разноцветные шаровары, яркая рубаха и колпак – явная одежда шутов и скоморохов средневековья – должны были заменить обычную официантскую форму, а добавленное в довесок опахало – из каких-то искусственных тканей и перьев – требовалось для обдувания ветром разгорячённых вспотевших туш, и согласно замыслу хозяина я должен был заниматься этим, пока гостям не надоест.

Нет, вы можете себе представить такое: чтобы я – и работал вентилятором у наглых типов, возлежащих в истоме?! Я, собственно, и физически был на такое дело неспособен, не говоря уж о моральной стороне: я ведь вам рассказывал уже о своей хилости, помноженной на последствия травмы, так что когда мне вручили опахало и приказали обдывать жирные туши, я отказался. Правда-правда: просто взял и сказал – нет! Не буду я выполнять ваши дебильные фантазии, тем более просто так, за здорово живёшь, и в самом конце тяжёлого рабочего дня, когда я и так еле стою на ногах, а скоро и рабочий день уже заканчивается!

И тут началось: вы знаете, раньше меня – на работе – никто ни разу пальцем не ударил, не задел по-настоящему грубо и по-хамски, и всё это я впервые получил именно там и именно тогда.

Для начала Блыдник обложил меня: я уже не помню, какие трёх- и четырёхъярусные матерные конструкции он вываливал по моему адресу и адресу моих близких, я такого никогда даже и не слышал, но там звучало нечто. А потом он меня ударил: с размаху, в лицо, так что я чуть не упал, и под гогот и веселье начинавшей расходиться компании я даже заплакал. От неожиданности и по-настоящему чуть ли не впервые в жизни.

Потом я убежал домой: ждать чего-то дополнительного от ублюдков я, естественно, не собирался, но меня никто и не задерживал. У них продолжались всё те же мерзости: тупое

обжиралово и извращённые игрища, какие-то девицы, специально приглашённые по такому случаю, уже добирались к ним. Увольняться я тогда не стал: где бы я – с моими недостатками – нашёл ещё такую работу, с солидными чаевыми и не самым утомительным графиком. И только о личной безопасности стоило позаботиться отдельно.

Так что именно тогда я прикупил себе вольту: не какую-нибудь простую пукалку типа «макарова» – нет! – я сразу решил найти что-то приличное, чтобы не подвело оно в решающий момент и меня самого бы не замочили.

Где и как я нашёл себе «ТТ»: я уж скромно умолчу. Не стоит выбалтывать все подробности, тем более что в моих показаниях уже есть официальная версия. Захотите ознакомиться – почитаете потом. Инструмент и две запасные обоймы к нему стоили немало – на них я ухлопал двухмесячную зарплату, но дело стоило того. Я, собственно, всегда хотел купить что-то подобное, я уже, кажется, рассказывал о своём интересе к оружию и был очень доволен. Хотя по-настоящему мочить никого и не собирался: я ведь думал, что достаточно одного только вида, нескольких слов, и вопрос будет снят. И то, что дело вышло по-другому: не моя вина.

А суровые будни тем временем продолжались: после той истории, всеми участниками как бы замятой и позабытой, случилась ещё одна. Но там уже я не был таким пострадавшим, я наоборот, можно сказать, кое-что тогда получил и приобрёл. Пострадавшей же оказалась – если так можно вы-

разиться – ещё одна коллега, вторая моя напарница: Марина.

Просто однажды – когда особым гостям Блыдника надоело пустое безделье, у них случился пошлый разговор, где постепенно они добрались до обсуждения моего мужского достоинства. Правда-правда, они ещё и не о таком постоянно там трепались, но в тот раз Блыдник выставил меня чуть ли не как быка-производителя, после чего гости захотели в его правоте убедиться.

А что я? Я – ничего, если они не приставали со своими голубыми замашками, то я вполне мог в таких вопросах дать ответ. И поскольку кроме меня в тот вечер гостям прислуживала ещё Марина, то они вместе и решили проверить: а как у меня с нею получится.

Про ту самую Марину я не могу сказать ничего особенно плохого, но и хорошее тоже как-то не вспоминается. Обычная серая мышь, которая пристроилась временно там, а могла запросто уйти в любой момент в другое место. В-общем, особых симпатий у нас друг к другу не возникало, но и отвращения тоже. Когда же ей посулили денег, а потом напоили, то она согласилась принять участие в этом эксперименте. Ну, меня особо уговаривать не пришлось...

Так что когда я – при стечении избранной публики – продемонстрировал свои желания и умения в узкой особой области, то присутствующие оказались вполне довольны. Правда-правда, и Марина тоже, явно не ожидавшая от меня такой прыти и напора, не говоря уж про Блыдника, выигравшего

спор. Он ведь, кажется, даже заключил пари на то, сколько раз я смогу сделать своё дело, и я его явно не подвёл. Ну и совершенно понятно, что после той истории сложились особые отношения ещё и с Мариной, моей коллегой и товарищем по несчастью.

Хотя никакого продолжения и развития это всё и не имело: она гуляла с разными парнями, рассказывать которым о том эксперименте не считала правильным – ну кто бы потом стал с нею считаться? Но и я тоже навязываться не стал: совсем не красавицей она была, и по большому счёту даже не в моём вкусе, так, мелкая тощая серая мышь с жиденькими волосиками и сиськами размером с лесной орех, так что та история тоже быстро заглохла. А потом случилось уже то, из-за чего я в итоге и попал сюда, закрыв себе дорогу к хоть какому-то приличному будущему.

Вы знаете, если бы я тогда не вляпался, не замочил Блыдника и остальных, то у меня было бы сейчас всё хорошо: руки теперь почти восстановились и почти вернули прежнюю ловкость, и я мог бы снова вернуться к тому делу, которое было любимым – главным делом моей жизни! Но тогда всё случилось потому, что этот ублюдок меня изнасиловал. Правда-правда, вспоминать тот день мерзко и противно, но случилось именно так. Да, лично Блыдник, которому надоели дешёвые и продажные бабы, путавшиеся обычно с ним, и которому захотелось меня унижить. И чтобы я больше ничего не посмел, именно поэтому он так и сделал, на очередной

вечеринке для особых гостей, когда прислуживал только я один, а гостей припёрлось трое: всё те же пошляки и развратники, решившие в тот раз пойти ещё дальше, чем шли до того, и, поймав меня за руки и за ноги, позволили у блюдку сделать это.

Я уж не стану описывать свои ощущения: в протоколах я изложил их достаточно подробно и возвращаться к ним не собираюсь. В-общем, сопротивляться я не смог, и тварь развозможила мне всё так, что я еле добрался потом домой. Я еле мог ходить, а на вопросы матери – что же со мной случилось? – так ничего и не ответил. И дней пять потом приходил в себя, сказав, что просто заболел.

Но я не просто заболел: разошедшаяся сволочь полностью вытрясла из меня остатки страха и осторожности, я больше не собирался считаться с негодьями, заполонившими всю землю – в верхних этажах, где хорошо и комфортно, где они расположились с максимальными удобствами и привилегиями и получают все удовольствия от жизни, не позволяя остальным почти ничего!

И когда я осознал это, то решил замочить его: домашний телефон, а через него и адресок я выяснил уже раньше, так что оставалось определиться: когда, в какое время, желательно без всяких посторонних, к которым у меня не имелось таких претензий и такой злости, обеспечив себе при этом какое-то алиби, чтобы не пришлось потом отвечать за дело, которое некоторые другие посчитали бы благом.

Со мной, я не сомневаюсь, согласились бы многие из тех, кто на него работал: как и меня, их держала там высокая зарплата, а подойди и спроси почти любого из них – достоин ли Блыдник смерти? – он сказал бы «да», вот только некому из них было браться за такую миссию, и я взял её на себя. О чём ничуть не жалею!

Идти на дело я решил в субботу: в обычные дни я пахал как проклятый и был выжат как лимон, так что хоть какой-то отдых мне требовался. Также требовалась проверка оружия, так что в субботу с утра я съездил в одно место, где, я знал, будет тихо и безлюдно. Куда? Неважно, в один лесок, недалеко от Москвы, где любил иногда гулять. А поскольку лето уже прошло – стояла середина октября – то особо там делать было нечего и практически никто не шлялся, и я, забравшись в глухое место, наконец опробовал оружие.

Я продырявил тремя выстрелами две банки: специально ради чего посетил находившуюся неподалёку помойку и подобрал несколько банок из-под пива. Если учесть, что иногда я посещал тир, то стрелять я должен был неплохо, и именно так всё и оказалось. Дистанция составляла метров десять, банки я поставил в ряд на пенёк, и два выстрела из трёх оказались точными, проделав широкие рваные отверстия, так что можно было идти на дело.

Жил гнида, разумеется, в не самом плохом месте, хотя и не в самом хорошем. Если б его хата находилась в закрытом квартале, с высокими заборами и охраной на проходной:

то хрен бы я туда так просто пролез! Но там стоял обычный дом, восьмиэтажная кирпичная постройка в приличном месте города, где у него имелась пятикомнатная хата. Пятикомнатная! Это я вместе с матерью ютился в комнате в коммуналке, не зная и даже не предполагая, когда же мы оттуда уедем и получим отдельное жильё, у гниды же вопрос был давно решён, и вместе с женой и двумя детьми он обитал в хорошей такой пятикомнатке. В подъезде, разумеется, имелся кодовый замок, но я уже раньше выяснил номер, набрав который можно было попасть внутрь. Никакой же охраны или хотя бы консьержек в доме не имелось, так что дальше всё зависело от моей ловкости и проворства.

В-общем, на дело я отправился около семи вечера, когда уже начинало темнеть, а Блыдник с семейством сидел дома. У него имелось двое детей – сын и дочь, проходившие все сложности подросткового возраста и наверняка шлявшиеся где-нибудь на улице, и ещё жена. Я видел её пару раз: жирная наглая тётка была под стать своему мужу, такая же уродливая и пупыристая, и совершенно не удивляло, что он постоянно искал приключения на стороне. Но к ней у меня претензий никаких не возникло, и грохать её я не собирался.

Но надо было ведь придумать, как его достать: я совершенно не продумал сценарий – где и как я всажу в него целую обойму, чтобы иметь возможность потом уйти от будущей погони, от злобных ментов, что устремятся за мной и точно не станут церемониться, потому что убийство – это

убийство! Так что когда я добрался до нужного дома – торчавшего в оживлённом и бойком достаточно месте – я решил подумать. Если бы гад вышел один на улицу, по какому-нибудь делу или в магазин, ему была бы хана! Это я точно говорю, но он явно никуда не собирался, и мне пришлось действовать самому.

В-общем в подъезд я попал и добрался до нужного – третьего – этажа достаточно спокойно: никто особо не шлся в вечернее время субботнего осеннего дня по хорошо освещённым коридорам. Камеры тоже нигде не висели: это было хорошо, моя фигура и хмурая злобная мордочка не попала бы в зону их контроля. Но главное теперь: стало добраться до Блыдника, чтобы я остался с ним на пару минут один на один и сделал своё дело, которое обязан был сделать.

Планировка дома позволяла мне устроиться в тихом месте и выглядывать из-за угла, держа под контролем дверь квартиры. Но просто звонить и лезть: было глупо, вряд ли этот гад открыл бы мне дверь, на хрена ему сдался такой мелкий ничтожный карапет как я, а если бы открыла жена: что бы я стал делать? Так что я решил подождать.

Но торчал я под дверями недолго: через полчаса где-то в лифте подъехала шумная компашка, и трое подростков – парень и две девицы – ввалились в квартиру Блыдника, так что я решил не лезть. На хрена мне были жалкие сопляки, отродья того, кто единственный был виноват передо мною и другими, и вмешивать сюда их я не решился.

Так что я сделал всё на следующий день: немного отдохнув, я собрался с мыслями и силами и решил обязательно закончить дело. Приехал я пораньше, не как вчера: было ещё светло, и чтобы случайные свидетели меня не запомнили, я спустил на голову капюшон. Неподалёку перед домом стояли ларёк и афиши, и я какое-то время тёрся рядом, изучая рекламу и не теряя из виду входную дверь дома, из которой, я надеялся, рано или поздно появится Блыдник. Однако он не появился, и пришлось самому двинуться вперёд, потому что оттягивать я не мог.

Нет, вы представьте себя на моём месте: я – взведён и настроен, гад – сидит в норе и не высовывает из неё носа, а под ногами постоянно путаются не относящиеся к делу типы! Какая тут осторожность, какая тут тайна, какое тут надёжное алиби, к чему не смогли бы подкопаться даже въедливые наглые менты, которые – уж можно было не сомневаться – выпьют всю кровь! Так что когда открылась дверь и незнакомый мужик вышел на площадку, я не выдержал. Попав в подъезд, я огляделся: никто не торчал в коридоре и не использовал лифт, всё было тихо и спокойно, и так же тихо и спокойно, не спеша, отдыхая в тёмных местах, я добрался до квартиры Блыдника, где, судя по звукам, как раз что-то сейчас и происходило.

Небольшой скандал, лёгкая перепалка, слышная даже из-за закрытой двери, и голос Блыдника как раз наезжал на голос незнакомого мужика, готовясь подняться и разорвать

противника на ошмётки, и всё это прямо тут, сразу за дверью, в пределах слышимости и почти видимости, если бы только дверь и стены были прозрачны и пропускали изображения. Но чудо не потребовалось: дверь резко открылась, и незнакомый парень выскочил на площадку и дёрнул мимо меня по лестнице вниз, чуть не сбив по дороге.

И тут меня прорвало: вся злость и ненависть, копившиеся к таким как Блыдник и собиравшиеся в глубине – да, именно они заставили меня полезть вперёд! Я себя не контролировал, а хитрые и шустрые лапки, отличавшиеся прежде в одном, взялись за другое: как будто со стороны в хорошо освоенной компьютерной игре я смотрел на открывающуюся широко дверь и злобную морду Блыдника, успокоившуюся и ушедшую куда-то вниз после трёх точных выстрелов в упор, а потом ещё морды трёх его ублюдков-подельников, выплывавшие из тени и приближавшиеся ко мне, так что приходилось снова нажимать на курок, а когда патроны кончились, лапки так же быстро перезарядили оружие, и тот, пятый, кто только что выяснял отношения с Блыдником и вернулся на площадку, тоже получил две пули, и только тогда я снова взял под контроль столько всего только что наделавшее тело, и быстро уже спустился вниз и выбежал из подъезда.

Менты рядом не светились, здесь мне в чём-то повезло, они не набросились на меня с дубинками и ногами, как непременно случилось бы при неудачном развитии. Людей бродило немного и никто из них не смотрел в мою сторону,

так что я мог уйти незамеченным. Пару кварталов в сторону ближайшего метро я протопал быстрым шагом, прислушиваясь к звукам: но сирены или чего-то подобного я так и не услышал, и, слегка успокоившись, стал приглядываться, где бы скинуть волыну.

Держать ТТ после такого было, естественно, невозможно: ну какой идиот стал бы хранить подобное оружие? Одна из помоек показалась мне подходящей: проходя в тихом месте мимо прилично забитых зелёных мусорных ящиков, я тихо сбросил туда пистолет, завёрнутый в тряпку. Контейнеры могли увезти уже скоро, и если бы меня никто не выследил, пистолет вполне мог затеряться в скоплениях мусора где-нибудь за окраиной города. По крайней мере я на это рассчитывал, не спеша двигаясь дальше по улице, в конце которой – метров через триста или четыреста – ждал вход в метро, где уже вряд ли меня могли в чём-то заподозрить.

Но как дело для меня кончилось: я думаю, вы сами знаете. В составленных и подписанных протоколах, я не сомневаюсь, вы уже читали и про облаву у входа в подземку, и про доблестные действия ментов, задержавших опасного – никак не иначе! – убийцу, и про полученные почти сразу признания: а что оставалось делать, когда они начали избивать меня ногами, даже не потрудившись прикрыть свои красные от усердия морды?! Кто-то всё-таки видел меня на месте убийства и смог даже дозвониться до обычно тупых и податливых ментов в их главную службу, и сделал это так хорошо – под-

смаатривая, видимо, в глазок входной двери – что даже мои приметы смог он описать добросовестно и подробно, и то, что могло кончиться безнадежным мёртвым висяком, завершилось наоборот: рапортом о блестящей победе и наверняка случившимся вручением медалек и присвоением новых званий. Так что, когда меня усадили за стол и я начал надиктовывать, описывая всё то, что случилось только что, в последние часы, я понял: это конец. И ничего тут не поделаешь...

Потом, когда я попал к серьёзным следователям, я пытался объяснить им детали и подробности: и кто такой Блыдник, и про изнасилование, и почему таким тварям и сволочам не должно быть места на земле, и как таким вот случайным мелким свидетелям приходится брать на себя тяжёлую миссию и соскребать их отсюда. И про шоковое состояние, в котором я находился, делая всё это. Хотя лишних четыре жмурика, совсем не так виноватые, а то и не виноватые вообще: это было уже слишком. Я честно рассказывал обо всех мелких деталях и подробностях, но как-то особо они их не интересовали, а выданный мне адвокат – старый почти опустившийся пьянчуга, которому скоро следовало отправляться на пенсию – так и не нашёл ничего отменяющего или хотя бы смягчающего мою вину. Гнусавый старпёр, я помню, блял всё что-то про состояние аффекта, но ни у следователя, ни у судей такое бляенье не нашло ответа, и за каждого жмурика мне отмерили по пятёрке. Хотя прокурор требовал пожизненного, и только изнасилование они посчитали ма-

аленьким таким смягчающим обстоятельством.

Я не знал, кстати, ничего про остальных четырёх жмуриков, подвернувшихся под руку, и только при общении со следователем, когда я выложил подноготную того заведения и описал все происходившие там непотребства, он объяснил мне, кто они такие. Ну как же, разумеется они оказались бизнесменами: элитой страны, занимавшейся только элитным развратом и элитными извращениями, как же по-другому! Один оказался банкиром, ещё двое – владельцами частных фирм, и только тот последний, в которого я по инерции вкатил последние две пули – всплыл каким-то мелким служащим, с которым они тоже проводили свои мерзкие грязные эксперименты и опыты, так что единственный, кому я на самом деле сочувствую: это он. Я помню, как на суде даже просил прощения у его родственников и друзей, игнорируя близких остальных тварей и ублюдков, так что... Не повезло тому парню, оказавшемуся в том же положении, что и я, но не сумевшему найти из него близкого и подходящего выхода.

Так что когда прокурор давал мне последнее слово, я твёрдо сказал: что раскаиваюсь в убийстве четверых, оказавшихся там случайно, по стечению обстоятельств, и совершенно не жалею Блыдника, получившего честно по заслугам, не только за меня, но и за всех пострадавших, так что никакого раскаяния и жалости с моей стороны нет и не будет. И если бы представилась возможность: то сделал бы то же самое, но умнее и без лишних жертв. Не знаю, поняли

ли меня судьи, но зал, наполненный тогда битком, по-моему понял и согласился, и защёлкавшие камеры и фотоаппараты оставили всем на память мои последние следы перед отправкой сюда, где я, несмотря на лишения и трудности, остался тем, кто я есть: маленький тощий герой-одиночка, непобедимый несгибаемый Хорёк.